

**РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ
В КАМЕННОМ
ВЕКЕ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

***РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ
В КАМЕННОМ
ВЕКЕ***

Краткое содержание докладов на
Международной конференции, посвященной
100-летию Отдела археологии МАЭ

Санкт-Петербург
1997

Сборник содержит тезисы докладов, прочитанных на Международной конференции по различным аспектам развития культуры преимущественно каменного (палеолит, мезолит, неолит) и медного (энеолит) веков. В них рассмотрены вопросы постепенности и прерывности в развитии культуры, критерии эволюции духовного мира в материальной культуре, отражение основных этапов развития культуры в музейных экспозициях, а также значение этнографических материалов в археологических реконструкциях.

Сборник посвящается 100-летию юбилею Отдела археологии МАЭ — старейшего и одного из крупнейших археологических фондов России национального значения.

Редакционная коллегия:

Т.А. Попова (ответственный редактор),

Г.Ф. Коробкова, Н.Д. Праслов

Рецензенты:

И.И. Гохман, Е.В. Беляева

Annotation

The book consists of the brief reports given on the International conference for different aspects of development of culture mainly during the Stone (Palcolithic, Mesolithic, Neolithic) and the Copper (Encolithic) Ages. The problems of the graduation and interruptions of the culture development, criterions of evolution of spiritual sphere in the material culture, the reflection of main stages of the culture's development in the museum exhibitions and also the importance of the ethnographical data for the archacological reconstructions are examined there.

The collections of brief reports is devoted to the 100th anniversary of the Department of Archaeology of the MAE — the oldest and one of the most great Russian funds having national importance.

Editorial board:

T.A. Popova (editor-in-chief)

G.F. Korobkova, N.D. Praslov

Reviewers:

I.I. Gohman, E.V. Belayeva

Археологические изыскания, вып. 43

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY
named after PETER THE GREAT (KUNSTKAMMER)
INSTITUTE OF HISTORY OF MATERIAL CULTURE

DEVELOPMENT OF CULTURE IN STONE AGE

The brief reports given on
the International conference dedicated
to the 100th anniversary of
the Department of Archaeology of the MAE

Saint-Petersburg
1997

УВАЖАТЬ ПРОШЛОЕ, ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Названия научных учреждений порой не менее обманчивы, чем внешность иных людей! В самом деле, далеко не все россияне-специалисты, не говоря уж о зарубежных, осведомлены о богатейших археологических коллекциях, сосредоточенных в фондах Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого — в Кунсткамере. А между тем в 1994 г. исполнилось ровно 100 лет с тех пор, как здесь был организационно оформлен Отдел археологии.

Впрочем, создание этого отдела отнюдь не означало отсутствие в Кунсткамере археологических материалов до того, а еще менее — отсутствие интереса к их собиранию и изучению. Как раз наоборот, со времени своего великого основателя Петра I Кунсткамера получала не только этнографические и антропологические, но и археологические экспонаты. Так что возникновение Отдела археологии в 1894 г. было не началом, а естественным продолжением и результатом предшествующего внимания к археологии.

За истекшее столетие в Кунсткамере накопилось более 500 тысяч археологических предметов, отражающих историю человечества с древнейших времен. Главное место среди них занимают предметы каменного века: достаточно напомнить о раскопках в Костенках или об Оленеостровском могильнике. Однако не меньший интерес представляют и другие коллекции, содержащие материалы более позднего периода.

В собирании и изучении всего этого богатства непреходящую роль сыграли в свое время С.Н. Замятнин, В.И. Равдоникас, А.П. Окладников, П.П. Ефименко, С.Н. Бибиков и другие сотрудники МАЭ. Их идеи развиваются и теперь благодаря усилиям Т.А. Поповой и небольшого коллектива, которым она руководит. И не пора ли подумать не просто о дальнейшем

— продолжении этих усилий, но и об их надлежащем организа-
— ионном оформлении? Ибо едва ли можно всерьез говорить о
— развитии этнографических и антропологических исследований
— без привлечения археологических данных, без осмысления их
— не только с традиционной археологической точки зрения, но
— „если так позволительно сказать, с точки зрения общей этни-
— ческой и антропологической истории человечества.

Сама жизнь, практика музейной работы требуют этого и
подтверждают это. Показательно, что на многих временных
выставках, которые Музей антропологии и этнографии устраи-
вает с 1993 г., археологические экспонаты являются неотъем-
лемой и органичной частью экспозиции, что позволяет посети-
телям музея глубже и полнее почувствовать великую связь вре-
мен — между настоящим и прошлым, а может быть, и буду-
щим. Кто знает? Ведь история человечества едина, хотя и
многолинейна. Она многолика, но преемственна: все мы дети
Земли.

A.S. Mylnikov
(St. Petersburg, Russia)

RESPECT THE PAST, THINK ABOUT THE FUTURE

INTRODUCTION

The names of some scientific institutions are sometimes such
deceptive as appearances of some people! Indeed, not all Russian
specialists, and too little number of the foreign colleagues, are well-
informed about the rich archaeological collections concentrated in
the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography —
the Kunstkammer Museum. Meanwhile, in 1994 it was 100 years
since the Department of Archaeology was organized here.

However, the foundation of this Department didn't mean ab-
sence of archaeological materials in the Kunstkammer Museum or
absence of interest to collect and study them before 1894. On the
contrary, since the time of its Great Founder the Kunstkammer
Museum has been receiving not only ethnographic and anthropo-
logical, but also archaeological exhibits. That's why appearance of

the Department of Archaeology in 1894 was not a beginning, but natural continuation and the result of previous attention to archaeology.

Over 400 000 archaeological objects reflecting the history of Mankind since the most ancient times accumulated in the Kunstkammer Museum during the past century. The Stone Age objects occupy the main place among them: To remind of the excavations in Kostenki or of Oleneostrovsky burial-ground. However, other collections consist of the materials of later periods are also interesting.

The important role in collecting and studying the whole this richness was played by S.N. Zamyatnin, V.I. Ravdonikas, A.P. Okladnikov, P.P. Efimenko, S.N. Bibikov and other research fellows of MAE. Their ideas are developed nowadays thanks to efforts of T.A. Popova and the small staff headed by her. And isn't it the time to think not only about further continuation of these efforts, but also about their due organization? Because it's hardly possible to speak seriously about the development of ethnographic and anthropological studies without using archaeological data, without interpreting them not only from a traditional point of view, but, if it's permissible to say, also from a point of view of the whole ethnic and anthropological history of mankind.

The life itself, the practice of museum work demand this and confirm this. This is a significant fact that in many exhibitions organized by the Museum of Anthropology and Ethnography since 1993 the archaeological exhibits are the integral and organic part of the exposition, and this allows to the Museum visitors to feel more profound and complete the great connexion of times — between the Present and the Past and, probably, the Future. Who knows? The history of mankind is indivisible, although it has many lines. It is multi-sided, but successive: all of us are the children of the Earth.

Т.А. Попова
(Санкт-Петербург, Россия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ КУНСТКАМЕРЫ — НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ

Среди многочисленных сокровищ Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) Российской Академии наук особое место занимает уникальное археологическое собрание. Оно является старейшим национальным фондом России и одним из самых богатых хранилищ археологических экспонатов в мире.

Первые поступления отечественных древностей были связаны с созданием Петром I Кунсткамеры (1714 г.). В дальнейшем, после ряда преобразований, в 1894 г. при МАЭ — главном преемнике Кунсткамеры — был создан самостоятельный Археологический отдел.

На протяжении всего периода — от создания Кунсткамеры до современного НИИ МАЭ РАН — Археологический отдел прошел ряд этапов своего утверждения. Последнее следует рассматривать в контексте двух факторов: во-первых, формирования коллекций и динамики развития самого Музея, в рамках которого имело поступательное движение и археологическое собрание, и, во-вторых, развития отечественной археологической науки. В истории становления археологического фонда эти вехи неравнозначны по протяженности, интенсивности поступлений и специфике. Каждая из них отражает содержание эпитеты общества и его базовых научных парадигм.

I. Начальный этап сложения археологического фонда достаточно длителен: от создания Кунсткамеры до образования МАЭ (1714—1879 гг.). Важное значение для собирания археологических экспонатов именно для Кунсткамеры имели, прежде всего, указы Петра I от 1718 и 1721 гг. Большую роль сыграло учреждение Петербургской Академии наук (1724 г.), в состав которой с коллекциями вошла и Кунсткамера, ставшая впоследствии исследовательской базой Академии наук и Санкт-Петербургского университета. Однако накопление раз-

нообразных материалов происходило столь стремительно, что вскоре понадобилось создание специализированных музеев (1836 г.). Археологические коллекции были размещены во многих из них, но главным их средоточием был, конечно, Этнографический музей.

Увеличению коллекций способствовали академические экспедиции 1768—1774 гг. и кругосветные путешествия русских мореплавателей 1803—1826 гг. Однако основным источником, обогатившим фонд новыми материалами, безусловным катализатором их собирания была организация научных археологических обществ в России: Императорского Русского археологического общества (1846 г.) и Императорской Археологической комиссии (1859 г.) в Петербурге. Благодаря их деятельности во многих губерниях производились специальные полевые исследования в целях изучения различных периодов древней истории народов России.

Немалую роль в накоплении археологических коллекций сыграло Императорское Географическое общество. Среди ценнейших поступлений середины XIX в. назовем материалы амурской экспедиции Л.И. Шренка, положившие начало созданию сибирской части фонда, инвентарь Ананьевского могильника из раскопок П.В. Алабина в 1858 г., который, как известно, стимулировал развитие финно-угорской отечественной археологии, а также дар графа А.С. Уварова: комплексы Белогостицкого клада из Ярославской губернии и владимирских курганов. При активном участии академика Карла Бэра, проработавшего много лет в Кунсткамере, были заложены основы комплектования археологических коллекций как неотъемлемой части Этнографического музея, что явилось большим достижением русской науки XIX в. Более того, К. Бэр, И.С. Поляков и А.С. Уваров настоятельно призывали к изучению первобытной археологии, ибо этот важный отдел российской археологии в то время все еще отсутствовал. Бэр неустанно повторял, что Россия не может считаться образованным государством, если не будет заниматься изучением своего древнейшего прошлого. Он считал, что сбор таких материалов должен осуществлять Этнографический музей.

Переломным моментом в реализации этих планов было появление в Кунсткамере коллекций каменных орудий эпохи неолита, собранных Н.Ф. Бутеневым (1863 г.), а позже И.С. Поляковым (1871 и 1873 гг.) в Олонецкой губернии. Затем последова-

ли сенсационные открытия первых позднепалеолитических стоянок — Карачарово на Оке (в уваровском имении) и Костенок-1 на Дону (1878—1879), исследованных Поляковым, Уваровым, Докучаевым.

Это были первые коллекции каменных орудий, происходящих с территории России. Они заложили основы формирования собрания музея по палеолиту и неолиту, образовав, таким образом, два главных блока хранения, что в дальнейшем повлияло на специфику комплектования археологического фонда Кунсткамеры. Благодаря этим материалам состоялось, наконец, зарождение отечественной первобытной археологии.

II. Следующий, второй этап процесса накопления археологического собрания охватывает период от образования Музея антропологии и этнографии (МАЭ) до создания Отдела археологии (1879—1894 гг.). Для российской археологии этого времени характерно дальнейшее расширение исследований памятников каменного века, увенчавшихся открытиями неизвестных его периодов. Это, прежде всего, материалы первых мусгьерских и позднепалеолитических памятников Крыма, а также первых памятников мезолита, открытых в 1879—1880 гг. Ж.С. Мережковским (коллекции исследователя были переданы в отдел позднее). В развитии археологического фонда этот период знаменателен поступлениями древностей из отдаленных регионов России: Сибири (коллекции И.Т. Савенкова) и Сахалина (коллекции И.С. Полякова). Новшеством этого времени было создание первой экспозиции музея (1889 г.), в которой были представлены и археологические материалы.

К концу XIX в. МАЭ имел почти 100 археологических коллекций (более 10 тысяч предметов). Такое большое собрание потребовало создания в 1894 г. самостоятельного археологического отдела.

III. Третий этап в поступательном развитии и расширении археологического фонда относится к рубежу двух веков: 1894—1917 гг.

Коротко о самой дате. После Л. Шренка 16 марта 1894 г. директором МАЭ был избран В.В. Радлов. При нем активно проводилась реорганизация Музея (введение единой системы регистрации коллекций и т.д.). В прочитанной им записке 30 марта 1894 г. на заседании Академии наук прозвучали слова: «...обратиться в Императорскую Археологическую Комиссию с просьбой помочь пополнить археологический отдел музея»

(Арх. РАН, ф. I, оп. 1а, 1894, № 141, л. 249). Именно в этом документе археологическое собрание МАЭ впервые именуется «отделом». Поэтому есть все основания датой рождения Отдела археологии считать 30 марта 1894 г.

Первыми его сотрудниками были Н. Могилянский, Д. Клеменц, Б.Ф. Адлер, а также старший служитель музея П. Саминов.

Отдел должен был объединить археологические материалы, необходимые для решения этнографических проблем, а в экспозиционной части — служить как было задумано К. Бэрром, вводным отделом музея. (Обе эти функции отдел выполняет и в настоящее время.) Активизировалась просветительная, научная, экспедиционная работа отдела. Исследования охватили территорию европейской части России. В верховьях Волги раскопки проводил В.И. Каменский, в ряде пунктов Валдайской возвышенности работали В.М. Лемешевский, А.М. Введенский, И.Т. Савенков.

К интереснейшим коллекциям археологического отдела того времени относятся материалы по неолиту и железному веку с территории Бурятии, а также Прибайкалья, которые были получены Байкальской экспедицией, организованной Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии под руководством частного сотрудника отдела Б.Э. Петри. В те годы (1914 г.) отдел пополнился коллекциями по эпохе железа и раннего средневековья из раскопок в низовьях Амура, собранными русским путешественником В.К. Арсеньевым.

Не прошло безрезультатно для отдела и такое событие, как присвоение Музею имени Петра Великого в 1903 г. В связи с 200-летием со дня основания Петербурга последовали активные дарственные передачи разновременных материалов от Археологической комиссии и Географического общества. И хотя в начале XX в. наблюдается некоторый спад поступлений по древнейшим периодам из-за общей тенденции замедления развития российской первобытной археологии, особенно к концу XIX в., тем не менее эта базисная часть собрания дополняется важными позднепалеолитическими материалами из раскопок Р. Шмидта и Л. Козловского в пещерах Вирховой (Сакажиа) и Уварова в Грузии.

В 1910 г., после постройки третьего этажа, благодаря усилиям В.В. Радлова и пожертвованиям Ф.Ю. Шотлендера (80 тыс. рублей) отдел получил экспозиционный зал. Уже в

1912 г. впервые была создана археологическая экспозиция, построенная по хронологическому принципу В.И. Каменским.

Главным итогом деятельности отдела в дореволюционный период было, во-первых, организационное оформление отдела в системе музея и, во-вторых, продолжающееся целенаправленное пополнение его коллекционного фонда.

IV. Далее следует период чрезвычайно емкий по содержанию, разнообразию и масштабности приобретений. Однако приоритетным направлением комплектования собрания остаются передачи материалов по каменному веку — палеолиту, мезолиту, неолиту.

Период с 1917 по 1970 г. — один из самых ярких в истории отдела и формирования его фонда, наиболее показательный и продуктивный, период расцвета, отразивший в полной мере уровень и достижения отечественной археологической науки. К сожалению, это время и потеря, если вспомнить 1937 год и Великую Отечественную войну. Его можно подразделить на два подэтапа: 1917—1941 гг. и 1945—1970 гг. Апогей в накоплении фонда был достигнут в довоенный период и сразу после окончания войны.

В послеоктябрьский период, когда все памятники старины были взяты под охрану государства, осуществился переход к систематическому и планомерному изучению древних этапов истории человеческого общества. При этом следует признать немалый объем и значимость дореволюционного наследия в области археологии. В археологический отдел МАЭ регулярно передавались обширные коллекции большого числа экспедиций Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК)—Института истории материальной культуры, (ИИМК) — Института археологии АН. Кроме того, отдел проводил и самостоятельные широкие полевые исследования.

Древнейший период истории человеческого общества (ранний палеолит: 800—40 тыс. л.назад) нашел в хранении отражение в больших сборах на памятниках Кавказа (Яштух, Гвард, Кюрдере) и Армении (Сатани-Дар, Арзни) благодаря работам С.Н. Замятина, а также М.З. Паничкиной. В отделе собраны ценнейшие материалы крымских стоянок мустьерской эпохи (90—40 тыс. л. назад) — всемирно известной стоянки Киик-Коба, где впервые Г.А. Бонч-Осмоловским было открыто погребение неандертальца (палеоантропа), гротов Шайтан-Коба и Аджи-Коба, изученных С.Н. Бибиковым. Среди мустьерских

комплексов выделим многослойную Ахштырскую пещеру и Волгоградскую стоянку (Сухая Мечетка), исследованные также С.Н. Замятниным. Уникальны материалы известного в мире грота Тешик-Таш в Узбекистане с инвентарем мустье горного типа и погребением ребенка-неандертальца, открытым в 1938 г. А.П. Окладниковым.

В хранилище сосредоточены материалы многочисленных позднепалеолитических памятников — знаменитых Гагаринской и Костенковско-Борщовских стоянок Верхнедонской области Русской равнины, а также Елисеевичей, Тимоновки в Приднепровье и ангарской Мальты в Восточной Сибири. Они получены в 1920—1930 гг. в результате исследований выдающейся плеяды российских ученых — П.П. Ефименко, С.Н. Замятнина, К.М. Поликарповича, П.И. Борисковского, М.М. Герасимова, В.А. Городцова, А.Н. Рогачева. Мировое признание получили произведения первобытного искусства из этих стоянок — женские статуэтки из бивня мамонта, миниатюрные скульптуры животных из мергеля, «чуринги», отличающиеся богатством любопытнейших сюжетов.

Следует отметить, что особая роль в создании уникального собрания коллекций по палеолиту принадлежит крупнейшему отечественному археологу С.Н. Замятнину, который в течение 25 лет возглавлял Отдел археологии (1933—1958 гг.). Как известно, многолетние изыскания исследователя привели к открытию серии палеолитических памятников на Черноморском побережье Кавказа и Северном Кавказе. Их изучение позволило С.Н. Замятнину создать периодизацию палеолита Кавказа, получившую признание в мире. Говоря о блоке коллекций по палеолиту, можно утверждать, что это — золотой фонд Отдела археологии, МАЭ и отечественной археологии.

Фонд располагает уникальным инвентарем Оленеостровского могильника (Карелия) эпохи мезолита, не имеющего аналогов на северо-западе России и в Фенноскандии, раскопки которого проводились под руководством В.И. Равдоникаса в 1936—1938 гг.

В Отделе представлены материалы по эпохе неолита, бронзового и железного периодов буквально из всех регионов России, собранные В.В. Федоровым, Н.Н. Гуриной, Б.Ф. Земляковым, А.В. Шмидтом, Г.П. Сосновским, В.В. Хвойко, Л.Я. Штернбергом, П.В. Сюзевым, В.Н. Чернецовым, В.И. Анучиным,

В.С. Адриановым, С.И. Руденко и многими другими известными исследователями России.

Деятельность Отдела в этот период не сводилась лишь к приему новых поступлений. Качественные изменения претерпела и сама система научной документации Музея, был создан отдел учета и хранения.

По материалам фонда был создан ряд временных, а также постоянных экспозиций (1932, 1936, 1946, 1960 гг.), требовавших в каждом случае новых подходов и научных концепций.

V. Период 1970—1990-х годов довольно сложен по ряду объективных причин. Тем не менее в этот период состоялась серия международных выставок Музея, в которых были представлены археологические материалы.

Из краткого обзора истории поступлений Отдела археологии МАЭ, характера его коллекций видно, насколько он богат интереснейшими предметами материальной и духовной культуры древнего человека.

На сегодняшний день собрание археологического материала не только не утратило своего научного значения, но, напротив, по мере интенсивности археологических изысканий, приобретает все большую ценность.

Все более весомым становится и значение музейных коллекций Кунсткамеры как эталонных материалов по археологии России, как бесценных источников для изучения этногенетических процессов прошлого, как составной части общей отечественной и мировой сокровищницы культуры.

В.М. Массон
(Санкт-Петербург, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ

Важным фактором развития науки является целенаправленное участие государственных органов в ее организации, материальной поддержке и стимулировании перспективных направлений, хотя по поводу последних мнения политических структур и научного социума могут иметь существенные расхождения.

В России долгое время главным археологическим государственным учреждением был Эрмитаж как естественное средоточие коллекционных материалов. Как центр, объединяющий на неформальной основе ученых-исследователей с 1846 г., стало функционировать Императорское Русское археологическое общество. Переломным моментом в организации археологической службы страны стало создание в 1859 г. при министерстве двора Императорской Археологической комиссии (ИАК) — первого центрального государственного учреждения России в области археологии.

ИАК сыграла огромную роль в развитии археологической науки России. Выдача «открытых» листов на проведение археологических работ с обязательным представлением отчетов объективно поднимали планку их методического уровня. Сообщения об этих работах в фундаментальных «Отчетах», которых было выпущено 70 томов, стали ценнейшим информационным фондом отечественной археологии. Это относится и к серии «Материалы по археологии России», в которой было издано 37 томов. Кроме того выходили «Известия» и даже Доклады за 1892—1899 гг. За время своего существования Археологическая комиссия сменила трех руководителей. Сначала это был О.Г. Строганов — 1859—1882 гг., затем в 1882—1886 гг. — А. Васильчиков, бывший одновременно директором Эрмитажа, а с 1886 по 1917 г. — А.А. Бобринский. Число различных организаций, занимавшихся археологией, во второй половине XIX в

значительно увеличилось. В 1864 г. образовалось Московское археологическое общество, большой заслугой которого стало проведение археологических съездов. Первый из них состоялся в Москве, второй — в Петербурге, а затем они проходили в разных центрах, стимулируя развитие археологических изысканий (вплоть до Туркестанского кружка любителей археологии, созданного в Ташкенте в 1897 г.). Таким образом, формируется структура официальных и неформализованных организаций, занимавшихся археологией. При определенном обособлении Петербурга и Москвы система приобретает все более полицентрический характер. В этом аспекте музейной практики следует рассматривать и создание в 1894 г. Отдела археологии в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого.

Цепочка научно-организационной преемственности ведущего археологического учреждения России, да и вся система инфраструктуры отечественной археологии в целом, претерпевали все превратности политической истории страны. В 1919 г. Императорская Археологическая комиссия была преобразована в Государственную Академию истории материальной культуры. В 1924 г. была открыта Московская секция ГАИМК.

ГАИМК стремилась продолжать определенные традиции предшествующей эпохи. Весьма ценной была издательская деятельность. Печатались и «Труды», и «Известия», и «Сообщения», но нерегулярно, что было обусловлено происходящими переменами. Идеологический прессинг все более закручивал установки, проводившиеся кампании и чистки наносили непоправимый ущерб и кадровому составу, и общему духу объективного исследования. В организационном плане все более вырисовывалась гиперцентрализация. 30 июня 1937 г. приказом Народного Комиссара просвещения ГАИМК была передана в ведение Академии наук СССР и по решению общего собрания Академии преобразована в Институт истории материальной культуры, с Московским отделением (МО ИИМК). Нет смысла перечислять последующие зигзаги административных перемен. Естественно развивающемуся полицентризму научного социума по всей стране препятствовала бюрократическая гиперцентрализация. Горбачевская перестройка открыла широкие возможности перемен, но и тут сложившийся менталитет и устоявшиеся структуры мешали сложению новой полицентричной инфраструктуры. Этот объективный процесс, основан-

ный на реальном научном потенциале и авторитете различных археологических учреждений, трудно остановить.

Богатые археологические и этнографические коллекции Музея антропологии и этнографии приобретают в наши дни особое общественное звучание. Музейные собрания и экспозиции призваны служить не только потребностям академической науки, но и такому важному ее направлению, как культурное наследие, без мобилизации ресурсов которого у большинства стран, в том числе и России, нет будущего. Следует учитывать различные идеологические парадигмы в оценке и использовании феномена культурного наследия. Полярными здесь являются доминанта политической идеологии и научный подход. Даже такая проблема, как этническая идентификация древних культур, напрямую связана с этой бинарной оппозицией интерпретационных подходов. Карьеристское политиканство в этой области отрицательно сказывается на просвещении народа. В результате весь блок сохранения и использования культурного наследия, в том числе и археологического, оказывается частью политической системы. Научный подход к этим проблемам, организационно поддерживаемый формирующейся полицентрической инфраструктурой, внутренние связи которой покоятся на научных, а не на административных принципах, является единственной альтернативой на пути к XXI столетию.

М. Отт
(Льеж, Бельгия)

ЗНАЧЕНИЕ РОССИИ ДЛЯ ДОИСТОРИИ

Прежде всего, мне хотелось бы выразить признательность сотрудникам Музея антропологии и этнографии за любезное приглашение выступить с этой высокой трибуны. Меня всегда привлекал образ Кунсткамеры не только своим величественным внешним видом и свойственной этому учреждению утонченной духовной жизнью, но и как школа научной мысли и культуры. Этот образ сложился в моем представлении вначале под впечатлением литературы, а затем благодаря необычайно плодотворному пребыванию здесь, во многом обеспеченному исключительно теплым приемом со стороны г-жи Поповой. Я счастлив принять участие в деятельности великой исторической школы, к сожалению, столь мало известной на Западе. Ее интеллектуальное богатство держится на глубоком культурном проникновении в суть исследуемых явлений. Здесь я чувствую себя погруженным в поток истории, еще живой и ощущаемой во всех аспектах культурной деятельности. Этот урок, к сожалению забытый на Западе, напоминает о том, что мы — часть движения, корни которого уходят в прошлое, будущее зависит от нашей деятельности, а настоящее доставляет нам ни с чем не сравнимую радость соучастия. Это понимание живой истории в равной мере применяется в России при изучении образа жизни кочевых (охотничьих) и земледельческих народов. Здесь также понимают значение внутренней связи между природной средой и образом жизни людей. На поздних этапах доистории тут обнаруживаются следы непосредственного продолжения этнологии в глубь времен. Этот взгляд еще более усиливает значимость русского подхода как в отношении объема документальных свидетельств, так и в отношении методов, применяемых к их анализу начиная с первых шагов развития науки еще при Петре Великом. Само это чувство живой истории было отправной точкой для поиска происхождения исторических народов вне пределов крупных торговых и индустриальных центров, там, где доистория еще сохранилась. Этот взгляд русского человека на первобытные народы как в прошлом, так и в

настоящем, представляет собой модель подхода, забытого на Западе. Идеологические барьеры и борьба за раздел сфер влияния территорий слишком давно исказили наше восприятие как подобных методов, так и достигнутых с их помощью в течение нескольких столетий результатов.

Помимо своей исторической значимости, Россия занимает необычайно благоприятное географическое положение для изучения здесь процессов культурного обмена в широком масштабе. Русская равнина является оконечностью грандиозного открытого пространства, простирающегося через всю Азию, европейская часть которого не более чем небольшой западный отрожек. Как в исторические времена, так и ранее, этот крайшек Азии одновременно играл роль как коридора для пропуска культурных импульсов, так и барьера, препятствующего их проникновению. Русский барьер служил фильтром в отношении влияний, направленных в Западную Европу, где их воздействие ощущалось весьма туманно. Коридор же способствовал передвижению народов, более явно запечатленных здесь, чем в других местах. Эти подвижки носили здесь более ясный и четко выраженный характер и приносили богатые плоды. Речь идет не только об особенностях русской школы исследования, но и об отличительных чертах самого явления. Плотность заселения и богатство культурных проявлений заставляют задуматься о необходимости первоочередного изучения этого огромного по площади региона, который может дать ключ к изучению других территорий. То явление, которое на Западе носит название граветийских «фаций», соответствует здесь разнообразным культурным течениям, этническим группам и традициям, с четко установленными хронологическими и территориальными рамками.

Примеры «костенковской» или «сунгирьской» культур, влияние которых ощущалось и на Западе (то в ослабленной форме, то в виде различных культурных комбинаций), показывают, что Русская равнина, эта оконечность азиатской территории, имеет ключевое значение для наших исследований.

Карта расположения палеолитических стоянок в Сибири и на прилегающих к ней территориях показывает, что область, прочно освоенная древним человеком, простиралась также к областям, лежащим на юг от Урала и на север от Черного моря. Алтайские памятники демонстрируют технологические изменения, эквивалентные происходившим в то же время на вос-

токе Европы, но они имеют гораздо большее значение. Так, древняя фаза на стоянке Тюмечин представляет собой индустрию на гальках и массивных отщепках без бифасов. Эта техническая традиция, аналог восточноазиатским комплексам, вероятно, связана с обработкой растительных веществ. Подобные традиции распространены по всей Восточной и Средней Европе за пределами зоны существования ашеля. Верхний (II) слой Тюмечина демонстрирует уже полностью освоенную леваллуазскую технику расщепления со снятием удлинённых, заранее подготовленных стандартных заготовок. Таким образом, речь идет о процессе, конвергентно развивавшемся на востоке и западе Евразии на равнозначной стадии технического развития. Подобное предвидение, обусловленное программированием серии технических операций, нашло свое отражение в способности к применению концептуальных схем, то есть в развитии языка. Наиболее значительные изменения прослеживаются в конце среднего палеолита, что демонстрируют материалы Денисовой пещеры и расположенного поблизости Усть-Каракола. В общем контексте индустрии, основанной на производстве отщепов, проявляется новая тенденция в технике, ориентированная на получение пластин. В тех же комплексах промежуточной фазы зафиксированы листовидные изделия, выполненные на пластинах при помощи плоской покрывающей ретуши.

Стоянка Малая Сья демонстрирует появление нового момента в отношениях между человеком и зверем, а именно: изобретение охотничьего оружия из кости, подобного по материалу естественному вооружению животных. Таким образом, происходит полное изменение отношения человека к природе — приобретая естественное оружие животных для создания технических вещей, человек изменил и свой облик, который стал объектом религии. В то время как метательное вооружение позволило человеку сделать охоту более продуктивной и безопасной, в религиозных образах находят свое воплощение фигуры грозных для человека зверей, таких как крупные кошки в Фогельхерде. Распространение этого образа жизни, этих новых ценностей, приводит к распространению популяций анатомически современного человека на запад Евразии. Появление технического феномена, свойственного верхнему палеолиту, скорее всего, может быть связано со степной зоной, где недостаток растительного сырья заставил человека обратиться к усиленному использованию животных ресурсов, подобно то-

му, как народы Сибири практикуют и поныне, а до них конные орды монголов и татар. Кажется, история Европы больше связана с Азией к северу от горного пояса центра материка, чем с Африкой, откуда обычно производят и человека современного физического типа, и верхний палеолит. С распространением этого нового образа жизни, в свою очередь, меняется технология обработки камня, нацеленная прежде всего на производство удлиненных пластинчатых заготовок, пригодных для насаживания в роговые рукоятки и для работы по кости. Эти культурные изменения распространялись с востока на запад континента, вовлекая в свое движение по мере миграции новые группы населения, их технологии и новаторские идеи. Дальнейшее же течение истории на Европейском континенте носит внутренне замкнутый характер, начиная с процесса аккультурации ориньяком граветта, о чем свидетельствует обмен формами изображения животных между двумя группами (от Фогельхерда к Дольни Вестоницам), а также стабильность образов наскальной живописи на западе континента (Шове, Лоссель, Гаргас).

Мифология охотничьих народов, сложившаяся в евразийских степях, материализовалась в виде образов, появившихся на западе этой территории в тот момент, когда волна экспансии столкнулась с новой и необычной обстановкой, что выразилось в создании успокаивающей мифологии, полной разнообразных образов. Равновесие, поддерживавшееся до того между человеком и природой, оказалось нарушено и появился новый виток духовной жизни, проявившийся в осознании человеком себя в качестве хозяина положения. Со времен верхнего палеолита, особенно в районе Русской равнины, человек медленно освобождался от погруженности в естественную среду и начинал бороться с собственной животной природой посредством создания мифологических образов; этот процесс продолжится и в дальнейшем. На наш взгляд, действительно поворотный момент в эволюции человека совпадает с последующим формированием новых местных групп населения, то есть с первыми подлинными индоевропейцами.

В. П. Любин
(Санкт-Петербург, Россия)

С.Н. ЗАМЯТНИН — СОБИРАТЕЛЬ И ХРАНИТЕЛЬ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Сергей Николаевич Замятнин (1899—1958) — видный археолог первой половины нашего века, научная деятельность которого отличалась исключительной разносторонностью. Диапазон его знаний, интересов, изысканий включал каменный век, эпоху бронзы, скифское, сарматское и славянское время. Первенствующее положение занимал все же палеолит, в области которого ему принадлежит ряд блестящих полевых открытий, а также проблемные разработки в вопросах становления человека, хозяйства древних людей, первобытного искусства, палеолитических жилищ и погребений, периодизации и типологии каменных изделий, методики поисков и исследования памятников каменного века. Огромное место в его жизни занимала также музейная деятельность. Она протекала в Воронежском музее краеведения (1915—1920 гг.) и в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде (1933—1938, 1946—1958 гг.). Заведая в этих музеях археологическими отделами, Сергей Николаевич обогатил их коллекционные фонды и внес в их систематизацию научную основу. В МАЭ он создал продуманную экспозицию Археологического отдела, превратив Музей в главное хранилище палеолитических древностей страны. Материалы, добытые им во время собственных разведок и раскопок, принадлежат к лучшей части собраний Музея и составляют около 30 % его фондов (45 коллекций объемом около 40 тыс. единиц хранения).

Полевые работы Сергея Николаевича по палеолиту масштабны и плодотворны. В 1922 г. он провел первые после революции раскопки в Костенках-I, а начиная с 1923 г. участвовал или проводил самостоятельные поиски и раскопки палеолитических памятников на Русской равнине, на Кубани, в Ставрополье, Причерноморье, Грузии, Армении, Азербайджане и Казахстане. За период с 1922 по 1956 г. С.Н. Замятнин разведал и

исследовал около 70 ашельских, мустьерских, верхнепалеолитических и мезолитических памятников (как стратифицированных, так и нарушенных). Ему принадлежит честь открытия ашеля в нашей стране, палеолита в Азербайджане и Кабарде, первого верхнепалеолитического жилища (Гагарино), первых мустьерских пещерных стоянок на Кавказе (Ахштырская и др.), первых в СССР палеолитических наскальных изображений (Мгвимеви, Грузия) и такого своеобразного памятника, как пункт разделки палеолитическими охотниками туши единичного мамонта (Сучкино). Наиболее крупным объектом исследований С.Н. Замятина является Яштух в Абхазии — конгломерат разновременных палеолитических поселений, мастерских и охотничьих лагерей. Среди мустьерских стоянок, раскопанных по тем временам образцово, следует отметить Ильскую, Ахштырскую и Сухую Мечетку. Разрабатывая проблему древнейшего заселения человеком территории страны, С.Н. Замятин призывал провести специальное археологическое обследование мест скопления остатков теплолюбивой плейстоценовой фауны. Ему удалось обнаружить палеолитические изделия на местах таких скоплений в Шубном, Красном Яре, в карьере близ Матвеева Кургана и близ станицы Саратовской.

Значителен вклад С.Н. Замятина в методику полевых исследований как местонахождений, так и стратифицированных стоянок в пещерах и под открытым небом. На обширном Яштухском местонахождении он произвел картирование района сборов, организовал и документировал планиграфически расчлененный учет материалов. В многослойной мустьерской стоянке в Ахштырской пещере он провел разделение отложений по литолого-, био- и культурно-стратиграфическим признакам, впервые произвел частое профилирование толщи осадков и фиксацию находок и отдельных структур по слоям. Такого же рода графическая и фотофиксация культурных остатков позволила ему составить представление о планировке стоянки под открытым небом (Сухая Мечетка). И, наконец, тщательная разборка и документация культурных остатков в Гагарино привели к крупному открытию — обнаружению верхнепалеолитических жилых сооружений.

Уже в 30-е годы С.Н. Замятин стал одним из ведущих палеолитоведов страны. Триумфом закончился его научный спор с В.А. Городцовым по поводу культурной атрибуции Ильской стоянки. Все чаще он выступал в качестве серьезного оппонен-

та П.П. Ефименко по многим теоретическим проблемам (например, по вопросам толкования женских изображений или выделения в мустьерском инвентаре орудий женского и мужского труда). И не случайно, видимо, именно Замятнину было поручено в 1938 г. написать для подготавливаемой Институтом истории материальной культуры «Всемирной истории» такие важные разделы, как «Становление человека» и «Палеолитические погребения». Издание это, к сожалению, не состоялось, и данные работы были опубликованы лишь посмертно. Результаты многих исследований Сергея Николаевича, обобщенные в ряде его публикаций, не потеряли значения по сей день. Таковы, к примеру, периодизация верхнего палеолита Кавказа; атрибуция микромолотковой индустрии Ильской стоянки и отнесение ее к широкому ареалу распространения этой мустьерской культуры в Центральной и Восточной Европе.

В 40—50-е годы авторитет С.Н. Замятнина был непрекращающимся. Он никогда не был стеснен рамками узкой специализации. Энциклопедичность профессиональных знаний, высокая общая культура, выдающиеся достижения в полевых исследованиях и в разработке теоретических вопросов палеолитоведения обеспечили ему почетное место в истории не только археологического отдела МАЭ, но и в отечественной археологии в целом.

*А.Д. Столяр
(Санкт-Петербург, Россия)*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДВИДЕНИЯ С.Н. ЗАМЯТНИНА

Многолетнее музейное уединение, олицетворявшее прямой и повседневный, можно сказать интимный, контакт исследователя с немymi, но самыми достоверными свидетельствами древней жизни, наиболее естественно отвечало духовному складу Сергея Николаевича Замятнина, самой форме его существования в сфере его непрерывно ищущей мысли. Воронежский краеведческий музей обозначил его археологическое крещение в пору окончания гимназии (1915 г.). И музей же — теперь уже Петровская Кунсткамера — послужил ему надежным интеллектуальным убежищем, «эрмитажем», в точном смысле этого слова, на протяжении последних десятилетий (1933—1958 гг.) прискорбно короткой его жизни. Более чем двухвековая музейная аура здания Матарнови, способствующая отрешенности от мимолетной суеты и содействующая длительной кристаллизации смелой, порой внешне парадоксальной теоретической идеи, особенно обострила дар археологического предвидения и противостояния ряду традиционных «общепринятых» воззрений — ту искру таланта, которая активно выделялась в общей совокупности ярких индивидуальных черт этой незаурядной личности.

В численно скромном, но ценном, как подлинный самоцвет, публикационном наследии С.Н. Замятнина особенно впечатляющими оказались два научных предсказания, касавшихся фундаментальных явлений древней истории Севера европейской части России: одно из них вторгалось в проблему палеолитического «очеловечивания» этого огромного региона, а вторым прогнозировалось миграционное взаимодействие культур в финале эпохи камня лесной полосы той же части России.

Отправная в каждой национальной истории проблема ее начала была поставлена С.Н. Замятниным в совершенно новом, вроде бы заведомо несостоятельном, ракурсе в докладе «О древнейшем заселении территории СССР» (Ленинград, 1948 г.). Главной из трех гипотез этого выступления уверенно предполагалось верхнепалеолитическое освоение неолитом зоны высоких широт европейской части России (включая землю Коми). Та же идея, пронизанная эмоциональным призывом к смелому поиску, настойчиво выделялась С.Н. Замятниным в статье «О первоначальном заселении пещер» (КС ИИМК, 1950. Вып. XXXI). Эта инициатива была результатом многолетних размышлений С.Н. Замятина, сопряженных с проводимыми им же полевыми изысканиями в центре великой Русской равнины. В 1933 г. это были работы у с. Шубного Воронежской области, а затем — в 1952 и 1954 гг. значительные, на высоком методическом уровне раскопки мустьерской стоянки Сухая Мечетка в черте города Волгограда, существенно продвинувшие распознанные границы ойкумены палеолита на Север сравнительно с географической привязкой, известной до этого крымской цитадели «русского» мустье.

Столь же страстный, как и научно обоснованный, прогноз С.Н. Замятина оказался стимулом действенных поисков памятников плейстоценового возраста в высоких широтах лесотундры и тундры Коми АССР. В 1960 г., вскоре после кончины С.Н. Замятина, была обнаружена В.И. Канивцом стоянка в Медвежьей пещере в верховьях р. Печоры, а в 1961—1963 гг. была открыта и изучалась примерно синхронная ей стоянка (древность — около 25 000 лет) у д. Бызовой, в среднем течении р. Печоры (175 км южнее Полярного круга). Так предвидение С.Н. Замятина превратилось в археологическую реальность и принесло науке свои драгоценные результаты.

Второй прогноз особенно оттеняет незаурядный диапазон мышления С.Н. Замятина — известного палеолитика. Здесь предметом анализа явилась сама органика сложного исторического развития — процесс взаимодействия и сплетения в духовной сфере культур лесного неолита европейской России различных по характеру и происхождению форм обрядово-

творческой символики. Конкретно, объектом целеустремленного собирательства, завершившегося созданием классического свода (см.: Сов. археология. 1948, № 10. С.85—123), была уникальная миниатюрная кремневая скульптура волосовского культурного единства лесного Поволжья, принесенная в ходе его могучей миграции второй половины 3-го—начала 2-го тысячелетия до н.э. в Восточное Прионежье и более северные области, включая Беломорье. В результате детального анализа этих этнокультурных атрибутов С.Н. Замятнин впервые выявил и обстоятельно аргументировал существенную близость репертуара и трактовки образов такого фигурного кремня и петроглифов Карелии. (Уточняя, заметим, что данное заключение справедливо только в отношении петроглифов Онежского озера, но не Беломорья.) Он прозорливо связывал эту творческую интеракцию со сложением крупных племенных образований на заключительной ступени каменного века Севера.

Сейчас все полнее раскрывается могучий прогностический потенциал наблюдений С.Н. Замятнина. Продолжая намеченную им перспективу исторической реконструкции, удастся выяснить особое значение колоссальных петроглифических святилищ не только Карелии, но и всей Фенноскандии как центров межплеменных сезонных фестивалей, таивших в себе основные, до недавнего времени невидимые механизмы динамичного этногенеза в зоне присваивающей экономики. Далее, резкая смена на Онеге начальных гигантских фигур («Беса» и др.) небольшими выбивками объясняется значением принесенных мигрантами малых форм в возникающем в процессе метисации мировоззренческом сплаве. Наконец, обращает на себя внимание то, что петроглифы Белого моря никак не отражают творческого синтеза, столь явственного на Онеге. Противоположные реакции двух карельских ансамблей на один и тот же культурный реагент (т.е. кремневую скульптуру волосовско-гаринского круга) позволяет допустить предположение об их принадлежности к двум различным этно-лингвистическим массивам.

И.Л. Тихонов
(Санкт-Петербург, Россия)

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ МАЭ, ПОСТУПИВШИХ ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Развитие эволюционной теории во второй половине XIX в., в первую очередь, ее положения о единстве человека и природы создавали возможности для обращения к древнейшему прошлому человечества представителей естествознания. Профессор геологии Санкт-Петербургского университета А.А. Иностранцев в 1867 г. создал Геологический кабинет — музей, который быстро стал пополняться геологическими и палеонтологическими коллекциями. Туда же поступили каменные орудия, собранные А.А. Иностранцевым в Олонецкой губернии и В.В. Докучаевым (в то время хранителем кабинета) в Смоленской губернии в первой половине 70-х годов. В 1877 г. женова академика Э.И. Эйхвальда подарила кабинету коллекцию из 165 каменных и бронзовых орудий, собранных Эйхвальдом на о. Рюген, в северных губерниях и в Сибири. Попадали в кабинет и находки от отдельных собирателей и ученых (А.Н. Штукенберга, Н.Ф. Бутенева, К.Ф. Кесслера, Архиепископа Нила и др.). Опись этих предметов в виде рукописного «Каталога каменных и бронзовых орудий, оружия и изделий Геологического кабинета» была составлена в феврале 1879 г. по поручению А.А. Иностранцева одним из его студентов. С 1878 г. в кабинет стали поступать находки с трассы Ново-Падожских каналов. Сбор этих материалов продолжался до 1882 г., и они составили уникальную коллекцию (более 1.5 тыс. костей, черепов, изделий из камня, рога, кости, дерева, керамики, остатков флоры и фауны). Для ее демонстрации была заказана отдельная витрина, послужившая исходным материалом для известной монографии А.А. Иностранцева.

На рубеже 70—80-х годов серию археологических исследований провел В.В. Докучаев. В 1878 г. он вместе с И.С. Поля-

ковым, А.С. Уваровым, В.Б. Антоновичем участвовал в раскопках Карачаровской палеолитической стоянки. 73 кремневых орудия и отщепа были переданы в Геологический кабинет. Более 700 предметов Докучаев собрал на неолитических стоянках Волосово, Елин Бор, Малое Окунево, Плехановский Бор и др. В начале 80-х годов Докучаев открыл группу неолитических стоянок вблизи Балахны, исследовал стоянку Борки и собрал около 1000 предметов каменного века в окрестностях Рязани.

Значительную часть археологических коллекций кабинета составили находки, сделанные К.С. Мережковским во время его работ в Крыму в 1879—1880 гг. Две коллекции, происшедшие из пещер Сюрень-I и Сюрень-II, насчитывали около 2 тыс. каменных и костяных орудий, причем находки из Сюрень-I были разделены в соответствии с условиями их залегания на три слоя. 4.5 тыс. предметов, составивших еще две коллекции, были собраны Мережковским на стоянке Киик-Коба и в других пунктах горного Крыма.

На протяжении 80—90-х годов в Геологический кабинет продолжали поступать археологические вещи, правда, уже не с такой интенсивностью, как в 1879—1880 гг. Многие из этих находок были сделаны во время геологических экспедиций чениками А.А. Иностранцева. Так, Е.В. Соломко и Н.В. Кудьявцев доставили несколько орудий, найденных в Орловской губернии, П.И. Венюков и Ф.Ю. Левинсон-Лессинг передали сланцевые топоры и заготовки для орудий из Ялгубы Олонецкой губернии. В 1897 г. В.П. Маргаритов (основатель Хабаровского краеведческого музея) прислал неолитические находки, обнаруженные им в окрестностях Владивостока. М.В. Малахов передал 294 кремневых орудия со стоянки у села Балташишке на берегу Немана. Попали в кабинет даже находки с территории Египта и Италии.

В 1897 г. некоторые археологические коллекции демонстрировались на выставке, устроенной в университете к 7-му Международному Геологическому Конгрессу, и вошли в изданный на французском языке «Каталог геологического и минералогического музеев университета». Всего к концу XIX в. в Геологическом кабинете насчитывалось более 12 тыс. археологических предметов (в основном по каменному веку). В последующие годы археологические материалы туда болсе не поступали, поскольку в университете возникла кафедра географии и этнографии со своим кабинетом (1887 г.) и Археологический

кабинет (1910 г.), которые продолжали сбор археологических коллекций, начатый А.А. Иностранцевым. А уже имевшиеся коллекции хранились в университете на кафедре исторической геологии до 1973 г. и неоднократно привлекали внимание археологов, в том числе С.Н. Замятина и М.З. Паничкиной, использовавших их в своих работах.

А.М. Решетов
(Санкт-Петербург, Россия)

С.М. ШИРОКОГОРОВ — СОТРУДНИК МАЭ

Выдающийся русский ученый Сергей Михайлович Широкогоров (19 июня (1 июля) 1887 г., г. Суздаль—19 октября 1939 г., г. Пекин) внес весомый вклад в этнографию и антропологию. Его труды по теории этноса, по шаманизму не потеряли своего значения в науке и поныне и пользуются признанием в мировой науке.

Однако его жизненный и научный путь исследован совершенно недостаточно. В определенной мере это связано с тем, что наиболее активный период своей творческой карьеры он прожил в сложное время, которое можно подразделить на несколько этапов. Важнейшими из них являются парижский, петербургский (петроградский), владивостокский, шанхайский и пекинский.

С.М. Широкогоров учился в Тульской и Ставропольской классических гимназиях. Из последней выбыл в 1903 г. и завершил среднее образование в частной гимназии г-жи Трефиер в г. Юрьеве Лифляндской губернии, но ввиду болезненного состояния не смог приступить к сдаче экзамена на аттестат зрелости непосредственно после окончания гимназии и должен был уехать за границу.

С осени 1907 г. С.М. Широкогоров начал посещать Парижский университет (по Faculté des Lettres) и с 1908 г. еще и антропологическую школу (l'École d'Anthropologie). В 1908 г. в его жизни произошло два важных события. 29 июня (12 июля) он был повенчан в Свято-Троицкой Александро-Невской церкви в Париже с дочерью провизора из Екатеринодара, студенткой парижского университета Е.Н. Робинсон, к которой, как представляется, он и устремился в 1907 г. Елизавета Николаевна Робинсон была женщиной незаурядной, она преуспевала в науке и прекрасно играла на фортепьяно. В жизни своего супруга она сыграла исключительную роль, посвятив себя всецело ему, став его верной помощницей и в научной деятельности. Труд-

но сказать, одобряли ли брак сына (в 1908 г. не имевшего образования и специальности) его родители. Известно, что специально к середине 1908 г. приурочил свою командировку в Париж в Институт Пастера его дядя И.И. Широкогоров, доктор медицины Императорского Юрьевского Университета, и участвовал в обряде бракосочетания племянника. Второе событие — освобождение 24 ноября (7 декабря) навсегда от воинской повинности. По этому случаю С.М. Широкогоров для освидетельствования приезжал на родину, в г. Вольск (по месту приписки). Занятия в Париже проходили успешно, но осенью 1910 г., не завершив образования, супруги Широкогоровы возвратились в Россию.

В мае—июне 1911 г. С.М. Широкогоров «подвергался испытанию зрелости» в Армавирской мужской гимназии. В том же году, он, чувствуя необходимость в приобретении естественнонаучных знаний под систематическим руководством, поступил на физико-математический факультет. В прошении на имя ректора он писал: «Мое желание быть зачисленным в число студентов Императорского Санкт-Петербургского Университета обуславливается также желанием поступить в число слушателей Археологического Института в целях продолжения занятий, начатых мною в Париже, и, наконец, ввиду того, что жена моя избрала своим местожительством для продолжения своего образования гор. Санкт-Петербург». В университете он слушал лекции по антропологии и этнографии Ф.К. Волкова, по геологии — Л.А. Иностранцева, по метеорологии и физической географии — А.И. Воейкова и других известных ученых. Однако университет он покинул в апреле 1915 г., не закончив его.

С 1910 г. С.М. Широкогоров был привлечен к работе в МАЭ сначала по составлению карточного каталога и по регистрации коллекций. Так, в феврале 1912 г. им были зарегистрированы в Отделе археологии коллекции № 1897 и 1929, поступившие из Бологого Новгородской губернии от князя П.А. Путьятина.

МАЭ и Русский Комитет по изучению Восточной и Средней Азии в 1912—1919 гг. финансировали экспедиции С.М. и Е.Н. Широкогоровых в Забайкалье, на Дальний Восток и в Маньчжурию. Они вели исследования по широкой программе, собирая этнографический, антропологический, лингвистический, фольклорный и другой материал. Собранные ими коллек-

ции ныне хранятся в отделах археологии, Сибири, Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ, в фонограммархиве Института русской литературы РАН. Некоторые из них ныне являются уникальными. В археологических раскопках С.М. Широкогорову помогал А.З. Федоров. Находясь в экспедиции, С.М. Широкогоров переписывался с коллегами и В.В. Радловым. Регулярной была его переписка с Л.Я. Штернбергом. Они были знакомы домами, о чем также свидетельствует, в частности, их совместная поездка на отдых на юг летом 1917 г.

20 сентября (3 октября) 1917 г. по предложению директора МАЭ РАН академика В.В. Радлова С.М. Широкогоров был утвержден Правлением РАН в должности сверхштатного антрополога МАЭ, без содержания, с возложением на него заведования Отделом антропологии. В.В. Радлов характеризовал ученого как «зарекомендовавшего себя как усердием и работоспособностью, так и научной подготовленностью в области антропологии, равно как успешными обследованиями тунгусских народностей». Ему разрешалось закончить возложенное на него Академией и Музеем поручение по обследованию языка и быта тунгусских народов Северной Маньчжурии, в связи с чем ему была предоставлена туда командировка.

2 октября 1917 г. С.М. Широкогоров написал Временному Правительству Российской Республики прошение о назначении его на должность сверхштатного младшего антрополога МАЭ. Было определено: «Включить С.М. Широкогорова в списки лиц, состоящих на государственной службе по Академии наук и привести его к присяге на верность службе, с отобранием у него установленной подписки, для чего дать г. Смотрителю зданий Академии выписку из сего журнала для исполнения».

Супруги Широкогоровы выехали в экспедицию из Петрограда 24 октября (6 ноября) 1917 г. Больше они никогда не вернулись в этот город, хотя до 1923 г. С.М. Широкогоров числился на службе в МАЭ в должности заведующего Отделом антропологии, находившегося «в командировке на Дальнем Востоке с 1917 г.». И во все последующие этапы своей жизни, вплоть до конца 20-х годов, из Владивостока, Шанхая и Пекина он поддерживал связь с РАН через Л.Я. Штернберга (посылал отчеты о работе, книги для библиотеки и др.).

Е.А. Окладникова
(Санкт-Петербург, Россия)

КОЛЛЕКЦИЯ КАМНЕЙ С НАСКАЛЬНЫМИ РИСУНКАМИ ИЗ ГОРНОГО АЛТАЯ В СОБРАНИИ МАЭ

МЕСТО СБОРА КОЛЛЕКЦИИ

В собрании МАЭ хранится небольшая коллекция произведений наскального искусства, привезенных в 1984 г. автором настоящего сообщения из районов Горного Алтая (№ 6924 МАЭ). В состав коллекции входят два вида памятников: сланцевые плитки с гравированными изображениями и крупные речные гальки с выбитыми и в редких случаях процарапанными изображениями. Камни и отдельные плитки с рисунками были обнаружены в ходе экспедиционных исследований, проводившихся ИИФ СОАН СССР (г. Новосибирск) на р. Каракол (Центральный Алтай) и в долине р. Елангаш (Чуйская степь, Восточный Алтай).

ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛЛЕКЦИИ

Плоские сланцевые плитки с рисунками, исполненными в основном в технике граффити, были обнаружены у подножия скал с рисунками в районе Теньгинского озера и у скальных выходов с петроглифами в 20 км от Чуйского тракта, рядом с кладбищем в долине р. Каракол. Особый интерес представляет многофигурная композиция с разновременными изображениями оленя, лошадей, сопровождаемых геометрическими фигурами. Наиболее древним и живописно переданным является рисунок оленя, исполненный в традициях скифского искусства Горного Алтая. Рисунки, которые сохранились на плитках, привезенные из долины Каракола, входят в обширный комплекс наскальных рисунков, исполненных в технике граффити Горного Алтая (Окладникова, 1988, с.140—159).

Речные гальки различного размера с нанесенными на их плоскую поверхность петроглифическими изображениями, во-

шедшие в коллекцию, были найдены в среднем течении р. Елангаш. Основная масса рисунков, насчитывающая более 35 тыс. композиций, располагалась на крупных валунах, лежащих на поверхности моренных гряд. Камни с рисунками концентрировались вокруг вершинок таких гряд и холмов, которые, как правило, имели удлинённые очертания. Часть рисунков была обнаружена на скальных выходах у водопада в верхнем течении Елангаша (Окладников, Окладникова, 1985, с.3). Рисунки на крупных речных гальках являются специфической особенностью именно этого местонахождения петроглифов. Довольно часто такие гальки с рисунками располагались не на вершинах холмов, а в ложбинках между ними. В некоторых случаях гальки с петроглифами служили материалом, который шел на изготовление «обо», установленных на вершинах холмов. «Обо» не только служили ориентирами для пастухов, которые продвигались со стадами по Чуйской степи, но и были святилищами, местами поклонения божествам древних скотоводов Алтая (Кагаров, 1927; Окладникова, 1990). В коллекции каменных плиток и галек с рисунками из Горного Алтая (долина Елангаша) имеются миниатюрные камни (15 × 14 см), покрытые выбитыми изображениями козлов, плитки с гравированными рисунками, представляющими женские фигуры в традиционных алтайских костюмах с накинутыми на плечи чегедеками. Аналогичные изображения были опубликованы С.В. Ивановым (Иванов, 1954, с.640). Такие изображения сохранились и на крупных валунах в долине Елангаша (Окладников, Окладникова и др., 1980, с.119, рис.1, 2, 4). Наблюдения автора позволяют высказать предположение, что плитки с изображениями женщин в традиционных алтайских костюмах могли использоваться как куклы девочками для игры.

СЕМАНТИКА ОСНОВНЫХ СЮЖЕТОВ

Одной из наиболее интересных композиций, которые были выбиты на гальках из долины Елангаша, является сцена военного столкновения лучника с безоружным человеком, тело которого передано в виде двух обращенных вершинами друг к другу треугольников. Композиция необычна и прямых аналогов среди всей массы рисунков Елангаша не имеет. Изображение лучника исполнено в манере, характерной для эпохи бронзового века петроглифов Центральной Азии. У него круглая

голова, тонкое, переданное одной линией тело, нарисованные парными выгнутыми линиями ноги с обозначенными на концах ступнями. На линии талии располагается овальный предмет. Аналогии описанной фигуре широко известны в мире петроглифов Центральной Азии (Окладников, 1980, с.66). Изображение противостоящей ему фигуры передано в совершенно иной манере: помимо треугольной «юбки» и треугольника плеч у этой фигуры показаны короткие толстые руки с массивными ладонями и растопыренными широкими пальцами, обращенными в сторону лучника.

Другая интересная композиция состоит из двух вписанных друг в друга окружностей с пятном в центре. Этот рисунок входит в группу наскальных рисунков долины р. Елангаш, передающих в абстрактной форме представление о мироздании. Анализ семантики наскального искусства Центральной Азии и Юга Сибири позволил сделать заключение о том, что существовало несколько основных изобразительных форм выражения идеи Вселенной.

1. Поэтико-космогоническая. Представление о мироздании было сформулировано в космогонических мифах (миф о Когульдее — небесном стрелке) и изложено в многочисленных версиях эпических сказаний (Маадай-Кара, 1973).

2. Тематико-картографическая. Многие композиции петроглифов Горного Алтая, в частности петроглифов долины р. Елангаш, можно рассматривать в качестве тематических карт, карт звездного неба. Звезды на каменных плоскостях петроглифических композиций передавались с помощью пятен-точек. Пятна-точки окружали зооморфные изображения, которые несли двойную семантическую нагрузку: одновременно олицетворяли созвездие и персонифицировали героя космогонического мифа, принимавшего участие в создании и обустройстве Вселенной (Иванов, 1954, с.595; Окладников, Окладникова, 1982, с.10).

3. Плоскостная-геометрическая. Догадку о том, что каждая важная идея, волнующая воображение человека, должна иметь геометрическое выражение или что за каждой идеей стоит геометрическая фигура, доказывают материалы памятников наскального искусства Горного Алтая. Одной из таких особо важных идей является представление о мироздании, идея Вселенной. Образ Вселенной имеет двойное выражение в петроглифах долины Елангаша. Первым выражением является пере-

крестье, оконтуренное фигурами животных. Ветви перекрестья как бы являются визуальным выражением классификационных цепей, упорядочивающих явления мироздания. Именно на них располагаются вереницы животных. Ветви перекрестия ориентированы по сторонам света. Вторым выражением идеи Вселенной является система вписанных друг в друга кругов с пятном в центре, маркирующим центр. Среди петроглифов Елангаша сохранились композиции со вписанными друг в друга кольцами, внутри которых располагается фигура козла — зооморфного символа мироздания (Окладникова, 1995).

ВЫВОДЫ

1. В коллекции петроглифов МАЭ среди рисунков зооморфных и геометрических сюжетов выделяются уникальные для мира петроглифов Алтая композиции, в частности сцена военного столкновения, один из персонажей которой гипотетически может трактоваться как ритуалист или мифологический герой. Другим уникальным сюжетом является изображение модели Вселенной, переданное в геометризованной форме.
2. Время создания рисунков на гальке и плитках охватывает период от эпохи поздней бронзы до этнографической современности. Многие композиции несут следы палимпсеста, столы характерного для произведений наскального искусства Горного Алтая.
3. Гальки и плитки с рисунками, найденные на территории Горного Алтая, характеризуют одну из слабо изученных форм практики наскального искусства Центральной Азии и Юга Сибири. Крупные речные гальки из долины р. Елангаш являются особым видом этой формы наскального искусства, существовавшей наравне с практикой создания монументальных наскальных композиций, и представляют своеобразную форму *l'art mobile*, возможно, сравнимую с гальками из Мас д'Азиль.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. // Труды ИЭ. 1954. Т.22.

Кагаров Е.Г. Монгольские «обо» и их этнографические параллели // Сб МАЭ. 1927. Т.6.

Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М., 1973.

Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. Л., 1980.

Окладников А.П., Окладникова Е.А. Петроглифы урочища Сары-Сатак. Л. 1982.

Окладников А.П., Окладникова Е.А. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск, 1980.

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка // Сб. МАЭ. Т.22. 1988.

Окладникова Е.А. Тропойю Когульдея. Л., 1990..

Окладникова Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства северо-западного побережья Северной Америки. СПб., 1995.

М.А. Дэвлет
(Москва, Россия)

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ ЭСТАМПАЖЕЙ ЕНИСЕЙСКИХ ПИСАНИЦ В МАЭ

Среди археологических коллекций МАЭ особое место занимает собрание копий-эстампажей петроглифов Верхнего и Среднего Енисея, которые были выполнены в начале текущего столетия А.В. Адриановым — археологом, этнографом, публицистом, общественным деятелем, состоявшим в то время на службе по акцизному ведомству. Коренной сибиряк, уроженец Тобольской губернии, он происходил из духовного звания. После окончания Петербургского университета по естественному разряду физико-математического факультета в 1879 г. он принял участие во втором путешествии Г.Н. Потанина по Северо-Западной Монголии. С 1881 г. Адрианов сотрудничал в «Сибирской газете» в Томске, в 1881 и 1883 гг. ездил на Алтай и за Саяны, в 1887 и 1888 гг. на север Томской губернии, в Нарымский край. В 1888 г. попал под негласный надзор полиции и вынужден был, поступив на службу по акцизному ведомству, покинуть Томск. Службу он рассматривал как неизбежное зло, но ее преимущества состояли в том, что она была связана с разъездами, во время которых Адрианов имел возможность заниматься исследовательской деятельностью. На акцизной службе он состоял почти 23 года вплоть до ареста и ссылки за поддержку на страницах печати забастовочного движения. В последнее десятилетие XIX в. Адрианов произвел массовые раскопки курганов на Среднем Енисее, а в первое десятилетие XX в. занимался копированием наскальных изображений.

Еще во время своей первой самостоятельной экспедиции в 1881 г. он открыл и срисовал от руки знаменитые ныне местонахождения на территории современной Тувы: Бижиктиг-Хая, Хая-Бажи и Баян-кольчик. Его рисунки сильно отличались от подлинников. Теперь же он стал выполнять «механические» копии на специальных сортах бумаги. Он накладывал бумагу

на скальную поверхность, смоченную водой, и затем проколачивал тугой щеткой. Просохший эстампаж можно было укрепить лаком, который наносился на бумагу широкой мягкой кистью. Этот «механический» способ копирования передавал точные контуры выбитых и вырезанных в камне фигур и даже технику их нанесения на скальную поверхность. Однако копии наскальных рисунков получались в зеркальном изображении.

Содействие Адрианову в этом начинании оказывал В.В. Радлов, который был не только руководителем МАЭ, но и одним из инициаторов создания в 1903 г. Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. На средства этого Комитета Адрианов производил работы в 1904, 1907 и 1909 гг. Благодаря ходатайству В.В. Радлова Адрианову было разрешено отбывать срок ссылки в Урянхайском крае, где он продолжил работу по копированию петроглифов. В МАЭ поступил огромный фонд копий наскальных изображений с территории бассейна Среднего и Верхнего Енисея. Последние два ящика с коллекциями в адрес МАЭ Адрианов отправил, судя по его записям, в июне 1917 г. В музее они числятся как поступившие в 1920 и 1921 гг., очевидно в эти годы они были заинвентаризированы.

Сам исследователь был расстрелян томскими чекистами в начале марта 1920 г. Его наследие хранится в МАЭ, и ценность его с годами возрастает по мере того, как в ходе промышленного строительства гибнет все большее число памятников наскального искусства, от которых потомкам остаются лишь копии, сохраняющиеся в МАЭ.

Научное наследство А.В. Адрианова в виде полевых дневников, отчетов, эстампажей писаниц составляет золотой фонд для исследователей сибирских петроглифов.

АШЕЛЬСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КОНСО-ГОРДУЛА В ЮЖНОЙ ЭФИОПИИ

В 1991 г. во время палеоантропологического обследования Южной Эфиопии в центре Великого Африканского разлома было открыто много раннепалеолитических памятников. Одна из групп местонахождений, расположенных в восточной части разлома на берегу р. Сагана (севернее города Консо), получила название Консо-Гордула. Здесь имеются хорошие разрезы, из которых собрано значительное количество каменных изделий, костей ископаемых животных и остатков гоминид.

Довольно плоская равнина (примерно 15 км в длину и 5 км в ширину) разрезана многочисленными оврагами, по стенкам которых хорошо прослеживается ее строение. В основании лежат докембрийские осадочные породы, на которых сформировалась мощная пачка эоплейстоценовых и раннеплейстоценовых отложений из глин и песков, разделенных прослойками вулканического туфа. Общая высота над уровнем моря около 1200—1400 м.

Сборы археологических, палеонтологических и палеоантропологических материалов здесь производятся регулярно. В 1992 г. найдена нижняя челюсть раннего гоминида, в 1993 г. — полный череп австралопитека и фрагменты Номо, в 1994 г. найдены нижняя челюсть австралопитека и обломки черепа раннего Номо. Эти находки сопровождались многочисленными остатками слонов, носорогов, приматов и крупных и мелких копытных.

Большое количество каменных изделий раннеашельского типа собрано на местах обнажения древних пород, но имеются и разрезы, в которых каменные орудия залегают вместе с остатками ископаемых животных. Они приурочены в основном к песчаным отложениям, разделенным вулканическим туфом, имеющим дату 1.8—1.3 млн лет.

Хорошо выраженные морфологически орудия изготовлены из базальта, кварцита и кварца. В местонахождениях № 3, 5, 7—12 собрано большое количество бифасов типа ручных рубил и пик, обработанных крупными грубыми сколами. Встречены крупные экземпляры, достигающие в длину 24—26,8 см. Колуны встречаются редко, сфероидов нет совсем, ретушированные орудия типологически очень разнообразны.

Собранные коллекции типологически близки материалам из слоя II Олдувайского ущелья.

Ашельские памятники ранее здесь не были известны. Теперь имеется возможность изучения древнейших этапов становления человека на выразительных, хорошо документированных материалах, залегающих в четких стратиграфических условиях.

*Л.В. Кузнецова
(Самара, Россия)*

РОЛЬ СУХОЙ МЕЧЕТКИ В РАЗВИТИИ ЗНАНИЙ О МУСТЬЕРСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Коллекция из раскопок мустьерской стоянки Сухая Мечетка, исследованной С.Н. Замятниным в 1952 и 1954 гг., является одной из жемчужин Археологического отдела МАЭ РАН. Вместе с хранящимися в архиве музея полевой документацией и фотоматериалами она представляет ценнейший источник для изучения мустьерской эпохи палеолита.

Материалы памятника неслучайно вызвали огромный интерес у специалистов различных научных дисциплин. Геологичтетвертичники В.И. Громов, А.И. Москвитин, М.Н. Грищенко, А.Д. Колбутов, Ю.М. Васильев и другие вели оживленную дискуссию о возрасте отложений и погребенной почвы. Археологи Н.Д. Праслов, Г.П. Григорьев, В.Н. Гладилин, А.А. Формозов и другие высказывали различные точки зрения по поводу культурной принадлежности памятника. М.В. Александрова занималась планиграфическим анализом слоя, а С.Н. Бибииков говорил о наличии на ней жилищ. С.А. Семенов выделил несколько орудий с выразительными следами использования, характеризующих хозяйственную деятельность мустьерцев.

Долгие годы Сухая Мечетка оставалась единственным памятником мустьерской поры в Нижнем Поволжье. Работы последних лет позволили исследовать еще два мустьерских местонахождения: Челюскинец-II и Заикино Пепелище. Их материалы находят прямые аналогии в Сухой Мечетке (сырье, техника расщепления, основные типологические индексы). Кроме того получены термолюминисцентные даты, превышающие 100 тыс. лет.

Новые материалы позволяют ставить вопрос о бытовании на территории Нижнего Поволжья мустьерского населения со сходной культурной традицией начиная со второй половины миклулинского межледникового.

Н. К. Анисюткин
(Санкт-Петербург, Россия)

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ГРОТА ШАЙТАН-КОБА И ВОПРОСЫ ЛОКАЛЬНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ МУСТЬЕ КРЫМА

В настоящее время в мустье Крыма, которое представлено многочисленными пещерными стоянками, выделено несколько локальных вариантов, рассматриваемых как археологические культуры. В общих чертах, если абстрагироваться от чрезмерной детализации, здесь выделены две большие группы — мустье с бифасами и мустье без них, или, используя терминологию В.Н. Гладылина, — «мустье двустороннее» и «мустье обыкновенное». В качестве наиболее яркого примера последней группы представлена индустрия Шайтан-Кобы, выделенная В.Н. Гладылиным в отдельный тип. Коллекция этого памятника и рассматривается в данной работе.

Стоянка исследовалась в 1929—1930 гг. Г.А. Бонч-Осмоловским. Материалы раскопок хранятся в Музее антропологии и этнографии РАН.

В коллекции около 5 тыс. изделий из кремня, включая более 600 орудий. Техника расщепления характеризуется следующими показателями: леваллуа — 22%, фасетирование — 49%, пластины — 14%. Несмотря на некоторое завышение индекса леваллуа, можно говорить о хорошей представленности этой техники, хотя индустрию и не следует относить к подлинно леваллуазской. В этом плане атипичные леваллуазские острия (по Ю.Г. Колосову) следует воспринимать как недоразумение. Среди нуклеусов преобладают дисковидные, включая отдельные и выразительные «черепаховидные».

Среди орудий господствуют разнообразные скребла. Остроконечники, лимасы и конвергентные скребла малочисленны, но выразительны. Многочисленны угловатые скребла (*déjeté*), что свойственно крымскому мустье. Они обработаны преимущественно модифицирующей чешуйчатой и ступенчатой рету-

шью. Обращают на себя внимание угловатые скребла, напоминающие асимметричные остроконечники, у которых один из краев обработан крутой или полукрутой ретушью, второй — прямой, имеет заостренный край с субпараллельной или чешуйчатой ретушью. Распространена подтеска концов орудий. Много зубчатых орудий. Остальные формы малочисленны и единичны. Среди бифасов выделяются формы (типичные Keilmesser), а также два крупных рубила, напоминающие «остроконечники, двусторонне обработанные» Ю.Г. Колосова, который выделил их в мустье с бифасами.

Индустрия Шайтан-Кобы относится к мустье типичному с многочисленными остроконечными орудиями и выразительными шарантскими элементами. По совокупности признаков этот комплекс сходен с прочими крымскими индустриями, в первую очередь со Старосельем, Бахчисарайской стоянкой и Холодной балкой, отличаясь от Староселья малочисленностью бифасов, а от Холодной балки — более низким процентом скребел.

В основе вариабельности мустье Крыма лежат, прежде всего, такие показатели, как количество бифасов и размеры сколов-заготовок. Являются ли они достаточными для выделения мустьерских археологических культур? Прежде всего, укажем на отсутствие надежно разработанной хронологии, на недостаточность проведения междисциплинарных исследований. С точки зрения типологии, бифасы Шайтан-Кобы почти неотличимы от бифасов «мустье двустороннего», что ставит под сомнение значимость процентного соотношения бифасов при выявлении локальных различий в палеолите. Известно немало случаев зависимости количества бифасов от типа памятника или смены ландшафтных зон.

Мустье Крыма едино и разнообразно одновременно. Едино оно техникой расщепления, элементами вторичной обработки и формами орудий. Различно — процентом групп орудий, прежде всего бифасов. Что важнее? На этот вопрос дадут ответ дальнейшие исследования, учитывающие многообразие разных факторов.

Л. В. Голованова
(Санкт-Петербург, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ИННОВАЦИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

На сегодняшний день на Северном Кавказе известны палеолитические памятники, отражающие практически все этапы развития культуры палеолита начиная с четвертичного периода. Они являются доказательством того, что почти с начала и на протяжении всей эпохи палеолита данная территория была обитаема. Однако они чаще всего фиксируют лишь отдельные эпохи, между которыми существуют крупные хронологические разрывы, не позволяющие проследить преемственность в развитии культуры на длительном отрезке времени.

Самые древние следы пребывания человека на Северном Кавказе зафиксированы в слое 7А Треугольной пещеры, для которого имеется ЭПР дата 583 ± 25 тыс. л. назад. Вышележащий слой 5Б имеет ЭПР дату 393 ± 27 тыс. л. назад. Но о культурной принадлежности этих комплексов сложно говорить из-за малочисленности материала. Между этими слоями и слоем 4Г существует крупный хронологический разрыв. Ярко выраженная галечная индустрия слоя 4Г имеет аналогии в Королево и датируется минделем. Комплекс слоя 4А, относящийся к миндель-риссу имеет аналогии в ашеле Кударо-1.

Следующий крупный хронологический период отражен серией местонахождений и одной Среднехаджохской стоянкой открытого типа, которые фиксируют завершающий этап развития ашеля в конце рисса — около 150—100 тыс. л. назад. Они разделяются на три типа индустрий: абадзехскую, хаджохскую и абинскую, различающихся между собой набором орудий на отщепях, типами рубил и техникой расщепления. Только одна из названных индустрий как будто имеет продолжение в памятниках начала рисс-вюрма. Индустрии Семьяблоневского и Лучковского местонахождений очень близки памятникам Абадзехской группы по технике расщепления, но здесь больше ору-

дий, изготовленных на пластинах, орудий со сходящимися лезвиями.

В рассматриваемом регионе сейчас известны только два памятника, датирующихся росс-вюрмом. Об индустрии слоев 6—7 Ильской-II ничего не известно. Материалы слоев 5—7 пещеры Матузка достаточно специфичны и не имеют аналогий в соседних памятниках.

В начале раннего вюрма на Северный Кавказ проникает мощная волна носителей так называемого восточноевропейского микока. Самые ранние этапы отражают слои 3 и 2Б Мезмайской пещеры и Ильская-I. Четыре мустьерских слоя Мезмайской пещеры демонстрируют развитие индустрии на протяжении всего мустьерского вюрма. В вюрме II—III эти индустрии превращаются в то, что обычно называют мустье, типичное фации нелеваллуа, — это индустрии, объединяемые в губскую мустьерскую культуру (Монашеская, Губский навес № 1, слои 2 и 2А Мезмайской пещеры и слои 4Б—В Матузки). Положение Баракаевской пещеры в числе этих памятников до конца не выяснено. Возможно, она синхронизируется с ранними слоями Монашеской пещеры. Одновременно с этими памятниками в вюрме II—III на Северный Кавказ проникает индустрия, аналогичная ахштырской мустьерской культуре Сочинского Причерноморья.

Однако только индустрии восточноевропейского микока с большим количеством бифасиальных и частично бифасиальных орудий и их продолжение в виде губской культуры имеют преемственность в начале позднего палеолита в индустрии Каменноостской пещеры. Индекс пластин здесь почти такой же, как в индустрии Монашеской пещеры. Также мало здесь орудий, изготовленных на пластинах. Большая часть скребков оформлена на отщепах и имеет формы, близкие Монашеской пещере. Значительное количество скребел и орудий со сходящимися лезвиями.

Большой хронологический разрыв отделяет эти памятники от стоянок конца позднего палеолита. Индустрии двух позднепалеолитических слоев Губского навеса № 1 стоят особняком, не имея аналогий в ближайших памятниках. А вот стоянки Сатанай, Касожская, Русланова, объединенные в Губскую позднепалеолитическую культуру, обнаруживают новую инновационную волну, проникающую на данную территорию из Закавказья.

Следовательно, в палеолите Северного Кавказа представлены все основные эпохи, но о преемственности конкретных культурных традиций можно говорить только для круга Абадзехских памятников конца рисса—начала рисс-вюрма и для индустрий восточноевропейского микока, развивающихся на этой территории, — от раннего вюрма до конца вюрма II—III. Крупные инновации в культуре прослеживаются в начале мустье с проникновением названных индустрий и в конце позднего палеолита с проникновением закавказских традиций.

Н.Д. Праслов
(Санкт-Петербург, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ ИЛЬСКОЙ СТОЯНКИ ИЗ РАСКОПОК С.Н. ЗАМЯТНИНА И В.А. ГОРОДЦОВА

В фондах археологического отдела МАЭ хранятся коллекции под № 4267, 5203, 5445 и 5601 из раскопок С.Н. Замятина и В.А. Городцова Ильской мустьерской стоянки. К этим материалам постоянно обращаются новые поколения археологов, занимающихся изучением палеолита Европы и особенно мустьерской эпохи Русской равнины и Кавказа. К сожалению, результаты раскопок С.Н. Замятина 1926 и 1928 гг. отражены только в двух публикациях, а подробной полевой документации не сохранилось. Работы В.А. Городцова 1936—1937 гг., предпринятые в связи с оспариванием возраста памятника, носили тенденциозный характер и проводились в большой спешке. Об этом можно судить по дневникам, сохранившимся в фондах Государственного исторического музея. Им была вскрыта траншеями и шурфами площадь около 370 кв. м. Сам В.А. Городцов в возрасте 76—77 лет практически не спускался в шурфы и траншеи, и все сборы материалов осуществлялись рабочими, не имеющими археологической подготовки. И хотя В.А. Городцов выделил еще один, верхний горизонт находок (поскольку копал выше по склону от замятинских раскопок — *Н.П.*), эти материалы не могут использоваться для качественного и количественного разделения коллекций. В отвалах траншей В.А. Городцова в 60-е годы мы находили много артефактов самого разного характера, включая очень крупные доломитовые нуклеусы.

Для решения некоторых спорных вопросов, возникавших при использовании материалов Ильской стоянки, мною в 1963, 1967—1969 гг. были проведены дополнительные исследования, с тем чтобы разобраться в стратиграфии и хронологии этого памятника. За четыре полевых сезона было вскрыто около

100 кв. м площади, расположенной как раз между раскопами С.Н. Замятина и В.А. Городцова. Это позволило более четко определить условия залегания археологических материалов внутри мощной толщи четвертичных отложений, увязать их с определенными литологическими слоями, а также понять причину расхождений во взглядах между В.А. Городцовым и С.Н. Замятиным.

Все археологические материалы, в том числе и костные остатки ископаемых животных, фиксировались в трех измерениях, и снятие их проводилось по условным горизонтам в 10—15 см с учетом древнего рельефа, прослеживаемого благодаря литологии. Положение находок определялось от единой нулевой плоскости, а не от современной поверхности, как это делалось В.А. Городцовым.

В сложно построенной толще склоновых отложений, перекрывающих ископаемую почву, из которой происходят основные сборы материалов С.Н. Замятина, нам удалось выделить еще 3 дополнительных горизонта слабо выраженных ископаемых почв, а также проследить уровни размывов. Разрез детально изучался почвоведом В.Ф. Вальковым и И.П. Стокозовым, и наши визуальные наблюдения подтверждаются аналитическими данными.

В процессе раскопок не всегда удавалось отчетливо выделить культурный слой, связанный только с определенным литологическим слоем. На раскопанном нами участке выделено 12 археологических горизонтов, а если учесть, что верхний слой из-за своей мощности разбит на два дополнительных подгоризонта, получится 14 археологических уровней. Эти данные сразу же снимают вопрос о двух культурных слоях в Ильской стоянке.

Общая коллекция собранных нами каменных изделий состоит из 5230 предметов, из них 233 экземпляра имеют хорошо выраженную вторичную обработку и являются орудиями. Техника расщепления камня, судя по детальному анализу нуклеусов, проведенному Т.Н. Дмитриевой, свидетельствует о том, что между всеми выделенными горизонтами находок существует определенное сходство, указывающее на единые приемы снятия заготовок. Наблюдения по нуклеусам находят подтверждение и в статистических данных по сколам. Индексы пластичности, удлиненности и массивности, вычисленные по каждому горизонту и для каждого вида сырья, показывают, что

статистически значимых различий нет. Это также говорит о единстве техники расщепления во всех горизонтах.

Типологический анализ по способам изготовления и по морфологии орудий также подтверждает сходство различных горизонтов. Общее их количество недостаточно для установления статистически значимого различия или сходства.

Во всех горизонтах орудия изготовлены в технике как двусторонней, так и односторонней обработки, причем двусторонняя обработка применялась к любому материалу.

Небольшие отклонения в морфологии нуклеусов имеются в 12-м горизонте. Однако, возможно, это было связано с большей доступностью первичного сырья для обработки, чем у обитателей вышележащих горизонтов. Распределение первичного сырья, использованного в различных горизонтах, показывает довольно интересную картину предпочтений для изготовления орудий. Хотя в коллекции количественно преобладает доломит, орудия в большом количестве изготовлены из твердых галечниковых пород (кремень, яшма, лидит). Орудий из алевrolита и доломита значительно меньше.

Продолжительность обитания на Ильской стоянке установить трудно, однако, несомненно, она была значительной. И это ставит перед нами сложный вопрос длительности существования и развития определенной технической и типологической традиции от конца росс-вюрма до второго интерстадиала вюрма.

*А.В. Колесник
(Донецк, Украина)*

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МУСТЬЕРСКИХ ДВУСТОРОННИХ ОРУДИЙ

К числу существенных характеристик каменного инвентаря эпохи раннего палеолита относят приемы двусторонней обработки каменных орудий. Принцип двусторонности является фундаментальным при выделении локальных отличий, вариантов индустрий и т.д.

Вместе с тем, двусторонность двусторонности рознь. Необходимо различать совокупность приемов двусторонней обработки, несущей яркие стилистические особенности, и двустороннюю обработку, которая диктовалась физическим контекстом расщепления камня.

Обратим внимание на весьма значительную и разнообразную группу частично-двусторонних и двусторонних плоско-выпуклых мустьерских орудий. Это скребла типа Кина, некоторые остроконечники Киик-Кобы (верхний слой) и Заскальной-V, унифасы и др. Технической особенностью этих орудий является порядок формирования сторон. Сначала делалась плоская сторона инструмента, затем выпуклая. Это хорошо читается по срезанным негативам ударных бугорков на фасетках с плоской стороны. Технический контекст такого приема ясен: выравнивание, уплощение одной плоскости создавало предпосылку ударных площадок для моделирования выпуклой поверхности и контура всего орудия, а также для выпрямления лезвийных и обушковых участков.

Двусторонняя плоско-выпуклая обработка и в целом обильная ретушная отделка часто характерны для индустрий с хорошо выраженной морфологией и стандартизацией изделий и среднеразвитой, непластинчатой техникой первичного расщепления. Для получения орудий с заданной морфологией из разнообразных сколов-заготовок требовалась значительная ретушная моделировка, в том числе двусторонняя плоско-выпуклая. Нет двусторонних плоско-выпуклых форм в индустриях с неразвитой техникой расщепления и примитивной ти-

пологической организацией (Киик-Коба, нижний слой; Старые Дуруиторы и др.). Нет этих форм и в индустриях с высоким индексом пластинчатости, так как в них стандартизация формы орудия «программируется» на этапе получения заготовок (Скубова Балка, Белокузьминовка, верхний слой и др.).

Таким образом, допустимо понимание двусторонних плоско-выпуклых орудий как специфических изделий раннего и среднего палеолита, выполненных в бифасиальной технике, но конструктивно приближающихся к односторонним плоско-выпуклым инструментам. Такому пониманию не противоречит присутствие двусторонних плоско-выпуклых форм в односторонних индустриях. Иными являются различные двусторонние ножи, рубила, наконечники с симметричным профилем (Хотылево, Рихта, Заскальненские материалы и др.), которые составляют ярчайший атрибутивный материал. При оценке культурной значимости плоско-выпуклых мустьерских изделий акцент падает, как кажется, не на способ обработки орудий, а на культуру первичного расщепления.

Дифференцированный подход к двусторонним орудиям способствует более строгому культурному членению памятников.

Л.В. Кулаковская
(Киев, Украина)

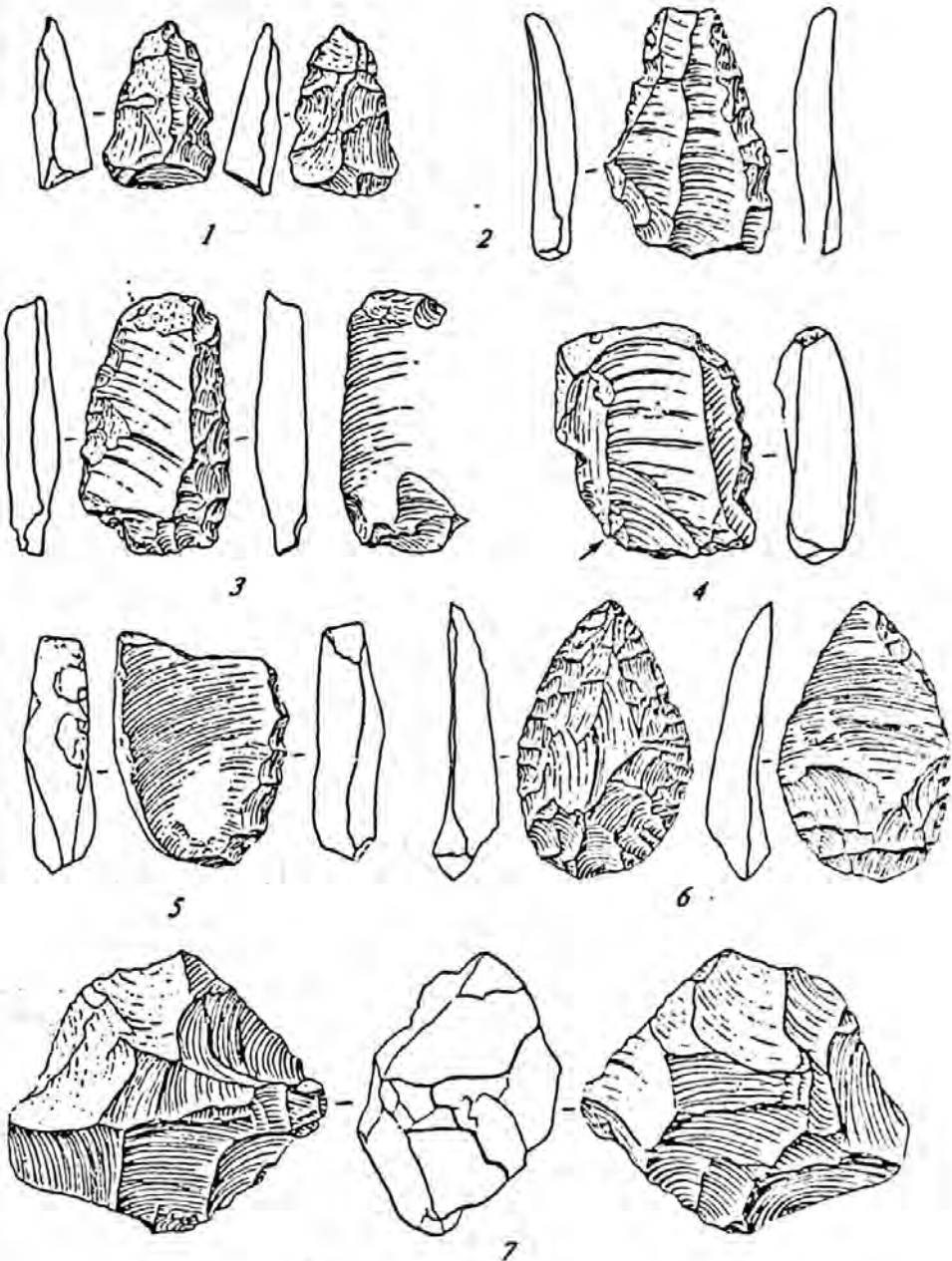
СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ УКРАИНЫ

Сегодня на Украине насчитывается около 300 среднепалеолитических местонахождений, многолетнее исследование и систематизация которых позволили произвести их культурно-хронологическое подразделение на варианты, фации, типы, археологические культуры. В то же время эти памятники составляют четкие территориальные группировки: закарпатскую, днестровско-подольскую (прикарпатскую), житомирскую, днепропетровско-надпорожскую (днепровскую), донецко-приазовскую, крымскую.

Подобное географическое районирование четко определяет на среднепалеолитической карте Украины своеобразные «белые пятна». К последним относится и бассейн Южного Буга, более конкретно, Кировоградская область Украины, расположенная между двумя яркими палеолитическими регионами. С запада ее ограничивает Поднестровье (Молодово-I, V, Кетросы, Стинка), с востока — днепровское Надпорожье (Орел, Скубова Балка, Круглик).

Кировоградщина известна в палеолите давно. В конце 30-х годов на правом берегу р. Синюхи М. Якимович открыл верхнепалеолитическую стоянку Владимировка. Стационарные исследования здесь были проведены во второй половине 40-х годов А.П. Чернышем.

Несколько верхнепалеолитических местонахождений известно еще в окрестностях Владимировки (Владимировка-II, Бабанка, Новоархангельское), а также на юго-восток от нее (Сабатиновка, Бобринец). Ранний и средний палеолит в этом крае был практически неизвестен. Отдельные находки предположительно этого времени отмечены в окрестностях сел Большая и Малая Скелевая Светловодского района, Красный Яр Кировоградского района.

Андреевка-4. Орудия труда, нуклеус

В конце 80-х годов новый куст среднепалеолитических памятников был открыт местным краеведом П. Озеровым в окрестностях г. Новомиргорода.

Местонахождения (Андреевка-1, 3, 8; Лекарево-3, 4; Трояново-1, 7, 9; Коробчино-4, 6, 7, 8) расположены на 30—60-метровых террасах р. Большая Высь и ее притоков. Находки собраны на пахоте, в оврагах и обнажениях карьеров.

Наиболее показательной представляется коллекция стоянки Андреевка-4. В собрании около 5 тыс. изделий, изготовленных из кремня, покрытого интенсивной белой патиной. Находки не окатаны.

Нуклеусы преимущественно дисковидные (см. рисунок — 7), присутствуют также одно- и двуплощадные. Много пренуклеусов. Обращает на себя внимание достаточно высокий процент первичных и полупервичных сколов. Встречаются так называемые «дольки».

Орудия (более 500 предметов) обработаны чешуйчатой, ступенчатой и подпараллельной ретушью. Часта зубчатая обработка. Аккомодационные элементы не характерны для индустрии. Встречается двустороннее оформление рабочего края.

В типологической коллекции: скребла (простые и поперечные выпуклые и прямые, двойные, вентральные и альтернативные), зубчатые, выемчатые и клювовидные формы, единичные остроконечники, скребки, сколы с ретушью (см. рисунок — 2—6). Скребла и орудия зубчато-выемчатой группы находятся примерно в равном количестве.

Следует отметить, что, несмотря на небольшое количество двусторонних изделий, практически все они представлены обломками наконечников или их полуфабрикатами (см. рисунок — 1).

Сходны в своей технико-типологической характеристике с материалами Андреевки-4 коллекции других названных ранее местонахождений.

Говорить сегодня об аналогиях, сравнивать эти материалы с чем-либо еще рано, хотя отдаленные отдельные параллели можно усмотреть в материалах памятников, расположенных восточнее Кировоградской, а именно: в Днепровско-Надпорожском и Донецком регионах.

П.Е. Нехорошев
(Санкт-Петербург, Россия)

«БЕЛОКУЗЬМИНОВСКАЯ» ГРУППА ПАМЯТНИКОВ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ

Подавляющее большинство среднепалеолитических памятников Русской равнины и Крыма относятся к широкому культурному ареалу «восточного микока». В зависимости от формы исходного сырья «первичная» обработка и типологический набор орудий этих памятников могут варьировать. Однако сохраняется сходство, которое проявляется в наличии общих форм частично- и полностью двусторонне обработанных орудий, в частности листовидных наконечников, рубилец, треугольников, клювовидных, асимметричных ножей, а также угловатых скребел и асимметричных скребел-ножей. В редких случаях при малом количестве частично- и двусторонне обработанных орудий, орудия на сколах сохраняют те же очертания. Вследствие этого сходства выявление археологических культур затруднено. Четко выделяется молодовская и белогорская культура Крыма, входящая в культурный ареал восточного микока. Лучше выделяются локальные варианты, как, например, деснинско-полесский, куда входят Хотылево, Житомирское и Рихта [Праслов, 1984]. На общем фоне памятников восточного микока обособляется также и другой ряд памятников. Это Курдюмовка, Звановка и Белокузьминовка, расположенные в Донбассе, и Шлях, находящийся в Волгоградской области.

Основной комплекс Курдюмовки относится к прилукскому времени (рисс-вюрм). Коллекция насчитывает около 2 тыс. предметов. Нуклеусы дисковидные и плоские встречного скалывания. Индекс пластин — 23. Среди орудий представлены удлиненные остроконечники, различные скребла, ножи с ретушированными лезвиями и обушками. Для «вторичной» обработки характерны приемы тронкирования и «ядрищного утончения, посредством которого изготавливались протокостенковские ножи и скребла. Бифасиальных орудий не найдено [Колесник, 1992, 1993].

Коллекция Звановки насчитывает 1203 предмета и относится к удайскому времени (начало вюрма). Нуклеусы типично мустьерские, плоские, в основном односторонние; выделяются одноплощадочные и двуплощадочные встречного скалывания. Индекс пластин — 33. Орудия составляют 1.8% коллекции: остроконечник, скребла, скребки, обушковые ножи, долотовидные, скобели, зубчатые, пластина с усеченным концом и обломок рубящего. Примечательно применение приема ядрищного утончения спинки остроконечника и ножа [Колесник, 1989, 1993].

Массовый материал Белокузьминовки происходит из бугского суглинка (стадиал, послебрерупское время). Коллекция насчитывает около 8 тыс. кремней. Большая часть нуклеусов представляет собой ядрища параллельного способа расщепления, среди которых «типологическим ядром» являются полюсные. Достаточно хорошо представлены протопризматические нуклеусы — клиновидные и подпризматические. Основная цель расщепления нуклеусов — получение леваллуазских пластинчатых заготовок. Орудия: хорошо представлены скребла, многочисленны ножи с обушком и позднепалеолитическая группа — атипичные резцеподобные орудия, скребки, долота, проколки, резцевидные скребки с высокими узкими лезвиями. Выразительной серией представлены протокостенковские ножи и тронкированные сколы. Бифасиальных орудий — 5 невыразительных экземпляров (и 3 обломка). При изготовлении орудий широко использовался прием ядрищного утончения, причем всегда утончалась спинка и со специально изготовленных площадок, расположенных на концах заготовок [Цвейбель, Колесник, 1987, 1992; Колесник, 1993].

Наиболее значительный комплекс Шляха насчитывает 2182 предмета [Нехорошев, 1993]. Среди морфологически выразительных нуклеусов половину составляют торцово-клиновидные, значительной группой также представлены полюсные. Основная цель расщепления нуклеусов — получение леваллуазских пластин. Орудия составляют 2.6% и представлены остроконечниками, различными скреблами, протокостенковскими ножами, резцами, скребками, тронкированными сколами и зубчато-выемчатыми. При изготовлении орудий применялся прием ядрищного утончения спинки. Наиболее близка Шляху Белокузьминовка. Технологию получения сколов-заготовок Шляха можно представить как дальнейшее развитие техноло-

гии Белокузьминовки. Индустрия Шляха является, видимо, более поздней, финальномустье́рской, переходной к верхнему палеолиту.

В целом Курдюмовка, Звановка, Белокузьминовка и Шлях характеризуются направленностью технологии первичного расщепления на получение пластин, широким применением приема тронкирования заготовок и ядрищного утончения спинки при изготовлении орудий, которое представлено лишь единичными случаями на других мустье́рских памятниках Русской равнины. Все памятники объединяет и сходный состав орудийного набора при практически полном отсутствии бифасов. Своеобразие рассмотренных памятников на общем фоне восточного микока позволяет выделить их в особую группу, назвав ее по первому обнаруженному памятнику белокузьминовской. Относится ли эта группа к культурному ареалу восточного микока, выделяется ли в его особый локальный вариант или археологическую культуру или представляет иную традицию — пока неясно. Проблема может быть решена после публикации орудий Курдюмовки и Белокузьминовки в полном объеме.

И. Свобода
(Брно, Чехия)

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГРАВЕТЬЕНУ МОРАВИИ

В начале 90-х годов Институт археологии Чешской Академии наук утвердил серию долговременных проектов по исследованию моравского граветьена. Основная цель их: изучение популяции, природной среды и средств человеческой адаптации. На первом месте стоит задача детального анализа материалов уже раскопанных выдающихся стоянок (Павлов-I, Дольни Вестонице-II) и их публикация. Продолжение полевых работ будет связано с уточнением конкретных вопросов (например, площади распространения поселений, их хронологии и др.) и, естественно, будет в меньшем объеме, чем прежде. Одной из главных задач является укрепление и координация научного сотрудничества с науками естественного профиля (антропологией, геологией, палеогеографией и др.).

Всесторонний анализ местонахождений проводится по отдельным комплексам, которые, как правило, представляют собой очаг, окруженный ямками и различными предметами. Затем комплексы сравниваются между собой по типологии и ремонту, а также по радиоуглеродной хронологии.

В настоящее время полевые работы продолжаются в районе Дольни Вестонице—Павлов (окраины стоянок Дольни Вестонице-I—II, новая стоянка Дольни Вестонице-III), а также в Пржедмости, где под слоем граветьена залегают два культурных слоя среднего палеолита межледникового возраста.

Учитывая результаты последних исследований, граветьен Моравии и Нижней Австрии можно подразделить на фазу «павловскую» — от 30 до 24.5 тыс. лет (Виллендорф, слои 5—8; Дольни Вестонице-I—II; Павлов-I—II; Пржедмость) и фазу «костенковско-виллендорфскую» — от 24.5 до 20 тыс. лет (Виллендорф, слой 9; часть материалов Пржедмости и Петржковице). Новая стоянка Дольни Вестонице-III, имеющая возраст 24.5 тыс. лет, является, скорее всего, переходной между этими двумя фазами.

Итоги наших исследований нуждаются в детальном сопоставлении с результатами современных работ по изучению стоянок Русской равнины и в первую очередь Костенок. Надеюсь, что конференция, посвященная 100-летию Отдела археологии МАЭ, является всего лишь одной из будущих встреч между чешскими и русскими археологами по проблемам, глубоко интересующим ученых обеих стран.

*А.А. Сеницын
(Санкт-Петербург, Россия)*

ИНВЕНТАРЬ ВТОРОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ТЕЛЬМАНСКОЙ СТОЯНКИ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ «ВОСТОЧНОГО ГРАВЕТТА»

Многослойная Тельманская стоянка (Костенки-8) занимает особое место как по своему инвентарю, так и по той роли, которую ее материалы сыграли в истории развития взглядов на характер развития палеолитической культуры. Своеобразие инвентаря поселения второго культурного слоя вызвало повышенный интерес сразу после его открытия в 1949 г., и во многом именно с этими материалами была связана смена парадигм в отечественной археологии палеолита в 50-е годы. Замена стадильной концепции выдвинула на одно из первых мест вопросы генетического плана и поставила проблему аналогий в ранг принципиальных проблем первобытной археологии.

Стратиграфическое положение стоянки, данные естественнонаучных анализов и особенно C^{14} дата $27\ 700 \pm 750$ (GrN — 10509) позволяют считать комплекс второго культурного слоя Костенок-8 не только самым восточным, но и самым древним на настоящий момент проявлением граветта на Русской равнине. Развитый граветтский облик кремневой индустрии, полнота источника (здесь представлены практически все категории материальной культуры за исключением фигуративного искусства) и относительная древность поселения определили его значение в рамках проблемы происхождения граветтского технокомплекса в целом. В этой связи материалы стоянки рассматривались П.П. Ефименко, А.Н. Рогачевым, Л.М. Челидзе, Я.К. Козловским, М. Оттом. В их работах был определен круг аналогий, и проблема генезиса индустрии получила возможность практического разрешения.

Хотя второй культурный слой Тельманской стоянки постоянно фигурирует в обобщающих работах по верхнему палеолиту Европы, к детальному анализу его материалов после канди-

датской диссертации Л.М. Челидзе и работы В.А. Артемовой никто специально не обращался. Необходимость его переосмысления в настоящее время связана, с одной стороны, с увеличением сравнительного материала, т.е. с изменением фона, на котором возможна его оценка, с другой — с изменением методологии анализа, в первую очередь, с отходом от принципов номенклатурной типологии.

Если граветтская атрибуция индустрии сомнения не вызывает, то ряд ее специфических типов, таких как игловидные острия, острия со скошенным основанием (тип Малори), специфические формы усеченных пластинок, геометрические формы, выемчатые изделия, специфические формы резцов, позволяет сопоставлять материал со средиземноморским граветтом и даже эпиграветтом типа грота Сальпетриер и грота Пагличчи, с одной стороны, и перигордьеном V юго-западной части Франции — с другой. Показательно, что по типу конструкций и расположению жилища второго культурного слоя Тельманской стоянки находят ближайшие аналогии в Корбиак. Хотя отмеченные ранее аналогии индустрии с памятниками так называемой степной зоны, в первую очередь с Амвросиевской, остаются в силе, они касаются в основном типов изделий, имеющих очень широкое распространение при различных специфических, наиболее диагностичных типах. Инвентарь второго культурного слоя Тельманской стоянки, таким образом, находит более близкие аналогии в значительно более поздних памятниках Западной, а не Восточной Европы. Разделяющее их расстояние и временной отрезок не позволяют считать это сходство генетическим. Важно констатировать, что при определенных условиях сходные культурные традиции порождают до деталей сходные типы изделий при значительных отличиях в общей структуре инвентаря. Нет никаких оснований видеть эти условия в изменениях природной среды. Поскольку эти условия для сопоставляемых индустрий различаются очень сильно. Более приемлемой, нам кажется, возможность объяснения появления сходных изделий их определенной функциональной нагрузкой, связанной с каким-то предельно специализированным видом перерабатывающей деятельности.

Проблема генезиса технико-типологических традиций второго культурного слоя Тельманской стоянки за отсутствием на соседних территориях сходных памятников заставляет видеть наиболее вероятного предшественника этой индустрии в мате-

риалах второго культурного слоя Костенок-17. Хотя такая возможность неоднократно отмечалась (А.Н. Рогачев, Я.К. Козловский), она остается предельно гипотетической и отражает, скорее, современное состояние проблемы, чем действительное положение дел.

Отдельная проблема — вопрос об отношении культуры второго культурного слоя Костенок-8 к более поздней, костенковско-авдеевской культуре того же граветтского круга. При господстве в настоящее время миграционной точки зрения на происхождение последней, проблема не может считаться окончательно решенной. Появление альтернативных точек зрения (К. Гэмбл) значительно ее усложняет, особенно в методологическом плане. Тем не менее нельзя исключать опосредованного влияния традиций Тельманской стоянки на формирование как костенковско-авдеевской культуры, так и культуры типа нижнего слоя Костенок-4 и даже типа второго культурного слоя Костенок-11.

Л.М. Тарасов
(Санкт-Петербург, Россия)

СТОЯНКА ГАГАРИНО В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Гагаринская стоянка открыта в 1926 г., когда при обследовании обнаруженного в предыдущем году нагромождения крупных костей С.Н. Замятнин установил наличие здесь культурного слоя палеолитического времени. Тогда же он приступил к исследованию памятника, но основные раскопки проводились в 1927 г., а завершились они в 1929 г. В итоге была выявлена компактная линза культурного слоя диаметром около 5 м, огражденная поставленными на ребро плитами известняка, бивнями и костями мамонта. Вне пределов линзы культурные остатки практически отсутствовали.

Получен многочисленный кремневый инвентарь, изделия из кости, украшения в виде подвесок, произведения искусства, представленные серией миниатюрных женских статуэток, а также фаунистические остатки. Исследованный объект Н. Замятнин квалифицировал как жилище и полагал вероятным встретить здесь и еще несколько подобных жилищ. Однако обширная шурфовка в 1929 г. этого не подтвердила, и сошло представление о полной завершенности исследования стоянки.

Новые исследования в Гагарино проводились мною в 1961—1969 гг. с целью получить дополнительные сведения о памятнике. Реальность этого виделась в том, что долговременному жилищу на поселении должны были сопутствовать и иные хозяйственные объекты: очаги, ямы-хранилища и др. Работы начались с разведочной шурфовки, и несколько северозападнее жилища на глубине 1 м в верхах лессовидного суглинка был обнаружен расщепленный кремль. Позднее этот участок вскрывался на площади около 150 м², где собрана большая коллекция кремневого инвентаря.

Особо ценные сведения получены на участке между раскопами 1927 и 1929 гг., где выявлено два углубленных двухкамерных сооружения, примыкавших к северному краю жилища. В

восточном, более крупном сооружении в южной камере над культурным слоем находился череп мамонтенка, обломки бивней, зубы и ребра мамонта, а в северной — компактное скопление обломков бивней и костей с углистыми включениями, кремь и кварцитовая плита. В южной камере западного сооружения культурный слой перекрывало нагромождение из известняковой плиты, кладки из обломков известняка, бивня, части черепа и ребер мамонта и плиток известняка. Здесь найдена миниатюрная женская статуэтка и головка скульптуры человека. В северной камере над культурным слоем размещался обломок бивня и крупные ребра, в нише обнаружена женская статуэтка, на северном крае находился маленький очажок, огражденный крупными гальками.

Не менее ценные сведения получены и при вскрытии старых раскопов на месте жилища и прежде всего участка хозяйственной ямы. У южного ее края на площади 1 м² сохранился ненарушенный культурный слой мощностью 0.5 м, перекрытый бивнем мамонта, а в основании выявлена ямка-хранилище с небольшим валунчиком и обломками ребер. Рядом с ямкой находилась двойная женская статуэтка. Основание культурного слоя круто повышалось у южного края и резко выклинивалось, обозначив границу углубленного основания жилища, которая проходит на 0.7 м севернее, по сравнению с прослеженной во время раскопок 1927 г. В средней части жилища и ближе к северному краю выявлены остатки очага блюдцевидной формы 75 см в поперечнике, частично срезанного раскопом 1927 г. Южнее очага мелкие кости, связанные с темным заполнением, фиксируют нижнюю границу культурного слоя. У северного края жилища под мешаным грунтом обнаружена вторая ямка-хранилище, срезанная сверху прежними раскопками. Дно ее покрывал ярко-желтый суглинок с вкраплением темно-красной охры, а выше находились миниатюрный наконечник из бивня мамонта, нуклеус, пластинка с ретушью, трубчатая кость крупной птицы и два хвостовых позвонка мамонта в анатомической связи.

Таким образом, исследования 60-х годов дали более полное представление о стоянке: выявлена обитаемая территория поселения, открыто два своеобразных двухкамерных сооружения, обнаружены очаг и две ямки-хранилища, уточнена планировка жилища, а также почти вдвое увеличен объем кремневого инвентаря, выявлены неизвестные ранее изделия из кости, но

особенно ценным является открытие целой серии женских статуэток, существенно отличающихся от обнаруженных здесь в 1927 г. Первая статуэтка происходит из раскопок 1962 г., относительно крупная, изображена в несколько сгорбленной позе, отличается выдержанной пропорциональностью ног, соответствующей величине самой фигуры и передачей их в движении. Вторая статуэтка открыта в 1967 г., это миниатюрная скульптура, отличается высоким реализмом исполнения. Третья скульптурная поделка, обнаруженная в 1968 г., представляет собой совмещенные на одной заготовке две разной величины женские фигурки, соприкасающиеся головами. По взаиморасположению они буквально повторяют двойное детское погребение стоянки Сунгирь. Четвертая скульптура представляет довольно крупную и массивную фигуру, незаконченную обработкой. Обнаружена она в 1968 г. в виде отдельных обломков при разборке мешаного грунта на западной части раскопок 1927 г. И еще фрагмент — поврежденная головка скульптуры человека — найден в 1966 г. в южной камере западного двухкамерного сооружения. Все эти женские статуэтки существенно различаются между собой, что, по-видимому, и олицетворяло свойственное каждой из них особое понятие и определяло разное назначение.

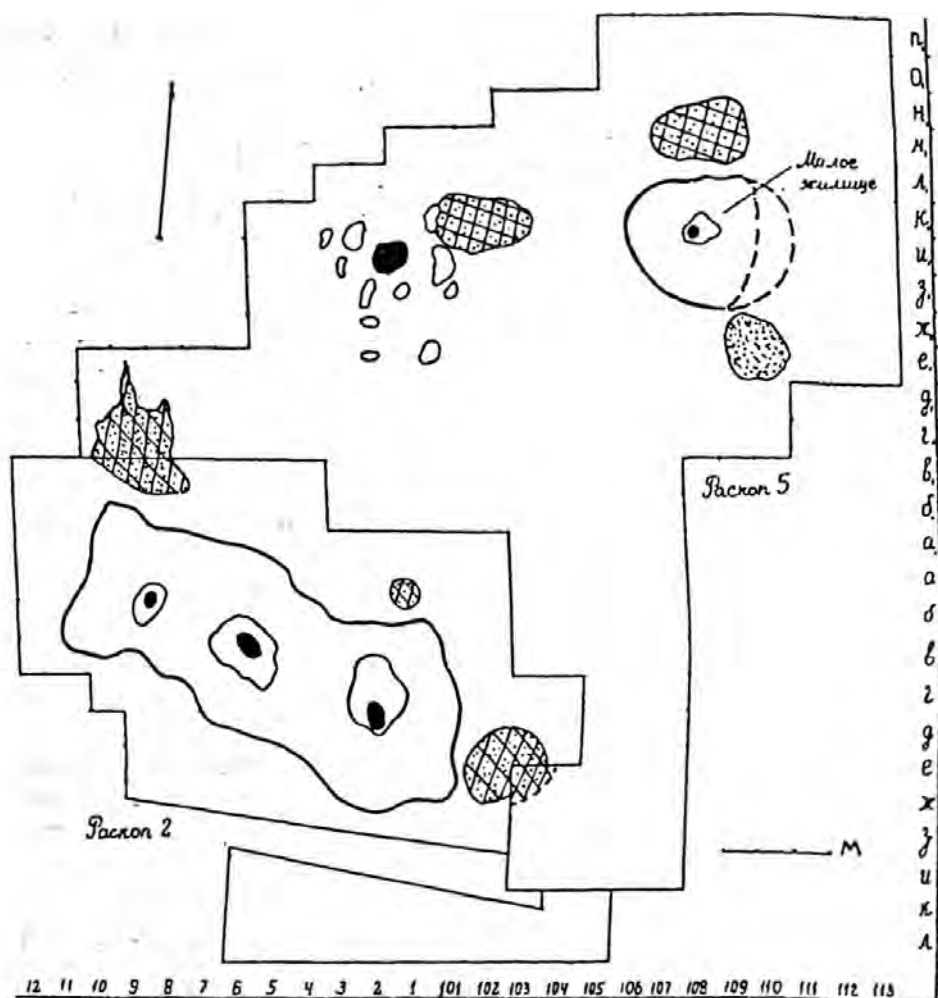
В 1963 г. М.Н. Грищенко предпринял изучение стратиграфической позиции, занимаемой культурным слоем стоянки Гагарино, и пришел к выводу о связи его с отложениями второй надпойменной террасы Дона. Такая позиция вполне согласуется с полученной позднее по костному углю абсолютной датой 21800 ± 300 лет, что соответствует среднему этапу позднепалеолитической эпохи.

В.И. Беляева
(Санкт-Петербург, Россия)

ЖИЛИЩЕ ПУШКАРЕЙ-1 И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО РЕКОНСТРУКЦИИ

Полевые работы последних лет на верхнепалеолитической стоянке Пушкири-1 (1981—1985, 1987—1995 гг.) дали достаточный материал для оценки локального участка этого поселения. Постепенно расширяя наш раскоп № 5, мы объединили его с раскопом № 2 П.И. Борисковского (1937—1939 гг.) и получили общую картину поселения, включающую ряд объектов: овальную западину (3.5 × 3.5 м) — малое жилище; два скопления углисто-кремнистой массы за границами западины на противоположных ее сторонах; внешний большой очаг (1 × 1 м) с серией окружающих его небольших ям и значительным пятном углисто-кремневого скопления; длинное трехочажное жилище с внешними кострищами и скоплениями кремня у северной и восточной его границ.

Объединение раскопов дало материал для разрешения ряда основных проблем изучения поселения. В первую очередь, это определение степени единства всего участка поселения и его объектов. Открытое нами малое жилище может сыграть некоторую роль в понимании конструкции большого трехочажного жилища. Границы северной и центральной части поселения вскрыты раскопом № 5. Они ограничены линзой окрашенного и заполненного большим количеством расщепленного кремня культурного слоя. Граница поселения проходит в одном метре от стенок раскопа № 5, она проверена шурфами. Значительно более сложным является определение юго-западной границы поселения и характера южного участка раскопа № 5. Граница или связующий участок площадок с малым и большим жилищем (см. рисунок) проходит по квадратам *е.—г.* — 4—6; *в.—б.* — 2—107. Здесь резко падает насыщенность культурного слоя кремнем в нижнем его горизонте. Существование разных горизонтов единого культурного слоя отмечалось и П.И. Борисковским. Малое жилище, внешний очаг, его ямы и скопле-

Планы раскопов (Пушкари-1):
раскоп 2 — 1937—1939 гг.; раскоп 5 — 1981—1995 гг.

Условные обозначения: 1 — очаг с размывом, 2 — очаг, 3 — углистое скопление, 4 — скопление кремня, 5 — ямки, 6 — контур жилой западины

ния относятся, вероятно, к нижнему горизонту культурного слоя. Именно на этом горизонте ощущается перерыв в накоплении культурных остатков на указанных квадратах. Верхний горизонт культурного слоя, скорее всего, связывает оба участка поселения. Осложняет решение вопроса изменение микростра-

тиграфии участка, прилегающего к большому жилищу. Здесь значительно выше поднимается горизонт суглинка, который как бы замещает супесь, обычную в верхах культурного слоя раскопа № 5.

Малое жилище по своим конструктивным особенностям является частью большого трехочажного жилища. Основными деталями его являются плоский размытый очаг, вкопанные максилярные части черепов мамонта с трех сторон и вкопанные крупные конечности мамонта. Восточная стенка жилища оплыла и плохо фиксируется. К северу от жилища находится расплывшееся углисто-кремнистое насыщенное скопление, к югу — четко локализованное скопление кремня. В самом жилище и возле его границ многочисленны маленькие ямки разной глубины. Сверху над очагом находилось скопление обломков крупных костей мамонта. Обломки бивней, костей конечностей составляли подобие «поленницы» и имели очень плохую сохранность. Некоторые нижние бивни были расщеплены. Малое жилище имело простую конструкцию, оно не было укреплено, скопление в виде «поленницы» не имело отношения к верхнему перекрытию. Культурный слой припольного горизонта крайне беден. Степень заполненности кремнем вне жилого пространства значительно выше, чем в жилище. Углистое скопление к северу от жилища является выносом углистой массы из очага и подобно скоплению возле внешнего очага, где кремневая масса так же не была обожжена. Похожее скопление углистой массы было расчищено нами на квадратах г.— д. — 8—9. Это скопление (в южной его части) было исследовано П.И. Борисковским и описано как очажное скопление напротив первого очага в жилище. Характер распределения углисто-кремнистой массы, отсутствие очажной линзы делают это скопление более похожим на обычный выброс из очага и, может быть, именно из первого очага. Начатое нами в 1994 г. изучение восточного очажного пятна (по П.И. Борисковскому) поможет окончательно решить вопрос о характере околожилищных углисто-кремнистых скоплений. Если они, по нашему предположению, окажутся выбросами из очагов, то можно поставить вопрос о расчлененности на секции длинного жилища.

М.Н. Желтова
(Санкт-Петербург, Россия)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ И ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИСТОВИДНЫХ ОСТРИЙ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КОСТЕНОК-4

Кремневый инвентарь верхнепалеолитического поселения Костенки-4, хранящийся в отделе археологии МАЭ, фундаментально исследован и опубликован А.Н. Рогачевым в монографии «Костенки-IV». Очевидно, наиболее специфичной категорией орудий здесь являются листовидные острия. «Листовидные острия с основанием, оформленным в виде срединного резца, являются в такой же мере характерной формой орудия для верхнего горизонта Александровки, как наконечник с боковой выемкой для костенковско-авдеевского типа памятников» [Рогачев А.Н. Костенки IV. МИА № 45. М.;Л., 1955. С.47]. Обращает на себя внимание тот факт, что категория эта неоднородна, и орудия, объединяемые по специфическому оформлению основания, в остальном часто различны — по пропорциям, характеру заготовок и вторичной обработки, а также по функциям употребления. Многие из этих артефактов сознательно изготовлены таким образом, но в некоторых случаях прием обработки основания в виде срединного резца применен для переоформления орудий, сломанных в процессе работы или при изготовлении.

По данным А.Н. Рогачева, всего было найдено 35 целых листовидных острий, 74 фрагмента верхних частей, 63 фрагмента нижних частей и 21 сечение средней части, и все эти находки, кроме двух, связаны непосредственно с круглыми жилищами верхнего горизонта культурного слоя. Листовидные острия рассматривались как универсальные орудия, подобные наконечникам с боевой выемкой, использовавшиеся в качестве ножей, наконечников дротиков, проколов и охотничьих ножей, т.е. в основном как орудия охоты, либо для обработки продуктов охоты. Два экземпляра, морфологически несколько

отличные от остальных и имеющие сильную (видимую невооруженным глазом) заполировку на брюшке, были определены С.А. Семеновым как строгальные ножи по дереву.

Исключительный интерес к листовидным остриям заставил более пристально изучить эти орудия. Что касается фрагментов, то во многих случаях вызывает сомнение принадлежность их именно к листовидным орудиям. Особенно это относится к сечениям, по которым практически невозможно определить, было ли целое орудие действительно листовидным острием или просто пластиной с ретушью. Чаще по характеру заготовки и вторичной обработки совершенно очевидно, что фрагмент не имеет отношения к листовидному острию. Что же касается верхних частей орудий, т.е. острий, то в большинстве случаев тонкость и хрупкость заготовки указывают на то, что, скорее, это были орудия весьма небольших размеров и вряд ли они использовались в рукояти. Иногда сохранились фрагменты достаточной длины, чтобы предположить, что это были просто ретушированные пластины с заостренным концом, основание которых едва ли было оформлено в виде срединного резца. А иногда фрагменты принадлежат орудиям других типологических групп — концевые скребки на пластинах, проколки, просто пластины. Среди фрагментов нижних частей орудий нет практически ни одного, который можно было бы отнести к листовидным остриям, — возможно, некоторые из них и принадлежат остриям иного типа, большинство же представляют собой усеченные пластины с ретушью. Среди целых кремневых острий есть небольшая группа грубо обработанных массивных орудий, нож костенковского типа, три острия относительно листовидной формы с основанием, обработанным ретушью по краю на спинке, остальные же — листовидные острия классического облика Костенок-4. Это орудия в основном симметричной формы, с ретушированными только со стороны спинки краями, дистальный конец достаточно острый и оформляющая его ретушь часто покрывает значительный участок спинки, а проксимальная часть оформлена в виде срединного резца.

Именно эти орудия, включая и 3 острия с ретушированным основанием, были подвергнуты трасологическому анализу и дали довольно интересные результаты. Следы износа на них не так ярко выражены, как заполировки на описанных С.А. Семеновым строгальных ножах для дерева [Семенов С.А. Изучение функций палеолитических орудий по следам работы // Мате-

риалы по четвертичному периоду СССР. М., 1950. Вып.2. С.162], но все же сохранность орудий и следов износа в большинстве случаев достаточно хороши. Небольшие пятна заполировки от культурного слоя и современные микрофасетки повреждения при раскопках и хранении не портят общей картины. Для изучения микроследов использовался бинокулярный микроскоп с увеличением до $\times 98$ и металлографический микроскоп с увеличением до $\times 200$. Прежде всего, следует отметить, что резцовое основание в действительности как резец не использовалось ни в одном случае и далеко не всегда было закреплено в рукояти. Кроме того, орудия в основном универсальные, но в большинстве своем не имеющие отношения к охоте. Это своего рода «столярные инструменты» для обработки дерева и кости.

Из проанализированного материала можно выделить 11 действительно листовидных острий. Два использовались вручную и два других — в рукояти. Причем если в первом случае речь идет о полифункциональности всех частей орудия (резание, строгание, скобление дерева), то во втором случае функции разделены — один край использовался для строгания, другой (более крутой) — для скобления. Заполировка выражена слабо, но все же можно предположить, что работали по дереву. У обоих орудий острия использовались в вентральной позиции как резчики, для проскабливания пазов. Кроме того, грани спинки четырех острий имеют типичный износ для ретушера, что нередко встречается в коллекции Костенок-4. Обращает на себя внимание наконечник, имеющий весь комплекс признаков, характерных для этой функции. После того, как он сломался, основание его было оформлено в виде серединного резца, который, как и во всех других случаях, не имеет следов употребления. Один край орудия после этого использовался как скобель, но очень непродолжительное время. Таким образом, только два орудия из одиннадцати можно связать с охотой, вернее, с разделкой добычи, — одно листовидное острие и одно острие с ретушированным основанием. Это просто ножи для вспарывания шкуры и резания мяса, имеющие типичные следы износа по одному рабочему лезвию.

Данные трасологического анализа позволили в какой-то степени решить вопросы, связанные с листовидными остриями. Однако теперь острее встает проблема орудий охоты: имеются всего лишь три предмета в коллекции, которые, несом-

ненно, использовались в качестве таковых. Все они имеют бифациальную обработку — маленький наконечник с боковой выемкой, обломок острия мясного ножа и крупный предмет, определяемый А.Н. Рогачевым как наконечник копья или клинок охотничьего ножа. Вероятно, справедливы оба определения, так как орудие было на одну треть закреплено в рукояти, употреблялось в ударно-проникающей функции и было сломано. На одном его лезвии наблюдаются следы износа, как у мясного ножа. Маловероятно, что этим орудия охоты и исчерпываются. Очевидно, картина хозяйственной деятельности древних людей на поселении может стать яснее лишь при сопоставлении данных функционального анализа для различных категорий орудий.

З.А. Абрамова, Г.В. Григорьева
(Санкт-Петербург, Россия)

Л.И. Гришин
(Брянск, Россия)

МУЗЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС ЮДИНОВО

Открытие и изучение бесспорных остатков жилых сооружений на ряде верхнепалеолитических стоянок Русской равнины имеет исключительно важное значение как с исторической, так и экономико-социальной точек зрения. Особенности представляют жилища в виде округлых скоплений костей мамонта, в которых четко различаются внешняя кольцевая обкладка и кости, упавшие с перекрытия. Как известно, археологические раскопки полностью разрушают памятник. Он продолжает жить лишь в достоверной, но никогда адекватной «плоскостной» документации.

Идея сохранения таких сооружений на месте, доступных для непосредственного изучения, была впервые осуществлена А.Н. Рогачевым на стоянке Костенки-11 (Воронежская область, Россия), где солидное музейное здание было построено при содействии областных организаций. Второй музей возник в с. Добраничевка (Киевская область, Украина), где И.Г. Шовкопляс организовал постройку небольшого музейного павильона, по его словам, методом народной стройки. Если в каждом из этих музеев сохраняется лишь по одному палеолитическому жилищу, то на стоянке Юдиново (Брянская область, Россия), благодаря счастливой случайности, здание музея включает остатки двух жилых структур, находящихся поблизости друг от друга, но не соприкасающихся.

Здание из силикатного кирпича с окнами из стеклблоков, перекрытое листовым железом, сооружено в 1984 г. по проекту Л.И. Гришина силами колхоза «Победа» (большую помощь оказал председатель колхоза М.С. Баранка). Площадь здания 150 м², высота около 5 м от поверхности земли или около 7 м от культурного слоя, заключенного внутри здания. Первоначально две стены раскопа (западная и южная) представляли собой натуральные стратиграфические разрезы, затем после

обвала южной стенки она была забрана кирпичом. Внутри здания вдоль северной и восточной стен идет смотровая площадка, позволяющая обозреть экспозицию, не спускаясь в раскоп.

Кольцевая окладка первого (восточного) жилища диаметром 5 м, впервые обнаруженная в 1981 г. (с очень четкими внешними контурами), включает около 120 крупных костей мамонта: 32 черепа, 12 нижних челюстей, 12 бивней, лопатки, фрагменты тазовых, трубчатые кости. Черепа расположены почти по всему диаметру, часто группами из двух, трех, иногда четырех черепов. Одна из стен сохраняет сложное переплетение из 8 бивней, подкрепленное другими костями. Окончательная расчистка северного участка внутренней части жилища, насыщенного множеством ребер и позвонков мамонта (видимо, от обвала кровли), осталась незаконченной. Кольцевая обкладка второго жилища с трудно объяснимым перерывом в юго-восточном углу, лишенным костей, имеет такой же диаметр, хотя его западная часть, по всей видимости, уходит под стенку. Она включает 150 крупных костей мамонта. Между двумя жилищами существуют определенные различия в составе использованных костей: во втором значительно меньше черепов (18), почти нет бивней (2 тонких обломка), но в одной из его стенок уложены вместе с другими костями 5 кусков позвоночника с позвонками в анатомической связи — элемент, отсутствующий в первом жилище. Часть стенок второго жилища образуют ряды трубчатых костей, значительно более многочисленных, чем в первом (свыше 80 против 26). Интересно, что лопатки представлены почти в равных количествах (23 в первом, 26 во втором жилище), подавляющее большинство их имеет пробитые отверстия в плоских частях и реже в гребнях, что, несомненно, свидетельствует об их использовании в конструкциях. Особенностью второго жилища, вместе с тем, является наличие структуры длиной 2 м и шириной внутреннего пространства 0.7 м, которую можно принять за входной коридор («лаз»).

За пределами жилищ, уходя под южную стенку раскопа, находятся остатки мощной зольной ямы, заполнение которой, наряду с бивнями и крупными костями (возможно, имевшими конструктивное значение), плотно насыщено культурными остатками, в том числе кремневыми орудиями и поделками из бивня.

Сохранение экспозиции музейного комплекса требует ежегодной очистки и закрепления костей. Для полноты картины нуждается в разборке и «завал» костей в северной части первого жилища.

С.Н. Астахов
(Санкт-Петербург, Россия)

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И.Т. САВЕНКОВЫМ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ АФОНТОВА ГОРА-III (ИВАНИХИН ЛОГ)

Иван Тимофеевич Савенков оставил глубокий след в истории изучения палеолита Сибири. Его неординарная пытливая натура и талант естествоиспытателя создали личность удивительной интеллектуальной мощи, благотворное влияние которой, несомненно, ощутили многие археологи, особенно исследователи палеолита Енисея. Он обладал превосходным чутьем поисковика и был прекрасным методистом: им впервые проявлен комплексный подход к изучению палеолитических стоянок. Сейчас трудно воссоздать процесс и все стороны его научных изысканий, толчок к которым дало стремление познать человека эпохи мамонта в окрестностях Красноярска. Пожалуй, именно это желание и направило его первые шаги.

И.Т. Савенков начал с создания геологических и топографических карт, поражая применением довольно точных способов съемки с изображением рельефа горизонталями — и это в конце прошлого века! Он осуществил детальное картирование местонахождений фауны и палеолитических стоянок.

Первоначально палеолитические изделия близ Красноярска собирались им в небольших и неглубоких кирпичных карьерах (по старому — «разрезах») на склонах Афонтовой Горы. Карьерами снималась только так называемая «жирная глина» толщиной около метра. Не имея средств на раскопки, И.Т. Савенков регулярно осматривал вынутые рабочими из глины камни и кости и отбирал подлинные изделия. Так продолжалось несколько лет, и в результате он собрал интересную коллекцию, все орудия в которой имели номер, записанный в своеобразных дневниках. Благодаря этим данным мне в свое время удалось выделить комплекс, относящийся к верхнему, уничтоженному карьерами, слою Афонтовой Горы-III. Записи в дневни-

ках, сделанные И.Т. Савенковым, позволяют представить стратиграфию верхней части разрезов и в определенной степени характер культурного слоя.

По ряду причин последние, и основные, работы на Афонтовой Горе И.Т. Савенков смог осуществить только в 1914 г. К несчастью, он умер сразу после окончания раскопок, отчет о которых был составлен его сыном. Благодаря разработанной им методике раскопок и фиксации расположения каждого изделия, отраженной в шифре-надписи на нем, коллекции, добытые из пяти раскопов площадью 167 м² (не считая шурфов), представляют исключительный интерес для дальнейших разработок. Коллекции хранятся в Отделе археологии МАЭ РАН.

По сохранившейся документации можно восстановить следующую картину полевых исследований. Раскоп обычно начинался траншеей поперек склона шириной в метр и разделенной на метровые квадраты. До слоя с находками балласт снимали лопатами, далее слой расчищался мелкими инструментами — ножами, мастерками. Просеивание не применялось [см.: Архив МАЭ, документы к колл. 3298]. Составлялись планы, к сожалению, не найденные, делались фотографии (негативы уцелели, находятся в архиве МАЭ) и дневниковые записи. Изделия брались по горизонтам через 25 см, и после прохождения одного ряда квадратов, которые И.Т. Савенков называл «столб», раскапывался следующий вверх по склону, а земля сбрасывалась на уже раскопанную площадь. Каждое изделие шифровалось так: номер раскопа, номер «столба» (римская цифра), горизонт и номер квадрата. Даже не имея плана, можно получить точную картину распределения находок по площади раскопа для каждого горизонта, что и было мною позднее сделано.

Существенно, что предварительно описывалась фауна, к сожалению, позднее не определенная, затем стратиграфия, характеристики культурных горизонтов (падение, нарушение типа мерзлотных деформаций и т.д.).

Таким образом, стоянка Афонтова Гора-III была раскопана И.Т. Савенковым в 1914 г. на уровне, почти не уступающем современному, и если бы не его преждевременная смерть, кто знает, возможно мы имели бы уникальный образец комплексного научного исследования.

Г.В. Сеницына
(Санкт-Петербург, Россия)

ПАЛЕОЛИТ БИРЮСЫ В СОБРАНИИ МАЭ

Материалы палеолитических слоев Бирюсинского многослойного поселения частично уже нашли отражение в литературе: в общем виде определена их культурная принадлежность (афонтовская культура) и хронология (верхний палеолит), однако детальной характеристики и интерпретации они до сих пор не получили.

За все годы исследования поселения (1926—1927; 1961—1962) было установлено наличие четырех (C_1 , C_2 , C_3 , C_4) палеолитических горизонтов Н.К. Ауэрбахом и В.И. Громовым в северной части памятника и пяти (I, II, III, III-A, IV) — Л.П. Хлобыстиным в южной его части. В публикации Н.К. Ауэрбаха и В.И. Громова 1935 г. материалы рассматривались суммарно. Указывалось, что из 136 предметов палеолитических слоев горизонт C_3 дал 101 предмет из камня и 14 из кости, а горизонты C_1 и C_2 — только 21 предмет. Информация о горизонте C_4 в публикации ограничивается его положением в разрезе. В.И. Громов, готовивший ее после смерти Н.К. Ауэрбаха, не располагал материалами. Нет коллекций этого горизонта и в фондах МАЭ, где хранятся материалы раскопок 1926—1927 гг.

Вопрос о соотношении слоев в северной и южной части памятника не может быть решен однозначно из-за отсутствия в документации стыкующихся продольных разрезов, однако их стратиграфическое единство кажется вероятным. Культурные остатки в виде скоплений были приурочены к гумусно-углистым прослойкам, зафиксированным только в разрезах. Отдельные находки были зафиксированы вне границ углистых прослоек, их планиграфическая фиксация отсутствует из-за применяемой в то время методики раскопок.

Количественно орудийный набор, связанный с углистыми прослойками, выглядит следующим образом:

Раскоп 1926—1927 гг., северная часть
памятника

C_1 — 13 предметов

Раскоп 1961—1962 гг., южная часть
памятника

I слой — 130 предметов

C₂ — 3 предмета

II слой — 255 предметов

C₃ — 76 предметов

III слой — 14 предметов

Таким образом, если исходить из количественного соотношения орудий, то можно заключить, что во времена I и II культурных палеолитических слоев наиболее обитаемой была южная часть поселения и, наоборот, во времена III слоя — северная.

На уровне I палеолитического слоя прослежено 7 скоплений, из них 2 найдены в северной части памятника раскопками 1926—1927 гг. Инвентарь C₁ горизонта, вскрытого шурфами X и XI, практически полно охватывает весь орудийный набор, характерный для памятников афонтовской культуры: треугольные скребла со слабо выпуклыми продольными лезвиями, скребок, массивная изогнутая пластинка, пять микропластинок, отщеп с ретушью утилизации. Седьмое скопление первого слоя локализовалось на квадрате 30—32 раскопа 1961—1962 гг. и было связано с углистой прослойкой. Отсюда происходят продольное дорсальное скребло на первичном отщепе с выпуклым лезвием, двугранный микрорезец, клиновидный нуклеус, небольшой овальный скребок, фрагмент пластины с краевой притупляющей ретушью.

II палеолитический слой, самый богатый инвентарем в южной части памятника, в северной представлен только 3 предметами: 2 скребка и 1 костяной наконечник.

Инвентарь слоя C₃ выделяется своим количеством (76 орудий, из которых 10 — костяные изделия) среди других палеолитических горизонтов. Весь инвентарь концентрировался вокруг очагов в гумусно-углистой прослойке. Техника первичного расщепления представлена клиновидными нуклеусами. Свидетельством использования галечных нуклеусов являются крупные пластины, которые, кроме размеров, отличаются сырьем: все они изготовлены из черного кремнистого сланца и только одна — из коричневого яшмовидного кремня. Все они имеют частичную подработку краев. Микропластинчатый компонент коллекции не дает выраженных форм орудий, за исключением единичной микропроколки. Из 26 микропластинок только 3 представлены целыми предметами, но отчетливо видна их стандартизация (длина изменяется в пределах 5—5.6 см; ширина — 0.6—0.7 см). Инвентарь слоя C₃ выразителен и с технической и с типологической точек зрения. Основанная на получении микропластинок и крупных пластинчатых отщепов тех-

нология характеризуется разнообразными скреблами, общим признаком которых является обработка по всему контуру; разнообразными скребками с преобладанием мелких форм, использовавшихся в рукоятке; долотовидными орудиями (из 5 долотовидных 3 экземпляра имеют размеры 1.2×1.2 см, при этом, скорее всего, они являются остаточными нуклеусами встречного скалывания с клиновидным массивным сечением) и отдельными индивидуальными формами (такими, как «лимас» и проколки).

Коллекция III культурного слоя раскопок 1961—1962 гг. немногочисленна — всего 14 изделий со вторичной обработкой. По своим типологическим характеристикам инвентарь близок материалам слоя S_3 — это специфической формы укороченные скребки, долотовидные орудия, скребла.

Анализ фаунистических остатков трех верхних палеолитических слоев в южной части памятника показывает высокую численность позднеплейстоценового зайца-беляка (определение И.Е. Кузьминой, ЗИН РАН).

Н.К. Ауэрбах и В.И. Громов (1935) в VI раскопе также отметили, что кости зайца образуют целый прослой. Для двух нижележащих слоев III-A и IV южной части памятника имеются радиоуглеродные даты: для III-A — 14480 ± 400 (ЛЕ — 3777); для IV — 14700 ± 270 (ЛЕ — 4912) и 14680 ± 180 (ЛЕ — 4910). Материалы трех вышележащих слоев, следовательно, имеют более молодой возраст и могут быть соотнесены, судя по холоднолюбивой фауне, с ньяпанской стадией сартанской эпохи, т.е. в пределах 14—13 тыс. лет.

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ИЗ МАСТЕРСКИХ

Содержание морфологического и технологического анализа орудий во многом зависит от принадлежности конкретной индустрии к определенному типу памятника (стоянка, охотничий лагерь, мастерская и т.п.). Так, в инвентаре позднепалеолитических мастерских Бирючья балка-2, Бирючья балка-1а, Бирючья балка-1в выделено немало нуклевидных орудий, бифасов, атипичных орудий с двусторонней обработкой, орудий с уплощенным корпусом, орудий с утонченным основанием, конвергентных, двойных и бифасиальных скребел с базальным утончением и др. Основной производственный профиль этих памятников — изготовление наконечников. Принимая во внимание результаты морфологического, технологического и функционального анализа, а также данные эксперимента, можно считать, что в контексте этого типа памятника перечисленные формы являются не функционально, а технологически значимыми, т.е. они являются не законченными орудиями, — треугольными и листовидными острями, оставленными на разных стадиях изготовления. При отличии законченных изделий от незаконченных, кроме общих методологических моментов, имеют значение и такие понятия, как модель орудия (например, бифаса, треугольного остря, скребла и т.д.), а в равной мере — эталонная, другими словами, типичная форма.

Результаты комплексного анализа показывают, что треугольные остря Бирючьей балки-2 изготовлены с помощью трех технологий. Первая технология включает от 4 до 8 стадий обработки. Стадии представлены разными моделями орудий и редуционными рядами. Что касается последних, то приведем один из них: желвак с единичными сколами — нуклевидное орудие — бифас (несколько стадий) — треугольное острие (несколько стадий). При второй технологии в качестве исходных заготовок выступают отщепы средних размеров. Число

стадий, а следовательно, редуционных рядов и моделей орудий, здесь соответственно сокращается. Представим 2 редуционных ряда: 1) отщеп с нерегулярной ретушью — конвергентное скребло с базальным утончением — двусторонний остроконечник — треугольное острие; 2) орудие с утонченным основанием — мелкий частичный бифас — треугольное острие. При третьей технологии оформление модели орудия начинается сразу, т.е. на первой стадии. На материалах Бирючьей балки-1а прослеживается использование первой технологии, а Бирючьей балки-1в — первых двух.

Важным элементом технологического анализа следует рассматривать и такое понятие, как контекст, которое свидетельствует о внутренней технологической связи между отдельными изделиями в пределах одного (или однородного) технологического процесса. Составляющие узкого, т.е. конкретного, контекста того или иного процесса можно выявить в ходе ремонта. В инвентаре всякого памятника в действительности в смешанном виде представлено несколько конкретных контекстов. Общим контекстом следует называть только изделия, связанные с одной технологией. Все контексты на самом деле являются обобщенными, ибо трудно, точнее невозможно (кроме случаев ремонта), собрать воедино по стадиям все формы орудий, а также отщепы, осколки и чешуйки, относящиеся к одному технологическому процессу. Обобщенные контексты дают теоретическую вероятностную последовательность основных редуционных типов изделий в рамках одного целевого процесса обработки. Отнесение таких орудий, как бифасы, атипичные орудия с двусторонней обработкой, конвергентные скребла с базальным утончением, двусторонние остроконечники и другие к одному контексту, т.е. процессу изготовления, проводится на основе прежде всего их типологической (бесспорной) значимости, другими словами, по законам контекста. Типологическая, а соответственно, технологическая значимость (валентность) зубчатых и выемчатых форм, отщепов с ретушью, грубых боковых скребел и других осуществляется в одних случаях предположительно, в других — в соответствии с внутренней логикой технологического процесса, а также контекста данного типа памятника и на основе функционального анализа. Отметим, что в контексте не мастерских, а поселений все упомянутые выше формы орудий будут иметь иное, т.е. не технологическое, а функциональное содержание.

Е. Ю. Гиря
(Санкт-Петербург, Россия)

О СТАТИСТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ВЫДЕЛЕНИЯ СЛЕДОВ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

При определении продуктов человеческой деятельности следует иметь в виду, что «человеческое» для археолога — это закономерное, но не природное, не относящееся к следам деятельности животных, растений, микроорганизмов или же геологических явлений.

Любая закономерность (неслучайность) проявляется в повторяемости: результаты человеческого воздействия на окружающую среду определяются археологами именно по следам многократного повторения актов такого порядка, естественное происхождение которых практически невероятно. К примеру — фрагмент керамики, он — произведение человека, потому что маловероятно, чтобы по естественным причинам где-то когда-то толченая раковина, органика, шамот и отмученная глина, смешавшись вместе, оказались сформованы и обожжены, или совершенно невероятно, чтобы по естественным причинам этот процесс был повторен многократно.

Доказательство строится на отрицании: мы не знаем таких природных процессов, так в природе не бывает. То есть для археолога человеческое произведение это, во-первых, то, что качественно само по себе маловероятно в природе (не природное — человеческое), и, во-вторых, это то, что имеет признаки нормирования, закономерности, повторяемости в определенных параметрах, но к результатам природного воздействия отнесено быть не может.

В формах следов использования, как и в формах орудий, наблюдается «намеренность», не случайность происхождения. Эта намеренность проявляется в ничтожно малой степени вероятности возникновения таких форм в природе. Практически равно невероятно природное происхождение серии наконечников стрел и следов от резания мяса на целом ряде предметов. Мы не знаем такого природного процесса, который мог

бы привести к подобным результатам. Других критериев у археологов нет.

Вполне вероятна ситуация, когда по причине плохой сохранности материала определение (выявление) признаков культурного нормирования невозможно. Вероятность изначального отсутствия культурных норм в формообразовании каменных индустрий вряд ли может служить предметом серьезного обсуждения, поскольку такие спекуляции приложимы лишь к гипотетическим «доорудиям», в саму возможность былого существования которых я не верю. Любой предмет, изготовленный специально или же выбранный из природных форм и используемый в технологическом процессе, должен соответствовать по крайней мере естественным нормам этого процесса, «недоорудий» не может быть — иначе процесс не состоится.

Отсюда следует, что любые самые ранние орудия принципиально выделимы, различимы среди природных форм именно потому, что они не могут не иметь каких-то, пусть самых примитивных, признаков такого нормирования. Если среди изучаемых форм не прослежено признаков культурного нормирования (не удалось обнаружить в силу сохранности или их никогда и не было), то эти предметы остаются для нас произведениями природы. То есть, уже сами критерии выделения искусственных форм из ряда естественных также не могут быть просто формальными (например: круглое — человеческое, треугольное — природное). Нет, процесс выделения искусственных форм всегда состоял именно в поиске следов нормированного поведения, а не просто в сравнении очертаний исследуемых предметов с известными эталонами. Площадка, ударный бугорок и волна на поверхности брышка отщепы никоим образом сами по себе не определяют этот скол как «человеческий» (хотя это заблуждение до сих пор фигурирует в учебниках археологии).

Типология каменных индустрий не может быть типологией «чистых» форм, поскольку уже для того, чтобы начать анализ на стадии доказательства искусственного происхождения продуктов расщепления, требуется показать их принадлежность к результатам целеполагающей деятельности, то есть выйти на уровень анализа поведения.

Для определения в качестве орудий естественные предметы (в том числе и остеодонтокератические) должны иметь определенные следы износа. Только если удастся найти повторение

идентичных следов на близких формах хотя бы у небольшой группы таких орудий, можно говорить о возможной первичности функции по отношению к технологии изготовления (выбор орудия из естественных готовых форм предшествовал изготовлению формы — технологии производства орудий). Весьма вероятно (по крайней мере, чисто теоретически), что функциональная необходимость все-таки первичная и основная в формообразовании орудия, так как многие естественные формы действительно уже готовы для употребления. Но использование одних природных форм — оно же обработка иных природных форм. Использование — обработка: две стороны технологического процесса. Начало технологии вообще — это начало любого человеческого воздействия на природу, использование естественных кусков для расчленения туш и добычи корней — уже технология обработки мяса, растений и т.д.

Г.А. Хлопачев
(Санкт-Петербург, Россия)

БИВЕНЬ МАМОНТА И РАЗВИТИЕ КОСТЯНОЙ ИНДУСТРИИ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК РУССКОЙ РАВНИНЫ

Хорошо известно, что культура верхнего палеолита характеризуется богатством костяной индустрии и внезапным появлением предметов искусства.

Для Восточной Европы катализатором развития костяной индустрии выступал бивень мамонта. Этот прочный, твердый и долговечный материал имел кольцевую структуру строения, что позволяло, работая с ним в традиционной ударной технике камня, получать пластинчатые заготовки различного размера. В то же время бивень является хорошим пластическим материалом. Это давало возможность, применяя пиление, резание, шлифование, создавать сложные объемные формы.

Технические возможности бивня близки техническим возможностям рога, а его влияние на культуру сравнимо с ролью рога северного оленя в мадене Франции.

Развитие традиции работы с костью предполагало достаточные сырьевые базы — стабильное поступление на стоянку самого бивня и необходимого для его обработки кремня. В бассейне Десны такие базы имелись. В этом районе известны выходы кремня у Мезина, Пушкарей, Хотьлсво, Елисеевичей и других местах. Здесь же существовала возможность поступления на стоянки бивня, полученного не только в результате непосредственной охоты, но и из естественных скоплений, подобных «кладбищу мамонтов» под г. Севском в Брянской области. Существование таких скоплений в долине Десны хорошо известно, а условия их образования способствовали консервации бивня.

Стоянки костенковской культуры, на первый взгляд, противоречат высказанному предположению. Однако особенность их богатой костяной индустрии, скорее всего, следует искать в

традициях пришлой культуры, основанной на необходимом богатстве обоих сырьевых источников. Подтверждением этой идеи является уникальная приспособленность каменной индустрии Костенок-I и Авдеево к кремневому «голоду» и постепенное угасание костяной индустрии на Дону в последующее время.

В отличие от Среднего Дона Десна являлась тем районом, где связь обеих индустрий (каменной и костяной) особенно хорошо прослеживается на многих памятниках в продолжении 10 тыс. лет.

Стоянка Хотылево-2 (24—25 тыс. лет назад) имела близкие источники кремневого сырья и бивневый материал. Следствием, на мой взгляд, явилось множество резцов на фоне разнообразия кремневых орудий и богатство костяной индустрии.

Более значительное развитие костяной индустрии мы видим на стоянке Елисеевичи (17—20 тыс. лет назад). При хорошей сырьевой базе очевидно явное нарушение пропорционального соотношения между костяной и каменной индустриями. В кремневом инвентаре стоянки резцы являлись развитой и преобладающей группой орудий при малочисленности и бедности других категорий. В костяной индустрии, напротив, есть много разнообразных орудий (наконечники, плоскоподрезанные пластины, изделия с желобчатым торцом, мотыгообразные орудия и др.) и предметов искусства.

Мезинская стоянка является самой поздней в этой группе. Располагаясь вблизи сырья, она известна богатством традиций костяной индустрии. Ведущей группой в кремневом инвентаре продолжают оставаться резцы (59% от всех орудий), но одновременно наблюдается появление высокоспециализированных орудий как отражение постоянной обработки кости и мягкого материала (острия, проколки и т.п.).

Характер материала (бивень и меловой кремь), стабильность сырьевых баз подобных памятников стимулировали возрастание роли костяной индустрии в культурной традиции и привели к изменениям в каменных индустриях. Отражением этого явления стали нивелировка их структуры, постепенное угасание морфологической сложности и категориального богатства каменных орудий.

Длительное непрерывное существование такой традиции на стоянках Десны, заметная сосредоточенность их на этой территории позволяет рассматривать костяную индустрию как само-

стоятельный археологический источник, важный не только для понимания стоянки как хозяйственного комплекса, но и для выявления особенностей культурной близости памятников верхнего палеолита Русской равнины.

ЖЕНСКИЕ СТАТУЭТКИ ГРАВЕТТИЙСКОГО ЭПИЗОДА: КЛАССИФИКАЦИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

До сих пор женские статуэтки восточного граветта рассматривали как явление, не связанное со статуэтками Франции и Италии. Правда, С.Н. Замятнин и П.П. Ефименко видели в статуэтках Европы показатель синстадиальности в развитии культуры, отражение ступени наконечника и статуэтки, общей для всей Европы. Я вижу свою задачу в установлении морфологического сходства статуэток восточного граветьена и статуэток Запада. При этом я, конечно, считаю, что развитие искусства в разных частях Европы различно и развивалось по-своему. Если удастся доказать сходство между разными группами статуэток, это даст повод предположить какого-то рода связи между восточным и западным граветьеном.

Известны особенности построения скульптуры костенковской культуры. Женская скульптура строится вокруг равноугольного треугольника, где сторонами являются расстояние между наиболее выпуклыми точками груди и пупком. Грудь и живот — два основных объема — противопоставлены уплощенной верхней части торса, где руки переданы почти графически. Торс отклонен назад, а ноги в бедрах — вперед. Головка наклонена вперед, и та ее часть, где мыслится лицо, покрыта орнаментом, скорее всего, передающим волосы. Таковы большинство фигурок. Однако в серии с одного объекта эта разнообразность дополняется редкими статуэтками с лицом (Костенки и Авдеево) и статуэтками с подогнутыми ногами (Авдеево и Костенки-ХІІІ). Отличительной чертой костенковской скульптуры является присутствие (не на всех статуэтках) орнаментальных мотивов, которые, скорее всего, передают украшения, например нарезки на руках, вероятно, передают браслеты.

Статуэтки павловской культуры отличаются своим построением. Павловские статуэтки симметричны по отношению к своей поперечной оси. Иногда эта ось дана скульптором в виде

канавки поперек тела, как в статуэтке V из Дольних Вестониц. Симметрия достигнута вогнутой линией контура бедер — чего нигде более не встречается. Ноги чаще даны не объемно, а общей массой с линией, их разделяющей. Иногда эта линия вместе с поперечной выражено подчеркивают четырехчастное построение тела — геометрическое по своему принципу. У павловских статуэток переданы жировые складки на спине. В одном случае на теле передан, видимо, пояс, но он на другом месте, чем у костенковских фигурок и иначе орнаментирован.

Статуэтка из Виллендорфа не имеет орнамента на груди, но у нее есть нарезки, передающие браслеты, как у костенковских. На спине нарезки, отмечающие жировые складки, как у павловских статуэток.

На верхнем краю ягодиц отмечен валик и треугольник, делящий его на две половины, а нижний край ягодиц дан прямой линией, как у павловских статуэток. Конструкция головки у виллендорфской статуэтки — как в Костенках. На том месте, где должно быть лицо, орнамент, передающий волосы.

Другим доказательством совпадений между скульптурой Костенок и французскими статуэтками является сходная структура той и другой группы. И на Дону, и во Франции есть «статуэтки с лицом» и статуэтки с подогнутыми ногами (Сирей и Тюрсак). Признаков же, отмечающих индивидуальные особенности скульптуры павловской культуры, во Франции нет.

Перечисленные нами совпадения между особенностями скульптуры Франции (нужно добавить и рельефы — рельефы Лоссея) и скульптуры Восточной Европы столь многочисленны, что не могут быть случайными.

Структура женских изображений, если взять всю группу, также говорит в пользу неслучайности отмеченных совпадений. Было бы упрощением строить картину движения населения (носителей костенковской культуры или граветтийцев Франции) из одного конца Европы в другой. Существенно для меня показать, что для всей скульптуры граветтийского эпизода присущи общие признаки. Однако различия между группами указывают на независимое развитие скульптуры при обмене художественными идеями. Перед нами три семейства, у которых есть общие признаки, так что мы вправе говорить о надсемействе, куда входят все три семейства. И, как мне кажется, на равных правах.

С.А. Демещенко
(Санкт-Петербург, Россия)

ЗООМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ МАЭ

Для начального этапа фигуративного искусства свойственна условно-обобщенная трактовка в передаче образов животных, которая впоследствии сосуществует с реалистической или стилизованной манерой изображений. Первые сюжетные изображения представляют предметную форму или графический рисунок в упрощенном виде, когда значительная роль отводится характеру контурной линии в графике и абрису объемных форм (характер и степень кривизны, изгибы поверхностей и контуров, описывающих эти поверхности). По мере обогащения обобщенной формы конкретными признаками выявляются типичные особенности изображения. Это определенный уровень подхода к передаче образа. Типизация предусматривает появление группы родственных изображений, например, серийно представленные статуэтки животных, различающиеся по видовому составу. Наиболее репрезентативны в этом отношении коллекции верхних слоев Костенок-I и -IV (Александровка), находящиеся на хранении в Отделе археологии МАЭ (№ 6223 и 6194).

Возникшие трудности в процессе семантического анализа зооморфной скульптуры из известняка и мергелистых пород способствовали постановке вопроса о необходимости создания специальной методики исследования образцов мелкой пластики, а именно: методического приема зоологической модели распознавания образов (зооморфологический подход). В результате художественно-семантического анализа предложена совокупность признаков, посредством которых воспроизводится животное отдельного зоологического вида. Ведущими характеристиками (атрибутами) являются контурная линия лобно-носовой части, форма носа, ушей, нижней челюсти животного, а также общая моделировка головы или торса персонажа.

В коллекции первого комплекса Костенок-I выделены статуэтки (в скобках приводится количество экземпляров): мамонта (11), скульптурные головки кошачьих (5), медведя (6 — различной степени обобщенности), волка (6), лошади (7), овцебыка, песка, рыб и птиц. Неопределимая скульптура составляет многочисленную группу фигурок, среди которых находятся зооморфные головки, изображения торсов животных, их заготовки.

В качестве основных изобразительных признаков мамонта выступают маленькая, полукруглая в профиле головка, обобщенно смоделированный хобот, прижатый к передним конечностям, высокий горб, ниспадающая до крупа или прямая линия спины; ноги переданы в общем объеме с туловищем или обозначены небольшими выступами.

Изображения головок льва характеризуются относительно прямой контурной линией лобно-носового отдела, выемкой или резной линией определяется рот и форма массивной нижней челюсти, ноздри воспроизводятся точечной выемкой, глаза — округлой выпуклостью или нарезкой. Фигурки несколько уплощены, имеется одно одностороннее изображение. Для головок львиц типичны такие изобразительные детали, как выпуклый контур лобно-носовой части, рельефно (в виде валика) выступающий узкий нос, разрез верхней губы (!) и линия пасти, округлые выступы ушей. Скульптурные головки воспроизводят короткую морду животного с объемными формами щек («бакенбарды»). Следует учесть, что изображения созданы в различной манере, поэтому совершенно идентичных нет.

Достаточно актуальна проблема интерпретации изображений медведя и волка, которые выявлены на основании анатомических данных (степень удлиненности морды, массивности головы, окончания носового отдела, характер воспроизведения лба, ушей, глаз).

Изучение головки № 6223-123 позволило предположить, что перед нами изображение гибридного зооморфного существа. При фиксации поделки в определенных ракурсах отмечаются признаки волка, медведя и львицы (последнее проявляется левым профилем и напоминает львицу из Дольних Вестониц).

Моделировка головок лошади предусматривает передачу уплощенной, вытянутой морды, массивной шеи, иногда показаны ноздри посредством точки или угловой нарезки, линия

рта и выступы губ, в качестве округлых выпуклостей или нарезок дается изображение глаз. Компонентные детали могут быть нанесены только на одной стороне образца.

Впервые предлагается новая интерпретация некоторых образцов, ранее зачисленных в группу птичьих головок. Эти изображения имеют короткую морду треугольной формы (типа бараньей) и предельно схематичное воспроизведение рогов в виде округлых валиков с ямочными углублениями в центре. На наш взгляд, подобные скульптуры следует рассматривать как головки овцебыка, выполненные в костенковском каноне.

Анималистическая тематика в искусстве Александровки представлена сюжетными изображениями мамонта (10, вместе с заготовками), бизона (3), носорога (1) и лошади (3). Выделена группа неопределимых скульптурных головок.

В заключение следует констатировать необходимость и значимость дальнейшего изучения данных коллекций зооморфной скульптуры с целью выявления новых изображений (из резерва) и систематизации известных образцов, а также проведения художественно-семантического и сравнительного анализа, используя материалы памятников Западной и Центральной Европы.

Т.Н. Дмитриева
(Санкт-Петербург, Россия)

ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ДРЕВНИХ ЛЮДЕЙ

Реконструкция истории дописьменной древности на основе археологических данных сталкивается с теоретически неразрешимой проблемой — проблемой источникового «языкового барьера». Археология свидетельствует о реальной древности, но говорит на языке вещей; этнография, которая привлекается для «интерпретации» археологических данных, хотя и говорит на языке живой культуры, не связана с историей как с данностью: исторический процесс «спрессован» в данных этнографии в виде своего результата. Попытка типологизировать общества, известные по данным этнографии, на основе их уровня развития и придать типам значение стадий (сравнительно-типологический метод) в принципе не дает знания о реальном прошлом и не сопрягается с изучением археологических источников, в которых это реальное прошлое отразилось. Этим обстоятельством роль этнографии в реконструкции древности ограничивается, и она определяется как эвристическая. Этнографические и другие современные данные показывают диапазон возможностей. Хорошим примером этого является этноархеология.

Реконструкция духовной жизни прошлого, кроме проблемы источников, осложнена еще и «концептуальным барьером» (Лео Оппенгейм), ибо мироощущение современного человека, в особенности ученого, сильно отличается от мифопоэтического мироощущения человека древности, особенно охотника. Поэтому вряд ли мы сможем когда-либо восстановить содержание древнейших мифов и верований. Несколько более вероятно реконструкция каких-то элементов ритуального поведения, поскольку оно оставило материальные следы.

Есть, однако, еще один путь к пониманию духовной жизни древних охотников, не нашедший пока у нас широкого применения. Это попытка расшифровать изобразительный язык палеолитического искусства не с точки зрения того, что на нем

сказано, а того, *как* это сказано. Здесь мы не пытаемся реконструировать древние обряды и мифы, а пытаемся понять, что стоит за обрядами и мифами. Эта попытка выявления таких особенностей мышления древних охотников, которые могут быть ответственны за те или иные особенности палеолитической изобразительной системы (и, может быть, шире — за особенности формообразования в данной культуре вообще).

При такой постановке задачи большую роль может сыграть изучение палеолитических орнаментов. Орнамент по своей природе объединяет два противоположных начала: проявление и выражение природного начала, всплывающего из глубин бессознательного, — а именно: ритм — и проявление человеческого, сознательного, рационального — логика и расчет, которые нужны для исполнения орнамента в материале. Степень геометрической правильности орнамента и его согласованности с предметом показывает, как человек осваивает пространство, как он его воспринимает и использует.

В геометрическом искусстве палеолита преодолеваются некоторые особенности фигуративной изобразительной системы, которые, с современной точки зрения, воспринимаются как недостаток изобразительных средств. Если в фигуративном искусстве почти нет или очень мало композиций с изображенными внутренними связями, то многие орнаменты имеют такие связи, хотя и в этом жанре встречаются аналоги наскальным «беспорядочным» рисункам. Если искусственное обрамление в фигуративном искусстве отсутствует, то в орнаментах встречаются и рамки, и геометрическое членение поверхности. Это говорит о том, что именно в нефигуративном орнаментальном искусстве разум учится оперировать пространственными элементами, подчиненными и управляемыми доминирующей целостностью.

Кроме того, фигуративное искусство палеолита, особенно наскальная живопись, представляет собой уникальное явление, небывалый всплеск, равного которому не знает первобытность. Геометрическое же искусство, возникая вместе с фигуративным, переходит и за его пределы. Оно представляет собой как бы общий знаменатель для сравнения изобразительных систем палеолита и более поздних на предмет способа организации пространства, появления различных видов симметрии, сложности и качества мотивов и т.п.

Таким образом, палеолитический орнамент является очень ценным источником для изучения логического мышления, поскольку он требует логики для своего воплощения. И, воплощая в материал геометризованные формы, человек учится логике (анализу, абстрагированию от несущественных деталей, соразмерности частей и целого, пространственным соотношениям и т.п.).

С.А. Васильев
(Санкт-Петербург, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

Привлечение этнографических свидетельств в целях реконструкции образа жизни и хозяйственной деятельности человека древнего каменного века — тема, имеющая долгую историю. Многократные попытки «сконструировать» палеолит по образу и подобию австралийских аборигенов, эскимосов или тасманийцев привели к скептицизму относительно самой идеи применимости этнографических данных. Положение начало изменяться лишь в 60—70-е годы в связи с развитием за рубежом новой отрасли нашей науки — этноархеологии. Этноархеология характеризуется переходом от широких и всегда достаточно спорных построений относительно социально-экономической структуры древних обществ к анализу конкретных связей образцов поведения и остающихся при этом материальных остатков. В качестве основных методов этноархеологии выступают как полевые наблюдения и эксперименты, так и «этнографические раскопки» недавно брошенных поселений. Сфера интересов современной этноархеологии многообразна. В настоящем докладе остановлюсь лишь на некоторых аспектах исследования охотников-собирателей, имеющих отношение к археологии верхнего палеолита. Разумеется, результаты подобных опытов не представляют собой готовых моделей для реконструкции прошлого, но они могут иметь определенное значение в качестве стимулов для размышления при работе археолога.

Один из таких аспектов — изучение стоянок охотников-собирателей в плане соотношения структур и мест производства с остатками. Этноархеологические наблюдения позволяют определить величину размаха естественного разрушения, оценить шансы разнофункциональных мест обитания на сохране-

ние в археологическом контексте. Интересные данные получены при изучении социальной значимости планировки стоянок, взаимного расположения жилищ и т.д. (Д. Йеллен, Л. Бинфорд, Д. О'Коннелл). Особую значимость для реконструкции представляют модели пространственного распределения остатков вокруг огня под открытым небом и внутри жилья. Этноархеологические данные свидетельствуют о гораздо большей, чем это представлялось ранее, сложности реконструкции функциональной специфики отдельных частей стоянки на основании встреченных там находок. В характере последних отражается также практика очистки обитаемого пространства и повторное использование. В этом плане мелкие отходы могут быть более информативны, чем целые вещи.

Этноархеологические данные служат в качестве одного из источников при реконструкции жизнедеятельности палеолитических сообществ в региональном масштабе. Собственно говоря, сама идея рассматривать в качестве опорной единицы не отдельный памятник, а осваиваемый группой охотников-собирателей район с разнофункциональными стоянками следует из этнографических обобщений. Этноархеологические модели позволяют определить факторы, обуславливающие расположение стоянок на местности и критерии оценки их функциональной специфики. На их основе ныне разработаны региональные реконструкции для верхнего палеолита некоторых районов Европы (М. Джохим, Р. Уайт, Б. Эрикссон).

Этноархеология имеет большое значение для выяснения познавательных возможностей тех или иных категорий артефактов, в нашем случае — каменных орудий. К сожалению, число сообществ, действительно использующих изделия из камня, крайне невелико, а простота их технологий несравнима с палеолитом. Все же этноархеологические исследования позволяют сравнить археологические классификации с подразделениями орудий у их производителей (Д. Уайт), оценить размах вариации между разнофункциональными и разносезонными стоянками (Р. Гульд). Этноархеологические данные однозначно свидетельствуют о важности подразделения всего набора орудий на простые, легко выбрасываемые вещи («ситуационная утварь», по Л. Бинфорду), и вещи, требующие больших затрат на их производство, переносимые и хранимые артефакты («персональная утварь»). В облике последних в большей степени выражен стилистический фактор. Таким образом, эт-

ноархеология говорит в пользу мнения тех исследователей, которые при культуровыделении придают особое значение редким специализированным типам. Что касается пространственного распределения типов орудий, то они вряд ли могут помочь выделить реальные социальные общности (Э. Кросби, Ф. Маккарти). Однако картирование сетей связей может быть полезно в плане выявления социальных контактов. Подобные широкие разветвленные сети связей по сырью улавливаются ныне в верхнем палеолите Европы.

НОВАЯ НАХОДКА ИСКУССТВА В ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ВАЙЧЕ В СЕВЕРНОЙ ГЕРМАНИИ

Начиная с 1991 г. мы регулярно обследуем местонахождение Вайче в Нижней Саксонии на Северо-Европейской равнине между Гамбургом и Ганновером. Оно расположено на слабом возвышении на аллювиальной равнине р. Йетцель, маленького притока Эльбы, сформировавшейся во время вислинского оледенения. Здесь на широкой площади, примерно около 200 тыс. кв. м, после вспашки можно найти расщепленные и обработанные каменные изделия. Многочисленные наблюдения и эксперименты показывают, что каменные изделия находятся на поверхности там, где они залегают непосредственно в земле, и лишь немного смещаются при распахке. Поэтому все находки мы тщательно фиксируем на плане. Это дает возможность восстанавливать структуру данного местонахождения.

На северном участке площади распространения находок выделено 8 зон повышенной концентрации каменных изделий, на южном участке — 9. Некоторые зоны скопления находок достигают 20 м в ширину и дают в среднем около 2.5 тыс. предметов. Произведенные расчеты показывают, что на местонахождении в целом залегают около 100 тыс. предметов.

Подобные скопления находок необычны для финального палеолита, но хорошо известны для мадлена (Геннерсдорф, Андернах, Небра) и гамбургской культуры (Погенвич, Даймерн). Это ставит ряд интересных вопросов в связи с тем, что собранный каменный инвентарь в Вайче характерен для группы культур федермессер. Здесь преобладают скребки, резцы и различные типы острий; пластины с притупленным краем просты и обычны.

Отсутствие радиоуглеродных дат не позволяет точно определить возраст местонахождения Вайче, однако типология ка-

менного инвентаря указывает на большое сходство с аллередскими памятниками в районе Шлезвиг-Гольштейна и в бассейне Нойвида.

Весной 1994 г. при обследовании Вайче нами найден первый фрагмент изделия из янтаря. Он был встречен на южной окраине большого юго-западного скопления, которое раньше практически не давало никаких находок. Для выяснения условий залегания находки был заложен небольшой раскоп площадью 22 кв. м. Было собрано много каменных изделий, сопоставимых с культурой федермессер, и еще 18 мелких обломков янтаря. В лабораторных условиях кусочки янтаря удалось подобрать друг к другу и установить, что они принадлежат двум предметам.

Один из них представляет собой рельефное изображение животного длиной около 6 см. К сожалению, скульптура сохранилась не полностью: голова, шея и другие части отбиты, поэтому определить вид животного трудно. Корпус животного выполнен очень выразительно, хотя и в схематичной манере, без моделирования поверхности. Сзади виден искусственный надрез с маленьким выступом, который можно интерпретировать как хвост. Контур спины и живота показывают, что это не может быть хищник, и аналог нужно искать среди таких крупных копытных аллереда, как лось, олень, лошадь и др. На левом боку имеется два ряда тонких параллельных штрихов, которые можно принять за следы использования, но они слишком регулярны для того, чтобы возникнуть в процессе работы. Более вероятно, это следы декора. Переход между ногами, шей и животом отмечен цилиндрическим отверстием, которое предшествовало прорисовке деталей животного. Возможно, оно и послужило причиной поломки фигурки, в которой предполагалось, быть может, изображение маленького янтарного слона.

Второй предмет из янтаря еще более загадочный. Он овальной формы, хорошо обработан, обе стороны без заметных повреждений. Оба конца имеют каннелюры, облегающие рельеф. Интерпретация этого объекта крайне затруднительна. Допустимо предположение, что здесь изображена голова какого-то животного. В настоящий момент трудно увидеть в нем другой фигуративный мотив.

Для полноты описания предметов из янтаря необходимо добавить характеристику одного осколка размером 7 мм. Он отколот от более крупного декоративного предмета. Две грани

его имеют ленты тонких штрихов регулярными нарезками, воспроизводящими декор в виде ромбов. Ленты ограничены с обеих сторон выгравированной линией и маленьким рельефным бортиком.

Эти недавние открытия позволяют теперь с большей уверенностью говорить о третьем предмете из янтаря в культуре федермессер, который был найден в 1986 г. на южной окраине местонахождения. Речь идет о крошечном перфорированном диске.

Найденные предметы искусства из янтаря подчеркивают значение огромного местонахождения Вайче и вместе с кремневым инвентарем позволяют поставить ряд интересных вопросов, связанных с проблемой перехода от верхнего палеолита к эпохе мезолита, а также с проблемой детальных характеристик локальных образований в огромной по занимаемой площади группе культур федермессер. После находок изображений животных из янтаря в финальном палеолите Вайче янтарные фигурки в северном мезолите не кажутся неожиданными.

ПЕРЕХОД ОТ МАДЛЕНА К АЗИЛЮ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИЗМЕНЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОЛИНЫ РЕЙНА)

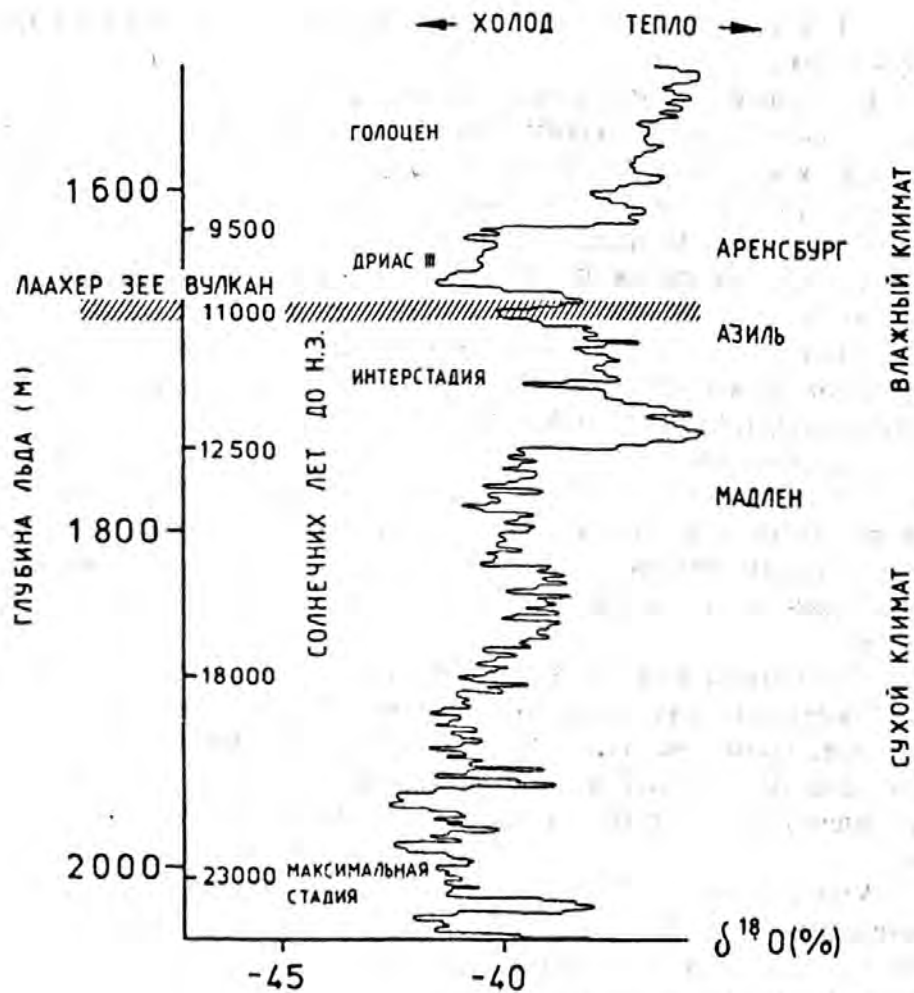
Недавно стала возможной калибровка дат, полученных при помощи радиоуглеродного анализа для позднего гляциала, путем сравнения их с результатами применения дендро- и варвохронологии. Таким образом, датировки для последних 20 тыс. лет были переведены в солнечное летоисчисление [M. Street, M. Baales, B. Weninger, 1994].

В то же время исследования ледников Гренландии дали информацию о климатических изменениях за этот период (см. рисунок).

За пиком похолодания последнего оледенения 25—23 тыс. лет тому назад последовало относительно быстрое потепление. В конечном итоге, температурная кривая около 8 тыс. лет находилась приблизительно на одном и том же уровне. Это было мадленское время.

Затем, 12,5 тыс. лет до н.э. очень резко начался продолжительный интерстадиал, более теплый вначале, и со многими температурными колебаниями во второй половине. Это было азильское время.

В мадленское время господствовал сухой климат, приведший к формированию степного ландшафта. Деревья и кустарники росли только в долинах рек. Характерными обитателями травянистого ландшафта были лошадь, северный олень, мамонт, шерстистый носорог, зубр, сайга, песец, заяц-беляк, волк, медведь, лев и крупные птицы (белая куропатка, полярная сова, ворон), а также водоплавающие птицы (гусь, лебедь и утка). Это и есть комплекс мамонтовой фауны, характерный в эту эпоху для весьма широких территорий Евразии.

Хронология и колебания климата
в конце последнего оледенения

Мадленские поселения, описываемые мной на примере Андернаха и Геннерсдорфа, состояли из круглых долговременных построек 6—8 м в диаметре [Bosinski, 1992]. Внутри помещение было вымощено сланцевыми плитками, и пол присыпан гематитовой пудрой. Здесь находился очаг с многочисленными «кухонными ямками», в которых жидкость кипятилась при помощи раскаленных кварцевых галек. Постройки имели один вход с юго-востока и второй проем в наветренной западной стене. Согласно данным анализа фаунистических остатков, жилища разделяются на летние и обитаемые в холодное время

года. Тем не менее, конструкции этих двух категорий жилищ идентичны.

Каменный инвентарь различных построек весьма специфичен по составу сырья. Один спектр сырья включает в себя третичный кварцит, происходящий со Среднего Рейна, халцедон из Зибенгебирге и «балтийский» валунный ледниковый кремль из района максимального оледенения с Нижнего Рейна. Данный состав сырья указывает путь через долину Рейна на север [Floss, 1994]. Из других жилищ происходят серии артефактов из палеозойского кварцита и маасского мелового кремня. Этот спектр сырья указывает на западный путь через Айфель и Арденны в район Мааса.

Пластинчатая техника хорошо развита и базируется на расщеплении нуклеусов типа гигантолитов из Новгорода-Северского. Типы орудий достаточно стандартизированы и состоят из различных резцов, скребков, долотовидных орудий, маленьких проколов и многочисленных пластинок с притупленным краем.

Обработка кости, рога и бивня широко представлена иглами, «жезлами» с круглым отверстием, роговыми наконечниками, среди которых такие типичные для мадлена формы, как *baguettes demi-rondes* и гарпуны. Формы и размеры роговых наконечников свидетельствуют об использовании копьёметалки.

Украшения многочисленны и разнообразны: просверленные атрофированные клыки благородного оленя и клыки песца, серии резцов северного оленя с обрезанными корнями, бусы из гагата, изготовленные на стоянке, денгалиумы и раковины моллюсков из Средиземноморья, удаленного от стоянок на 1000 км, а также ископаемые, собранные в более древних отложениях — зуб акулы, кости носорога и позвонок ихтиозавра.

В этих мадленских поселениях было найдено много предметов искусства: женские статуэтки из бивня, рога и сланца, сланцевые плитки с гравированными изображениями людей, животных и различных символов.

Описанные находки и объекты позволяют реконструировать облик мадленского поселения в позднеледниковом степном ландшафте. Это были своего рода деревни, состоящие из многочисленных круглых жилищ. Жилища всегда были однотипны и использовались довольно многочисленными группами людей, которые приходили сюда из различных, но обычно уда-

ленных более, чем на 100 км областей. Группы с Мааса жили здесь летом, а группы из нижнерейнских областей — зимой. Судя по насыщенности находками слоя и долговременности структур, пребывание на поселении каждый раз было достаточно длительным, вплоть до нескольких месяцев. Возникает предположение, что там, откуда эти люди приходили, существовали аналогичные поселки. Так складывается картина многочисленного, относительно оседлого населения, предположительно менявшего место жительства один раз в течение года, причем преодолевая каждый раз более 100 км.

12.5 тыс. лет до н.э. происходит резкое изменение климата и окружающей среды. Сухой климат и степной ландшафт были быстро вытеснены атлантическим климатом, при котором распространились древесные формы растительности. В бассейне Нойвида на Среднем Рейне флора, фауна и человеческие поселения прекрасно сохранились под слоем пемзы вулканов Лаахер-Зее [Bosinski, 1987]. Возник лесной ландшафт с сосной, березой, ивой и тополем, а также отчетливыми признаками влажности. В этом ландшафте обитали лось, олень, бык, бобр, косуля, кабан и медведь. Эта лесная фауна, среди которой лишь изредка появляется лошадь как представитель обитателей травянистых равнин. Исчезли стада северных оленей, мамонт и шерстистый носорог вымерли.

На стоянках мы находим крупные скопления находок, иногда с очагом в центре. Как показали исследования с применением кольцевого и секторального метода Д. Штаперта, эти скопления не были обнесены стеной, а находились под открытым небом [Stapert, 1989]. Пребывание азильцев на этих поселениях было значительно более кратковременным, чем обитание поселений в мадленское время, а сами группы людей были значительно меньше. Остатки жилых конструкций до сих пор неизвестны. Иногда в лесах аллередского времени встречаются единичные находки — каменные артефакты, разбитые кости животных, отдельные очаги, указывающие на использование ландшафта за пределами территории поселений.

Каменные орудия азильцев изготовлены из третичного кварцита и кремнистого сланца со Среднего Рейна. Многочисленны каменные орудия из халцедона из месторождения, находящегося в 60 км от Бонна, а также из кремня, происходящего из бассейна Мааса и с Нижнего Рейна [Floss, 1994]. Как показывает спектр сырья, территория, обитаемая людьми в азильс-

кое время, была по крайней мере не меньше, чем в мадленское.

Техника расщепления была небрежнее, чем в мадлене. Вместо больших сегментовидных нуклеусов-гигантолитов для снятия пластин встречаются маленькие, едва обработанные ядрища, с которых скалывались пластинчатые отщепы. Набор орудий состоял из коротких скребков, часто плохо обработанных рецов, пластинок с притупленным краем и различного рода острий на пластинках с притупленным краем, применявшихся как наконечники стрел. Для обработки рабочего края орудий часто использовались ретушеры из удлиненных плоских галек.

Полировальник из грубозернистого песчаника для наконечников стрел является дополнительным весомым аргументом, указывающим на существование лука и стрел, как одного из основных видов вооружения.

Предметы из рога и кости встречаются в долине Рейна редко. В Кеттиге был найден отбойник из рога и однорядный гарпун со слегка изогнутыми зубцами [Baales, 1994].

Не менее редко встречаются предметы искусства и украшения. На одном точиле для наконечников стрел из Нидербибер имеется геометрический орнамент, в котором иногда видят последние грубые отголоски женских изображений прошедших времен, что можно рассматривать как связь с мадленским прошлым. Типичны для азилия гравированные геометрические изображения на удлиненных плоских гальках.

Суммируя эти данные, можно сказать, что для азилия характерно обитание на больших территориях аллередского лесного ландшафта маленьких человеческих групп, которые оставались на одном месте лишь очень короткое время. Люди были менее оседлы, чем в степном ландшафте мадленского времени.

Переход от мадлена к азилию стал следствием драматического изменения климата и окружающей среды. Хозяйственную основу деревенских поселений мадленцев с их большими группами населения и долговременностью пребывания на одном месте составляла охота на крупных стадных животных в степном ландшафте. В лесном ландшафте аллереда животная биомасса была существенно меньше, и поэтому группы людей были меньше и мобильнее [Bosinski, 1987, 1990].

Изменение окружающей среды в конце последнего оледенения затронуло не только долину Рейна, откуда я приводил

примеры, но и широкие просторы Евразии к северу от высоких горных хребтов, а также Северную Америку. Конец мамонтовой фауны и верхнего палеолита и начало голоценовой фауны и мезолита на Русской равнине и в Сибири также связаны с резким изменением климата, которое, судя по новым калиброванным датам, произошло 12.5 тыс. лет до н.э.

Baaltes M. Kettig (Kr. Mayen-Koblenz): Ein spätpaläolithischer Siedlungsplatz unter dem Bims des Laacher See-Vulkans im Neuwieder Becken (Ein Vorbericht) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1994. N 24. S.241—254.

Bosinski G. Upper and Final Palaeolithic Settlement Patterns in the Rhineland, West Germany // In: H.L. Dibble, A. Montet-White (Ed.) // Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia. 1987. S.375—386.

Bosinski G. Homo sapiens. L'histoire des chasseurs du Paléolithique supérieur en Europe (40.000—10.000 avant J.-C.). Paris, 1990.

Bosinski G. Eiszeitjäger im Neuwieder Becken. Archäologie an Mittelrhein und Mosel I (3. Aufl.). Koblenz, 1992.

Floss H. Rohmaterialversorgung im Paläolithikum des Mittelrheingebietes // Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 1994. N 21.

Stapert D. The Ring and Sector Method: Intrasite spatial Analysis of Stone Age Sites, with special Reference to Pincevent // Palaeohistoria. 1989. N 31. P.1—57.

Street M., Baales M., Weninger B. Absolute Chronologie des späten Paläolithikums und des Frühmesolithikums im nördlichen Rheinaland // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1994. N 24. S.1—28.

В. Ф. Копытин
(Могилев, Беларусь)

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГРЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Верхнее Поднепровье в силу своего географического положения между 50—60° с.ш. является одним из регионов, на материалах которого можно ставить и решать вопросы о направленности, характере и времени заселения северо-запада Восточно-Европейской равнины, с учетом того фактора, что, поскольку северные районы верхнего течения Днепра были заняты льдами в период максимального распространения ледникового покрова, в южной части территории была отмечена значительная концентрация памятников позднего палеолита как свидетельство ее пригодности для обитания. Продвижение населения в высокие широты и расселение в данном регионе после деградации ледникового покрова происходило преимущественно по Днепру и его основным притокам, что предопределялось меридиальным направлением течения Днепра, Десны, Сожа, Березины.

Заселение верхнего течения Днепра и прилегающих районов могло произойти только после отступления ледника, спуска озерно-ледниковых водоемов, формирования речной сети и образования второй надпойменной террасы, на которой находятся стоянки раннего этапа гренской культуры. Наиболее благоприятные условия для заселения сложились в аллереде (12—11 тыс. лет назад), когда произошла существенная перестройка природной среды, разрушившая экономическую базу жизнедеятельности населения позднего палеолита. Именно с этого времени основным промысловым животным в Восточной Европе вместо мамонта становится северный олень, обладающий значительной экологической пластичностью и живущий по «пространственно-временной системе». Миграции северных оленей как бы накладывались на динамичные изменения природной среды, способствуя оттоку населения в северном направлении.

По мере освоения региона охотниками на северного оленя и адаптации к изменяющимся условиям позднеледниковья в верховьях Днепра формируется гренская культура, своеобразие которой, в отличие от других культур финального палеолита Северной Европы, выражается в исходном сырье, технике расщепления кремня и наборе каменного инвентаря, единстве его морфологических и метрических показателей, в органическом территориальном распространении памятников, генетически связанных со среднелептовской культурной общностью позднего палеолита.

Так, стоянка Боровка, расположенная на правом берегу Днепра в Быховском районе, коллекция кремневого инвентаря которой насчитывает более 20 тыс. артефактов, в том числе 1847 изделий со вторичной обработкой и 1602 нуклеуса, имеет прямые аналогии с материалами Мезинской стоянки. Индустрии Мезина и Боровки близки между собой по своеобразие форм и набору орудий, по приемам вторичной обработки и технике расщепления. Оба памятника были расположены в непосредственной близости от источников сырья и служили местами первичной обработки кремня, о чем свидетельствует обилие в коллекции нуклеусов, отходов производства и полуфабрикатов в виде пластин и отщепов. Обращает на себя внимание сходная техника оформления нуклеусов при преобладании одноплощадочных форм.

В коллекции отчетливо выражены основные группы и типы кремневого инвентаря, описанные для Мезина И.Г. Шовкоплясом, П.П. Ефименко и др. Так, ретушные резцы занимают ведущее место среди других типов, но в отличие от мезинских в Боровке они изготовлены на отщепах. Среди них встречаются изделия с вогнутым ретушированным концом, ограниченным двумя резцовыми сколами, и двойные ретушные резцы на противоположных концах заготовки. Наряду с преобладанием концевых скребков, отмечено наличие всех разновидностей этих орудий в обоих памятниках, включая выемчатые скребки. Имеются комбинированные орудия: скребки-резцы, скребки-проколки, скребки с выемками по краю. Уместно отметить в Мезине и в Боровке разнообразие острий, в том числе «режущих», изделий с выемками, группу пластин с усеченными дистальными концами, оформленными мелкой ретушью перпендикулярно продольной оси заготовки, единичные рубящие орудия и обилие изделий случайного использования — пластин

и отщепов с небольшими участками ретуши по краю, что характерно для памятников, расположенных у выходов кремневого сырья.

Наконец, в коллекции Боровки одну из наиболее ярких групп составляют проколки мезинского типа, имеющие отчетливо выделенное жальце, округлое в сечении, асимметричное или симметричное, иногда изогнутое. По расположению рабочего конца проколки представлены срединными и угловыми. По технике изготовления проколкам близки клювовидные орудия, для которых характерно наличие выделенного крутой ретушью «шипа». В индустриях Мезина и Боровки имеются аналогии и по наконечникам стрел, также свидетельствующие о генетической связи населения, оставившего эти памятники, и не позволяющие включать Боровку в круг памятников аренбургской культуры.

Следовательно, материалы Боровки имеют принципиально важное значение для решения вопроса генезиса гренской культуры на основе памятников среднеднепровской культурной области.

А.А. Погодин
(Екатеринбург, Россия)

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО МЕЗОЛИТУ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Мезолитические памятники в таежной зоне Западной Сибири известны с начала 80-х годов. Они представлены кратковременными стоянками и долговременными поселениями. Наибольшая концентрация памятников наблюдается в среднем и нижнем течении р. Конды (Кондинская низменность). Здесь их выявлено более двух десятков. На семи памятниках проводились стационарные исследования. По серии радиоуглеродных дат одно из поселений — Леуши-IX — датируется серединой—концом 6-го тысячелетия до н.э.

Во второй половине 80-х годов проводились исследования многослойного поселения Геологическое-III на р. Эсс в верховьях Конды. Раскопами общей площадью около 1000 кв. м. выявлены остатки 13 сооружений. Четыре объекта относятся к мезолитическому времени, остальные к энеолиту—бронзовому веку. Мезолитические жилища представлены остатками наземной постройки и котлованами полужемлянок. Котлованы последних подпрямоугольные, с вертикальными стенками, углублены в материковый слой от 0.5 до 0.8 м. Интересны два двухкамерных жилища, котлованы которых соединены переходом. При этом пол одного из помещений глубже на 10—15 см пола другой камеры. Все постройки поселения были каркасно-столбовые, но различались в конструктивных деталях. В жилищах фиксировались хозяйственные (?) ямы. Очаги в помещениях не выявлены. Только в центре одного из котлованов зафиксирована яма с углистым заполнением. В отличие от неолитических жилищ, где охрой посыпан весь пол, в мезолитических жилищах выявлены только отдельные линзы охры. Наличие разнообразных построек сложных конструкций, в том числе двухкамерных, свидетельствует о специфике домостроительства мезолитического населения таежной зоны Западной Сибири.

Поселение Геологическое-III расположено вблизи моренных отложений галечника. Это обусловило доступность и разнообразие видов сырья. Каменный инвентарь встречался в заполнении котлованов построек и на прилегающем пространстве. Орудия изготовлены из кремня в основном серо-зеленых оттенков, метаморфических сланцев, опок и других пород камня. Призматические нуклеусы для скалывания пластин единичны и в большинстве случаев полностью утилизированы. Основу индустрии составляет пластина: 50.8% пластинок шириной до 0.8 см, 64.34% — до 1 см. Единичны микропластинки (до 0.5 см) и изделия крупных размеров (до 2.5 см). Среди изделий преобладают пластины с краевой ретушью, многие использовались в качестве вкладышей. Из пластин изготовлены концевые скребки. Единичны пластинки с усеченным концом, острия, резцы, резчики. Отщепы служили для изготовления скребков. Ведущей формой являлись концевые скребки, иногда с дополнительным боковым лезвием. Серией представлены полукруглые скребки из краевых отщепов с массивной базальной частью. Много долотовидных орудий. Единичны резцы, скобели, отщепы с эпизодической ретушью.

Своеобразие комплексам придает кварцевая индустрия (от 28 до 38% изделий в жилище). Кварцевые гальки расщеплялись ударом и контрударом. Имеются наковальни и отбойники. Кварцевые нуклеусы подпрямоугольные или подчетыреугольные со скошенной площадкой, иногда не оформлявшейся сколами. Основная масса кварцевых отщепов подпрямоугольной, овальной или сегментовидной формы. Представлены в комплексах рубящие орудия, изготовленные как в технике шлифовки, так и в технике оббивки, обломок шлифовального ножа (?), абразивные инструменты.

Каменный инвентарь обладает определенным своеобразием на фоне материалов сопредельных территорий, в первую очередь, невысоким типологическим ассортиментом орудий. Для одного жилища получена дата по C^{14} : 8380 ± 710 (ЛЕ-4220).

В других районах тасжной зоны, за пределами Кондинской низменности, мезолитические памятники единичны, а материалы их крайне скудны. Мезолитическое поселение — Смоляной Сор-1 — выявлено в среднем течении р. Северной Сосьвы. Каменный инвентарь памятника представлен пластинами и изделиями из них. Есть нуклевидные формы и отщепы. Интересный материал получен со стоянки Пямали-яха-IV, распо-

ложенной на оз. Пяку-то в верховьях р. Пур. Сырьем для изготовления служили кремнистые породы, кварц, сердолики, агаты. В коллекции представлены призматические одно- и двухплощадные нуклеусы, пластинки без обработки и с краевой ретушью, вкладыши с притупленным краем и торцом. Выразительна серия скребков с одним или двумя продольными лезвиями из отщепов овальной или прямоугольной формы. Имеются скребки из галек.

Подводя итог, следует отметить актуальность изучения мезолита таежной зоны Западной Сибири, так как отсутствуют локальные схемы его развития и необходимые серии абсолютных дат. Выявление мезолитических памятников в северных широтах таежной зоны Западной Сибири (пос. Смоляной Сор-1, ст. Пямали-яха-IV) позволяет поставить проблему более раннего времени заселения человеком этих территорий. На мой взгляд, пока преждевременно включать памятники Конды в состав одной из выявленных мезолитических общностей — камско-печорской или среднезауральской. Не исключено, что они представляют собой отличное от этих общностей культурное явление и будут различаться внутренней спецификой.

ЕЩЕ РАЗ О ЖАТВЕННЫХ ОРУДИЯХ НАТУФИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Раскопки эталонных памятников натуфийской мезолитической культуры 10—9-го тысячелетий до н.э., произведенные в 1930-х годах Д. Гаррод, Р. Невиллем и Ф. Турвиль-Пстром на Ближнем Востоке, стали мировым открытием в археологии. Достаточно вспомнить многослойные пещеры Мугарет-эль-Кебара и Мугарет-эль-Вад, материалы которых явились основой для выделения собственно натуфийской культуры. Кроме того, они поставили перед археологами ряд научных проблем, которые не потеряли актуальности до настоящего времени.

Одной из них явилась проблема происхождения земледелия, сразу вызвавшая не утихающие до сей поры споры. Она возникла из анализа кремневых индустрий, полученных из мезолитических слоев «Б»—«Б₂». В их орудийном наборе оказались пластинки с видимой зеркальной заполировкой. Других свидетельств о существовании в то время земледелия или собирательства не было. Также не дошли до нас остатки злаков или других каких-либо растений, не найдена и пыльца. Ссылка же исследователей на присутствие жатвенных орудий еще не является таким доказательством, так как не было известно, для каких растений они использовались. Трасологический анализ орудий в 30-е годы еще не применялся ни в Западной Европе, ни в Америке, хотя именно он мог решить эту проблему. Не была усовершенствована в то время и методика микроанализа, позволяющая дифференцировать жатвенные инструменты в соответствии с их конкретным назначением. Поэтому дискуссия об их связи с земледелием или собирательством не нашла продолжения.

Не прояснили проблему и открытия новых памятников натуфийской культуры: мезолитические слои Абу Хурейры, Нахал Орена, Иерихона, Телль Маллахи, Бейды, Хайонима, Мюраубита, Гилгала, Нетив Хагдуда и многих других. Хотя эти стоянки содержали уже остатки диких злаков, травы, тростни-

ка, сорняков, они как бы указывали на собирательскую направленность экономики. И лишь в слоях докерамического неолита 8—7-го тысячелетий до н.э. обнаружено 8 видов культивируемых злаков. Откуда они появились и где начался процесс их культивации и селекции?

В целях изучения новых материалов натufийской культуры были подключены разные методики, в том числе трасологический анализ (П. Андерсон-Жерфо, Р. Ангер-Хамилтон). Однако результаты последнего (в силу, возможно, ограниченного исследования как орудий, так и памятников, с которыми они были связаны) не получили однозначного решения. Таким образом проблема возникновения земледелия на Ближнем Востоке снова осталась. Для ее решения необходимо было привлечь серию ключевых памятников, применить микроанализ к массовому археологическому материалу и рассмотреть результаты последнего в контексте с другими свидетельствами.

Такая возможность представилась благодаря научному сотрудничеству между ИИМК РАН, Институтом истории АН Туркменистана и Институтом археологии Великобритании. В 1989—1993 гг. автор при участии Т.А. Шаровской исследовали материалы из натufийских слоев Кебары — более 300 изделий (слой «Б»), Абу Хурейры — более 3100 (траншея «Е», слои 311—315) и Нахал Орена — около 800 (слой б). При этом были использованы металлографические микроскопы (Olimpus и Leitz) с увеличением в 100—200 раз; усовершенствованная методика микроанализа, нацеленная на конкретизацию функций; микрофотографирование следов изнашивания, сохранившихся на рабочих поверхностях орудий; аналогии с экспериментальными эталонами серпов, применявшихся для разных растений, и их идентификация. Всего было изучено более 4200 кремневых изделий, среди которых вкладышей жатвенных инструментов обнаружено 105. Из них в Кебаре — 94 (в том числе для культивируемых злаков — 17), Абу Хурейре — 8 и 1 и Нахал Орена 3 и 1 соответственно. К этому следует добавить материалы Абу Хурейры и Нахал Орена, хранящиеся в других музеях и институтах Франции, Америки, Израиля, Палестины, Сирии, среди которых тоже есть или могут быть обнаружены подобные изделия (о чем свидетельствуют микрофотографии жатвенных инструментов, опубликованные в ряде статей), значительно увеличивающие количественные показатели орудий, связанных с первой культивацией диких злаков. Отсутствие же растений с

морфологическими признаками доместикации можно объяснить тем обстоятельством, что дикие виды, проходя стадии примитивной культивации и селекции, еще долгое время сохраняют морфологические признаки, типичные для диких (подобно диким животным, находящимся уже в стадии приручения, но еще не приобретших морфологических признаков домашних).

Результаты трасологического анализа кремневых орудий из Кебары, Абу Хурейры и Нахал Орена позволяют говорить о том, что процесс первичной примитивной культивации диких злаков (т.е. собственно появление земледелия), развивающийся на фоне собирательской экономики, начался, по крайней мере, в 10-м тысячелетии до н.э. и связан с существованием и развитием натуфийской культуры.

В.И. Тимофеев
(Санкт-Петербург, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ

На широких территориях лесной полосы в неолитическое время типологически прослеживается взаимодействие культур разного происхождения, приводившее к формированию «гибридных» комплексов, сочетающих признаки контактирующих культур. Впервые это явление в прибалтийских неолитических материалах уловил А. Европеус (1930, 1957), использовавший его для решения проблем хронологии и синхронизации. На материалах памятников с гребенчато-ямочной керамикой Восточной Эстонии признаки «гибридизации» были выделены Н.Н. Гуриной (1967).

Ф.А. Загорскис (1967) проследил формирование своеобразного типа керамики (тип Пиестиня), сочетающего элементы нарвской и гребенчато-ямочной керамики. Существование в зонах стыка неолитических культур «переходных» комплексов было отмечено В.П. Третьяковым (1982), предложившим для определения этого явления термин «археологическая непрерывность» (по аналогии с «лингвистической непрерывностью»).

Неолитические материалы Юго-Восточной Прибалтики дают яркие примеры «гибридизации» материальной культуры. Памятники раннекерамического времени (начавшегося около 6.5 тыс. лет назад, по «радиоуглеродному календарю», судя по данным ряда смежных территорий) на рассматриваемой территории малоизвестны. Существенно, что практически единственный раннекерамический комплекс с четко установленной хронологией — Даньки-IX в литоральной зоне Северной Польши, датированный около 6.3—5.8 тыс. лет назад [Илькевич, 1989], представлен сосудами с определенными восточно-балтийскими элементами в орнаментике при преобладании признаков, характерных для материалов круга Эртебёлле-Эллербек в технологии изготовления и формах сосудов, и кремневым

инвентарем, ближе всего стоящим к индустрии местной хойнице-пеньковской мезолитической культуры. Данный ансамбль признаков отражает, видимо, сложность процесса формирования раннекерамической культуры в прибрежной части региона.

В последующее время, 5.5—4.8 тыс. лет назад, в Юго-Восточной Прибалтике существовала своеобразная локальная цедмарская неолитическая культура, памятники которой известны лишь во внутриматериковой части региона [Тимофеев, 1980, 1991; Гуминский, Федорчук, 1988, 1990]. Материалы цедмарской культуры сочетают признаки, характерные для восточнобалтийских культур: нарвской (раковинная примесь в тесте части сосудов и некоторые элементы костяной и роговой индустрии), неманской (особенно в кремневой индустрии) и элементы, более характерные для неолита центральной Европы и Скандинавии (плоскодонность сосудов, наличие венчиков с «воротничком», орудия Т-образной формы и «кирковидные» в роговой индустрии). «Западные» элементы преимущественно находят соответствия в материалах культуры воронковидных бков (КВК). Хронологически период взаимодействия КВК и цедмарской культуры соответствует ранне-неолитическим фазам КВК по скандинавской периодизации, «западный» же компонент, принявший участие в формировании цедмарской культуры, относится, видимо, к хронологическому горизонту, предшествующему сложению и распространению КВК.

На большей части Восточной Прибалтики появление «гибридных» комплексов материальной культуры происходит в период распространения в регионе волны носителей гребенчато-ямочной керамики и ассимиляции ими населения нарвской культуры. Юго-Восточная Прибалтика была едва затронута экспансией культуры гребенчато-ямочной керамики (отдельные пункты которой известны лишь на морском побережье). Распространенность процесса «гибридизации» материальной культуры здесь обусловлена географическим положением территории, соответствующей контактной зоне, разделяющей массивы основных восточнобалтийских неолитических культур и обширную ойкумену центральноевропейского неолита.

Д.В. Герасимов
(Санкт-Петербург, Россия)

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ КВАРЦЕВЫХ ИНДУСТРИЙ

На Северо-Западе европейской части России (Карелия, Кольский полуостров) кремнь встречается редко. Одним из основных видов сырья на этих территориях в мезолите и неолите был кварц. Кварц, в отличие от кремня, в большинстве случаев не позволяет получить заготовку заданных параметров. Это одна из причин, по которой кварцевые индустрии древности сложны для систематизации. За время изучения раннеолценовых памятников Северо-Запада было предложено несколько способов изучения кварцевых индустрий этих памятников.

На первом этапе изучения кварцевых индустрий Северной Скандинавии и Кольского полуострова М. Бродбент, В. Лухо и их единомышленники применяли к изделиям типологические схемы французского палеолита, что вызвало справедливые замечания о несправедливости применения одинаковых схем к изделиям из кремня и из пород с иными свойствами. Однако результатом этой критики стало и то, что К. Мейндер поставил под сомнение принципиальную возможность классификации кварцевого материала и высказал идею о необходимости полного отказа от типологических разработок при изучении каменных индустрий Севера. Следует, однако, согласиться с большинством исследователей, что отказ от попыток классификации кварцевых орудий негативно скажется на изучении древней материальной культуры Севера.

Н.Н. Гурина и Г.А. Панкрушев, изучая кварцевый инвентарь памятников Карелии, в своих типологических разработках опирались на форму и размеры предметов, способ и место вторичной обработки на орудии. В результате, при выделении типов кварцевых орудий нередко происходило смешение разнорядковых признаков, вычленяемые типы иногда не взаимно-исключались.

Классификация скребков М.М. Шахновича представляет иной подход к изучению кварцевого инвентаря карельских памятников. В качестве признаков для классификации служат метрические параметры: длина, ширина; хорда и высота лезвия. Скрепки визуально делятся на три метрические группы (крупные, средние и мелкие) и по виду в плане (подокруглые, подпрямоугольные и подтреугольные). Затем каждая из образовавшихся групп делится на однолезвийные и двулезвийные скребки.

Представляется, что размер орудий как признак для классификации можно использовать только тогда, когда близкие по очертаниям, но отличающиеся по размерам орудия изготавливались на получаемых разными способами заготовках разных размеров. Если же разница в размере орудий есть результат непредусмотренных отклонений при изготовлении, то классификация по этому признаку может оказаться субъективной. Классификация по очертаниям в плане должна опираться на доказанное наличие преднамеренности в создании определенных форм. Определить значимость признаков поможет технологическое изучение материала.

Представители трасологического направления полагают, что лишь на основе сопоставления функционального назначения и морфологии орудий можно создать пригодную для изучения группировку материала. Морфология орудия складывается из признаков, обусловленных функциональной и технологической необходимостью, а также «эстетической» нормой, т.е. из того, что сейчас вкладывается в понятие «дизайн». Соответственно, функциональное назначение орудия отражается в его морфологических параметрах. Поэтому, вероятно, основная задача трасологии при типологической группировке каменных орудий — определение места их функциональных и аккомодационных частей.

Интересным представляется также изучение влияния на морфологию орудий изменения моды на определенный дизайн, который и характеризует пространственные и временные различия традиций.

При нерегулярной заготовке морфологический замысел мог отражаться в положении функциональных и аккомодационных частей на орудии и относительно друг друга. В.Я. Шумкин при работе с кварцевыми индустриями Кольского полуострова выделяет «морфофункциональные» группы орудий. Главными

признаками выделения служат место и характер вторичной обработки на заготовке.

Для изучения положений функциональных и аккомодационных частей на орудии относительно друг друга необходимо применение морфологического и трасологического анализа. Важное значение для систематизации материала должна иметь технология изготовления и характер вторичной обработки. При систематизации материала следует использовать лишь признаки, появившиеся в результате целенаправленной человеческой деятельности. Таким образом, при изучении кварцевого инвентаря важно применение наиболее перспективных результатов формально-типологических исследований в сочетании с технологическим и трасологическим подходами.

Л.Г. Чайкина
(Санкт-Петербург, Россия)

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ ЦЕДМАР (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ УТИНОЕ БОЛОТО-I)

Стоянка Утиное Болото-I расположена в 50 км к северо-востоку от Цедмарского торфяника, близ поселения Добровольск Краснознаменного района Калининградской области. Раскопки ее проводились В.И. Тимофеевым в 1975 г. Материалы Утиногo Болото-I (начало развитого неолита, 4870 ± 230 тыс. лет назад) наиболее близки ранним керамическим комплексам Цедмара А.

На вскрытой части стоянки обнаружены остатки ям, насыщенных костями животных, фрагментами неолитических сосудов, изделий из кремня, кусками янтаря. Две ямы были связаны с мастерскими по изготовлению орудий. Среди многочисленного кремневого инвентаря — разнообразной формы нуклеусы, серия «ланцетовидных» острий, трапеции (мелкие, симметричные). Среди скребков преобладают боковые и концевые. Есть скребки случайной формы, с «носиком». Встречаются пластины с притупляющей ретушью. Имеются также наконечники «свидероидного» типа и наконечники подтреугольной формы с краевой ретушью и выпуклым основанием, проколки, сверла, долотовидные орудия, отщепы с ретушью. Среди немногочисленных костяных орудий отметим группу лошил, сделанных на кусках трубчатых костей (по определению А.К. Филиппова).

Типологическая характеристика орудий дана В.И. Тимофеевым. Однако вопрос о хозяйственно-производственной деятельности обитателей этой стоянки не рассматривался. Именно это обстоятельство заставило автора обратиться к исследованным материалам и изучить их с помощью трасологического анализа орудий труда, определить функции последних. На основе произведенного исследования выделены следующие груп-

пы орудий: скребки — 74, скобели — 38, резчики — 48, сверла — 16, долота — 19, строгальные ножи — 10, пилки — 2, ножи — 61, наконечники стрел — 30, отбойники — 2, развертки — 2, ретушеры — 7, проколки — 15, развертки — 2.

Как видно из этого перечня и особенно статистических показателей, наибольшую популярность имели скребковые инструменты, использовавшиеся для обработки шкур и выделки кож — 74. Среди типологических скребков обнаружены скобели для дерева, кости, рога, ретушер для камня, резчик для дерева, вкладыши ножей для разделки мяса, полифункциональные орудия.

Таким образом, в результате микроанализа был не только уточнен состав скребковых инструментов, но и выделены совершенно новые, не связанные с обработкой шкур изделия. Удалось конкретизировать само скорняжно-кожевенное производство.

Другая многочисленная группа орудий, играющих важную роль в домашних производствах, связана с обработкой дерева. Все орудия, занятые в этой группе, имеют четкие следы утилизации. В нее входят следующие орудия: резчики — 38, сверла — 4, развертка — 1, долота — 19, пила — 1, строгальные ножи — 10. Ассортимент выявленных орудий свидетельствует и о явной дифференциации деревообрабатывающей отрасли, нацеленной на изготовление разнообразных изделий, использовавшихся в быту и хозяйстве. Близкую роль в деятельности населения играла обработка кости—рога, включающая аналогичные операции. В этом производстве было занято 34 орудия: резчики — 10, сверла — 9, развертка — 1, скобели — 14.

В хозяйственной деятельности определяющую роль играл охотничий промысел. Выявлены серии ножей для мяса — 9, в том числе вкладышевых — 51, кожевенный нож — 1. Показательна серия наконечников стрел со следами использования — 28, сделанных на правильных и асимметричных трапециях. Без следов употребления только 2 экземпляра. Это наконечники подтреугольной формы с выделенным черешком и асимметричными плечиками, обработанные с двух сторон плоской ретушью.

В индустрии Утиног Болота-I представлены в большом количестве полифункциональные орудия с 2—3 последовательными функциями. В основном это орудия, связанные с деревообрабатывающим производством.

Таким образом, результаты трасологического анализа кремневого инвентаря поселения Утиног Болота-I позволяют говорить, во-первых, о том, что кожевенное дело на стоянке было высоко специализированным производством, достаточно хорошо оснащенным эффективными дифференцированными техническими средствами, и ориентированным на получение меховой и кожевенной продукции, широко применявшейся в хозяйственной и домашней жизни его обитателей; во-вторых, о зафиксированной нами заметной роли деревообрабатывающего производства, включающего разнообразные плотничьи работы. В-третьих, большое количество разделочных ножей и наконечников свидетельствует о том, что охота с использованием дальнобойного оружия играла основополагающую роль в хозяйстве, обеспечивая население жизненно необходимыми продуктами питания.

КАМНИ СО ЗНАКАМИ НА СТОЯНКАХ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Камни, на которых удается заметить процарапанные знаки, встречаются иногда на неолитических стоянках Волго-Окского междуречья. По аналогии с австралийскими орнаментированными гальками их принято называть «чурингами». находка большой серии «чуринг» (45 экз.) на многослойной стоянке Замостье-2 (Загорский район Московской области) позволяет подойти к распознаванию обрядов, в которых они использовались.

Все находки на стоянке Замостье-2 из стратифицированных участков были сделаны в слоях позднего мезолита (конец 6-го тысячелетия до н.э.)—раннего неолита (ранняя стадия верхневолжской культуры, начало 5-го тысячелетия до н.э.). Слои представляют собой водные отложения у берега, на котором и располагалась стоянка. Обнаруживается полная преемственность культуры комплексов этих слоев в каменной технике, типах костяных орудий. Некоторые камни найдены в русле р. Дубны, прорытом через стоянку, и не имеют культурного контекста.

Камни свободно укладываются на ладони, средние диаметры большинства из них около 4 см, у крупных — около 6 см, толщина от 60 до 28 мм. Использовались гальки мергеля (8), известняка (16), песчаника (5), сланца (16), среди которых три были шлифованными теслами, и окременелого известняка (1). Выбирались достаточно мягкие породы, легко поддающиеся обработке.

Тип рисунка не связан с характером сырья. Шлифовка контуров, придающая изделиям прямоугольное сечение, заполированность поверхностей достаточно часты (22). Почти все камни несут следы действия огня (37). На 17 из них темные пятна. Знаки наносились как на одной, так и на двух сторонах (достоверно 8 случаев), рисунки с разных сторон всегда разные.

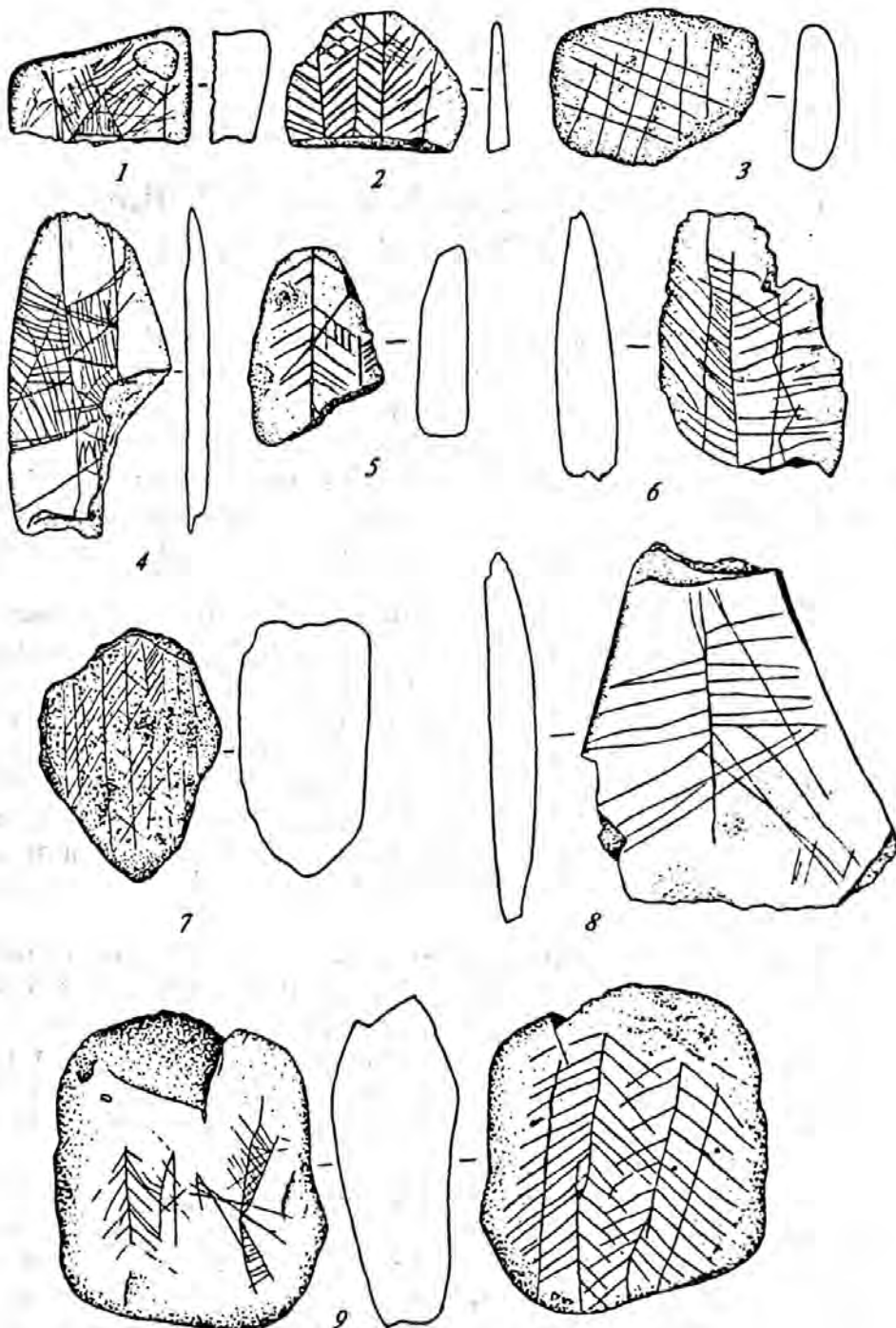

Рис.1.

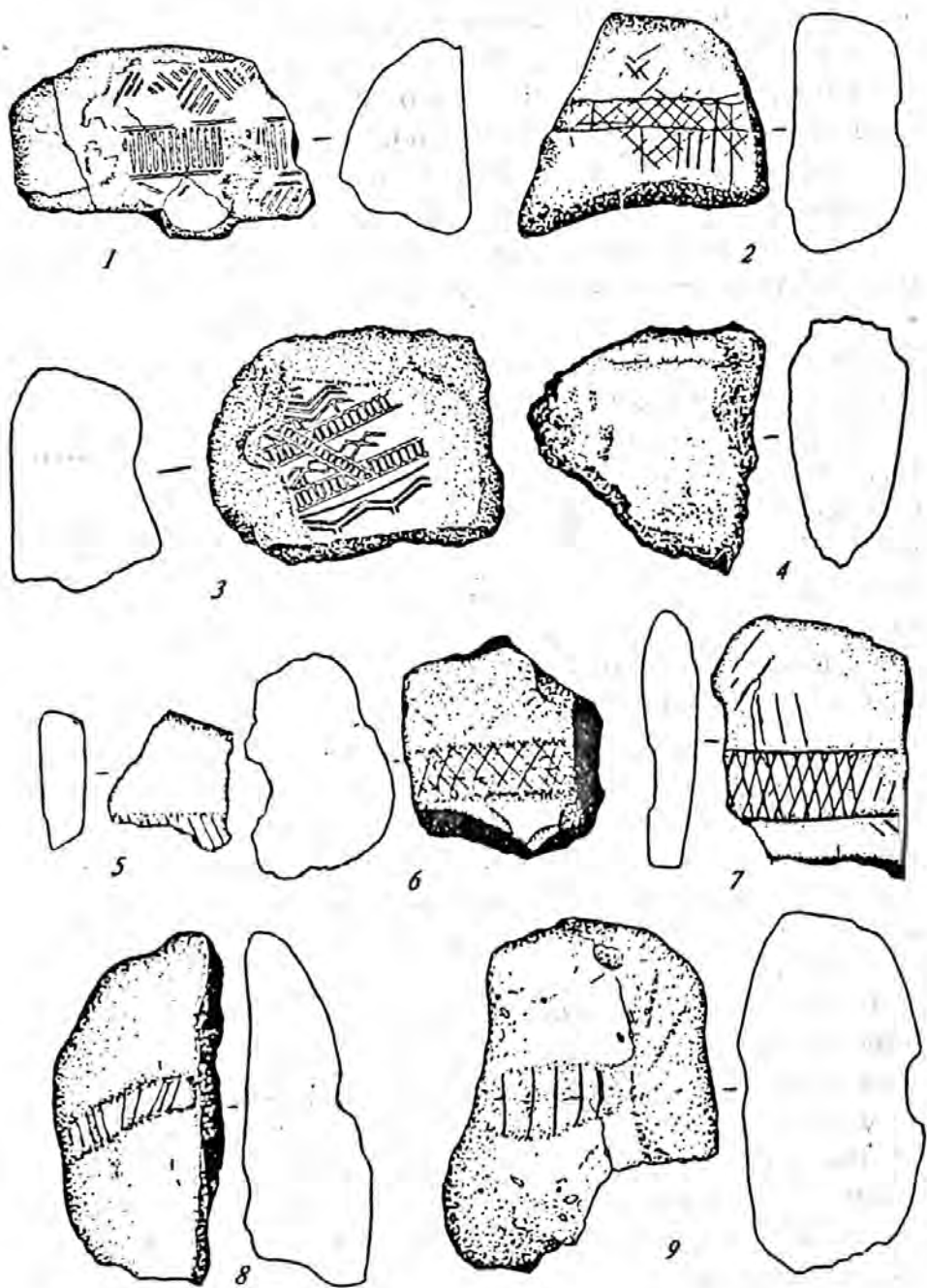

Рис.2.

Орнаментированы камни Замостья двумя основными мотивами (см. рис. 1 и 2). Наиболее распространен мотив параллельных линий, пространство между которыми заполнено разными орнаментами — это может быть «лесенка», «елочка со стеблем», решетчатая или косая штриховка, заштрихованный зигзаг, превращающийся в ряды заполненных треугольников. Заполнение между продольными линиями всегда выполнено более легким штрихом. Более примитивный рисунок — косая или прямая решетка, единичные «елочки со стеблем», наложение штриховок. Некоторые обломки позволяют предполагать какие-то иные рисунки с использованием прямых штрихов.

Второй по количеству тип «чуринг» Замостья — шлифованные желобки, в которых помещен орнамент — полоса решетки или поперечная штриховка. Поперечный проточенный желобок — характерная деталь «утожков», известных в днепро-донецкой культуре, памятниках типа Орловки на Нижней Волге. Единична «чуринга» со спиральным орнаментом, заполненным короткими штрихами.

Следы на камнях позволяют реконструировать действия, производимые с ними древними людьми. Выбирается мягкий камень, чаще галька, иногда отработанное сланцевое тесло, им трут по относительно мягкому материалу (дерево, кора, натянутая кожа), наносят знаки, кладут в огонь целиком или нагревают частично, капают на него жир, смолу или другим образом «коптят», после чего камень кидают в воду (омут) рядом со стоянкой.

Орнаментация костяных орудий и керамики со стоянки Замостье-2 отличается от орнаментации «чуринг» — совпадают лишь отдельные элементы, например одиночный и парный зигзаг. Аналогичные по орнаментации «чуринги» найдены на позднемезолитических и ранненеолитических стоянках Волго-Окского междуречья: по 1—2 «чуринги» встречено на стоянках Давыдково, Торговище, Ивановской-7, Сахтыш-8, Маслово болото-7, Окоемово.

Вероятно, камни со знаками в мезолите и неолите лесной зоны использовались в обрядовых действиях, один из

таких циклов прослеживается в Замостье. Состав знаков, используемых для этих целей, специфичен именно для данного обряда и практически не встречается в других сферах.

Г.Ф. Коробкова, Т.А. Шаровская
(Санкт-Петербург, Россия)

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ ТРУДА ИЛГЫНЛЫ-ДЕПЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МИКРОАНАЛИЗА)

Комплексные работы на Илгынлы-депе в Южном Туркменистане предусматривали функциональный анализ всех неметаллических изделий, найденных в ходе многолетних раскопок. В основу изучения положен экспериментально-трасологический метод С.А. Семенова (1964) и свои методические разработки, поскольку каменные орудия эпохи палеометалла обладают определенной спецификой, отличной от специфики пластичных индустрий, и характерным является то, что подготовленных к использованию была минимальной или отсутствовала вообще. В этих целях были изготовлены экспериментальные галоны, выполненные по образцу инструментария Илгынлы-депе и из аналогичного сырья, и разработана типология следов износа, характерных для каменных орудий. Исследования проводились в полевых условиях вблизи самого памятника. При определении функций учитывался комплекс микро- и макропризнаков износа, планиграфическое залегание находок в пределах строительных горизонтов и хозяйственно-жилых комплексов. Последнее обстоятельство особенно важно для восстановления внутренней структуры поселения Илгынлы-депе.

Наиболее представительными оказались материалы раскопов 3, 4 и 5, характеризующие два культурно-хронологических комплекса — Геоксюр (I—II строительные горизонты) и Ялангач (III—V горизонты). Исследуемые изделия были выполнены из разных пород камня: песчаника, известняка, кремнистого сланца, реже — мраморовидного известняка, гранита, кремня, кварца, кварцита, мягкой породы типа стеатита и др. Они представлены в виде галек, плит и крупных кусков. Из песчаниковых пород изготавливали абразивы, зернотерки, наковальни, куранты, песты, краскотерки, отбойники, матрицы, молоты, ступки, подпятники и другие орудия. Известняк шел в

основном на изготовление ступок, скульптуры, утяжелителей, грузиков, подшипников, маховиков и противовесов. Из кремнистого сланца выполнялись более мелкие инструменты — сверла, скребки и скребла, ретушеры, развертки, молоточки легкого действия, долота, строгальные ножи, тесла, стамески, скобели, ложила, гладилки-выпрямители для раскатки листового металла и прочие изделия. Из мраморовидного известняка делали только сосуды. Массовые находки выполнены из галечника, в том числе молоты, молотки и молоточки для обработки металла, гладилки-выпрямители, отбойники, ретушеры, ложила для кожи и керамики, орудия для выравнивания штукатурки и другие.

Из 6156 изученных предметов из камня со следами износа оказались 2477, не считая разнообразных поделок из камня, керамики, глины, кости. Доминирующее значение на поселении имела обработка камня, из которого делали орудия, детали примитивных станков, скульптуру, сосуды, предметы строительных конструкций и внутреннего оформления. Обращает на себя внимание концентрация камнеобрабатывающих орудий (отбойники разных форм, размеров и веса, активные и пассивные абразивы, крупные массивные наковальни) во дворе 7 раскопа 4, рядом с которыми была обнаружена заготовка каменной стилизованной скульптуры женщины. 13 аналогичных женских фигур были найдены в помещениях и 6 среди подъемного материала. Анализ следов износа на орудиях труда и следов обработки на каменных статуях свидетельствует о наличии на поселении местного специализированного производства по изготовлению каменной скульптуры. Удалось проследить технологию их изготовления, предусматривающего использование целого цикла последовательных операций: оббивки, пикетажной и абразивных техник.

Результаты трасологического анализа материалов из геоксюрских и ялангачских слоев Илгынылы-депе указывают на определяющее значение камнеобрабатывающего производства, ориентированного на изготовление инструментария, бытовых предметов и изделий специализированного художественного промысла. Оно обеспечивало орудиями труда традиционно сохраняющиеся производства — кожевенное, деревообрабатывающее, костерезное дело, краскообрабатывающее, ткачество, прядильное, керамическое и многие другие.

Таким образом, несмотря на наступление века металла — а на Илгыны-депе найдено значительное число разнообразных медных изделий — орудия из камня продолжали играть важную роль и в специальных процессах и в отдельных производствах. Кроме того изучение такого массового материала, как каменные орудия труда позволяет достаточно полно представить хозяйственную деятельность жителей этого крупного центра раннеземледельческой эпохи. Как развитые производства, оснащенные разнообразным набором инструментов, выступают земледелие, обработка кожи и шкур, металлообработка (но не сама металлургия), изготовление самих каменных орудий. Специфическими производствами Илгыны-депе было изготовление каменной скульптуры и приготовление краски, шедшей на покраску полов и стен многочисленных святилищ. Высокий профессионализм характеризует все эти виды специализированной деятельности.

О ВЫДЕЛЕНИИ ЛОКАЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП ПАМЯТНИКОВ ТРИПОЛЬЯ В-1 НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВЫ (по керамическим материалам)

При решении проблем периодизации и хронологии триполья наиболее продуктивным является методический подход, основанный на выявлении различий памятников, выделении локально-хронологических групп и выяснении связей между ними [Дергачев, 1980]. Предпочтительный метод обработки керамики при таком подходе — определение «ядра» керамического комплекса (набора наиболее характерных типов сосудов), а также импортов и подражаний, отражающих связи данного комплекса с синхронными памятниками. При этом классификация материала включает не только распределение керамики по разновидностям форм и декора, но и выделение *типов* сосудов (серий стандартных изделий) на основе корреляции форм и орнаментов. О локальном своеобразии памятника, таким образом, можно судить по стандартному набору изделий, а в пределах локально-хронологической группы — генетически связанных памятников — можно проследить их типологическое развитие.

В конце триполья В-1—Кукутень А-4 (по В. Думитреску, 1974, или А-3 по А. Ницу, 1980) на территории Молдовы по керамическим материалам можно выделить две группы памятников (или два локальных варианта). Одна из них, *северомолдавская*, включает такие поселения, как Друцы-1, Новые Дуруиторы, Старые Дуруиторы, Путинешты в Северной Молдове, а также Дрэгушень-Остров и Дрэгушень Дял ла Лутэрие на северо-востоке Румынии. Другая — *памятники типа Жур*, или *южная* — представлена на территории Молдовы пока только одним раскопанным памятником — Журы — и поселениями типа Берешт в Румынии.;

В качестве «эталонных» памятников северомолдавского варианта выступают поселения Друцы-1 в Молдове и Дрэгушень в Румынии [Спіштагу, 1977]. «Ядро» этих комплексов составляет набор каннелированной керамики (более 40% от общего числа сосудов). Среди форм: грушевидные сосуды, крышки, кувшины, горшки-«кратеры», «бинокли» и «монокли», антропоморфные сосуды, кубки. Типологически более ранняя разновидность рельефного декора — углубленный орнамент — сохраняется на мисках (в Друцах их до 25%), а в Друцах и на единичных грушевидных сосудах. Все изделия с рельефным орнаментом отличает единство приемов лепки — плоскодонная традиция: формовка донной части на основе лепешки-заготовки дна. На памятниках севера Молдовы прослеживается эволюция рельефного декора от углубленного с покраской красной краской к каннелированному в сочетании с бихромной красно-белой росписью и, далее, к бихромной росписи. В Друцах «бихромия позднего типа» (по В. Думитреску) представлена на единичных изделиях, но количество ее возрастает на более поздних памятниках: Новые Дуруиторы-1, Брынзе-ры-IV.

Расписная посуда представлена кубками, двухъярусными сосудами, со сферическим туловом, последние в ряде случаев имеют поддон. Своеобразие ее проявляется и в отмечаемой на ряде изделий круглодонной традиции лепки дна на основе заготовки в виде небольшой мисочки. Сосуды со сферическим туловом отличаются от близких им по форме грушевидных, также сделанных «под крышку», не только круглодонной традицией изготовления, но и меньшими размерами — это, возможно, указывает на их функциональные различия. Характерной чертой трихромной росписи является и наличие в большинстве случаев тонкой красной продольной линии — «нервюры» вдоль белых лент орнамента.

Сложение выделяемого северомолдавского варианта происходило на основе местных памятников типа Трушешть и Старых Куконешт-1 времени Кукутень А-3 (по В. Думитреску). В Старых Куконештах, например, появляются уже отдельные изделия с каннелюрами в сочетании с «бихромией», хотя большинство сосудов с рельефными орнаментами украшены углубленными линиями.

Комплекс Жур отличается от северомолдавских, прежде всего, тем, что основная масса керамики украшена росписью.

Роспись выполнена преимущественно в стиле АВ α [Dumitrescu, 1945], причем продольная красная полоса — «нервюра», обычная для трихромной росписи северомолдавской керамики, встречена в единичных случаях. Иные и композиции орнаментов. Заметные различия наблюдаются в формах сосудов.

На хронологическую близость этого поселения памятникам типа Друц и Дрэгушень указывают три изделия, орнаментированные каннелюрами в сочетании с «бихромией» (два грушевидных сосуда и «бинокль»). Возможно, это импорты или местные подражания северомолдавским аналогам. Еще одним доказательством хронологической близости поселений двух вариантов является отсутствие росписи в стилях группы α , характерных уже для времени Кукутень А-В. По происхождению комплекс Жур связан, по-видимому, с памятниками юго-востока Румынской Молдовы типа Берешт [Dragomir, 1967; 1982], где выявлены наиболее близкие аналоги жуrowsкой расписной посуде. При явных различиях выделяемых групп памятников сходство наблюдается в присутствии в обоих вариантах немногочисленных серий изделий, орнаментированных штриховой черной или темно-коричневой росписью по естественному фону или светлому ангобу (Трушешть, Друцы, Дрэгушень, Журы и др.), а также наиболее ранних образцов стилей группы β (Журы, Брынзены-IV), происхождение которых не совсем ясно.

Оба выделенных варианта хронологически соотносятся с памятниками типа Красноставки в Буго-Днепровском междуречье. На Верхнем Днестре происходит формирование памятников типа Незвиско, дающих впоследствии залещицкий локальный вариант времени Кукутень А-В (по Н.М. Виноградовой). Впоследствии памятники северомолдавского и южного вариантов участвуют в сложении солонченского локального варианта, выделяемого на территории Молдовы Н.М. Виноградовой для времени Кукутень А-В [1983].

*Н.Н. Скакун
(Санкт-Петербург, Россия)*

НОВЫЕ РАСКОПКИ НА ТРИПОЛЬСКОМ ПОСЕЛЕНИИ БОДАКИ

После длительного перерыва в 1986 г. были возобновлены стационарные раскопки у с. Бодаки Тернопольской области Украины, начатые перед войной А. Цинкаловским. Публикации этого исследователя, а также итоги небольших работ, проводившихся в 1967 г. Трипольской экспедицией под руководством Е.К. Черныш, характеризовали поселение как интересный объект трипольской культуры времени Триполья ВІІ, принадлежащий к малоизученному локальному варианту на Западе Украины. Одной из отличительных особенностей этого памятника является изобилие кремневых находок из высококачественного волынського кремня, месторождения которого расположены в непосредственной близости от поселка. Эти факты позволяли предполагать наличие в Бодаках кремнеобрабатывающих мастерских, поиски которых в какой-то степени предопределили цели и задачи наших раскопок.

Планиграфия подъемного материала зафиксировала наиболее крупные скопления кремневых изделий (200—250 экз.) в западной части поселения, непосредственно примыкающей к оврагу с выходами мелового кремня. Шесть таких скоплений тянутся цепочкой с севера на юг по краю поселка. В их составе: пренуклеусы, нуклеусы, отбойники, многочисленные отходы производства, единичные заготовки и очень редко готовые к использованию орудия труда, имеющие законченную форму.

К настоящему времени в этой части поселения раскопан комплекс сооружений, состоящий из четырех ям и восьмеркообразной в плане землянки. В средней ее части в одной из ям под прокаленной прослойкой компактно залежали 22 нуклеуса в начальной стадии использования, и несколько крупных желваков кремня, с поверхности которых были сняты только шишкообразные выступы. На дне ямы расчищено многослойное скопление первичных отщепов. В землянке вблизи очага обнаружено 18 массивных нуклеусов, 2 роговых отжимника-

ретушера, несколько крупных правильных пластин (длиной больше 15 см) и множество отходов кремнеобрабатывающего производства. Найденная керамика включает в себя как типичные для этого региона материалы, так и формы, имеющие аналогии в соседних, западнее расположенных культурах. Состав находок, их многочисленность и топография позволяют интерпретировать раскопанные сооружения как комплекс мастерской по расщеплению кремня и изготовлению заготовок.

Дальнейшие исследования этого уникального, с точки зрения изучения техники обработки кремня, энеолитического памятника позволят не только уточнить структуру и организацию кремнеобрабатывающего производства этого времени, но и выявить связи и контакты между одновременными культурами этого региона.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Систематизация материалов восточнотрипольской культуры позволила выделить несколько типов жилых зданий. Особый интерес вызывает ранее неизвестный тип наземного глинобитного дома с подвальными помещениями. Впервые постройка с подвальными помещениями зафиксирована нами на поселении Веселый Кут времени триполья В-II (Кукутень А-В₂). Это двухъярусное сооружение предназначалось для хранения продуктов. Подвальное помещение (глубина 1.2 м) в древности было перекрыто наземной постройкой, несколько превышающей его по площади.

Дальнейшее распространение этот тип здания получил на памятниках Буго-Днепровского междуречья типа Гарбузина. Постройка № 4 Гарбузинского поселения — двухъярусное здание удлиненно-прямоугольной формы (площадь 126 кв.м) — имела два помещения. В интерьере камер верхнего яруса зафиксированы купольные печи с примыкавшими к ним глинобитными возвышениями. Здание № 4 имело два подвальных помещения. Под камерой № 1 выявлен подвал (площадь 8.7 кв. м, глубина 1.9 кв. м.), стенки которого круто поднимались кверху. На его дне находился очаг и большое количество керамики. Под камерой № 2 выявлено несколько меньшее по размерам (площадь 2.6 кв. м, глубина 1.6 м) подвальное помещение. Исследование постройки позволяет отнести ее к разряду жилых зданий. Постройка № 3 этого же поселения представлена другой разновидностью зданий. Подвал находился лишь под одной из камер двухкамерного строения. Общая площадь наземной части 31.5 кв. м. В центре южной камеры располагался квадратный алтарь. Северная камера более сложна по конструкции. В верхнем помещении выявлено глинобитное возвышение, на котором стояли сосуды тарного типа. Возвышение непосредственно переходило в обмазанную слои

обожженной глины яму, которую можно трактовать как зерновую. Севернее ямы около стены найдено три зернотерки, одна из которых вмонтирована в пол, а также два растиральника. Под северной камерой находился подвал площадью 7.5 кв. м и глубиной 1.6 м. Конструктивные детали и инвентарь северной камеры позволяют предполагать, что здесь сохранялось и перерабатывалось зерно.

Близкие по архитектуре постройки выявлены на поселении у с. Христиновка (синхронного Гарбузину) и на памятниках позднего триполья этого же региона (Россоховатка). На последнем в подвальном помещении была найдена модель жилища, которая, по нашему мнению, отражает конструктивные особенности здания с подвалом. Верхняя часть модели передает наземную прямоугольную постройку, нижняя — подвал. Ножки модели, как и оформление фронтона, придают ей зооморфные черты. Зооморфные детали характерны для многих культовых сооружений эпохи неолита—энсолита (Чатал Гуюк, Каши-орели), в том числе и для предметов трипольской культуры (модель из Ворошиловки). Зооморфизм в оформлении жилищ был, вероятно, отражением сложных обрядов, связанных со строительством и освящением дома.

Е.В. Цвек, И.И. Мовчан
(Киев, Украина)

НОВЫЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО ДОБЫЧЕ И ОБРАБОТКЕ КРЕМНЯ

Кремнеобрабатывающие центры трипольской культуры были связаны с бассейном Днестра [Бибиков]. Добытое в штольнях сырье обрабатывалось в мастерских (Незвиско, Бодаки, Поливанов Яр), а затем кремневые заготовки, обладая определенной ценностью (о чем свидетельствуют клады в Сандраках и Студенице), транспортировались на другие территории.

В недавнее время нами был выявлен кремнеобрабатывающий центр в другом регионе — в центре Украины, на Кировоградщине (бассейн Южного Буга). В Новомиргородском районе Кировоградской области у с. Рубаный мост на излучине берега р. Большая Высь открыто несколько необычное поселение трипольской культуры. На площади в 50 га было обнаружено 5 мастерских по обработке кремня. Здесь исследован один производственный комплекс, состоящий из жилища (землянка) и мастерской. Трасологический анализ показал, что кремневый инвентарь мастерской типичен для производственных площадок и мастерских [Скакун]. Данный археологический комплекс позволяет отнести поселение к небелевской группе памятников триполья этого региона, датируемых первой половиной этапа С I, т.е. XXX—XXIX вв. до н.э.

Общепоселенческие мастерские известны и в других регионах. В Дубенском районе на Ровенщине обнаружены 22 мастерские (Конопля). Рубаный мост можно считать специализированным поселком, основным занятием населения которого была добыча кремня и изготовление из него заготовок орудий. В 1 км от Рубаного моста на противоположном берегу р. Большая Высь, на западной окраине с. Коробчино, напротив поселения в стенке карьера открыты штольни (глубиной до 6 м), опускающиеся к жиле кремневых желваков. Заполнены штольни гумуссированным суглинком с вкраплениями глины. По мнению Н.Н. Скакуна, выявленные в штольнях отщепы и плас-

тины — остатки первичной обработки кремня. Найденные здесь же орудия связаны со строительством штолен по добыче кремня. Рядом с входом в шахты выявлена наземная мастерская по первичной обработке кремня, функционировавшая одновременно с шахтами.

Шахтовый способ добычи кремня на Украине исследован еще недостаточно. Впервые кремневые выработки эпохи энеолита открыты в Среднем Поднестровье [Бибиков]. В Ивано-Франковской области выявлен производственный комплекс из 6 поселений и 277 штолен [Конопля, Василенко]. Разработки такого типа известны на склоне горы Вишневой [Свешников], на Харьковщине [Буйнов] и в Донбасе [Цвейбель], но все они имели незначительную глубину.

По своему устройству Коробчанским разработкам ближе всего шахты в Белоруссии и Польше, где штольни достигают глубины 10—13 м. Они иногда, как и Коробчанские, имеют подбой. Горные разработки Польши [Кшеменки] датируются 2725 ± 110 г. до н.э. К 3-му тысячелетию до н.э. относятся производственные комплексы Венгрии, Чехии, Словакии и Дании. Вышесказанное позволяет нам предварительно отнести Коробчанский комплекс к эпохе энеолита.

До полного исследования памятника трудно судить, добывался ли кремль для нужд одного поселка или определенного региона. Исследователи считают, что в конце энеолита существовали специализированные поселения, основным занятием населения которых были добыча кремня, изготовление и, очевидно, обмен кремневых орудий [Березанская]. Кремневые разработки у с. Коробчино, вероятно, были сырьевой базой для населения поселка у Рубаного моста, являвшегося центром, специализировавшимся в рамках племени или его части.

Наличие или отсутствие сырьевых баз нередко предопределяло заселение той или иной территории. Возможно, запасы кремня в этом регионе содействовали плотному заселению и возникновению на этой территории крупных поселений томашевской группы.

Р.С. Минасян
(Санкт-Петербург, Россия)

ЛИТЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА

Балкано-Карпатский регион в эпоху энеолита являлся одним из древнейших в Евразии центров металлообработки, где закладывались ее основы, откуда генерировались технические идеи на большие территории, туда, где металлообработка развивалась не так активно и находилась под влиянием более совершенной продукции.

По мнению Н.В. Рындиной, металлообработка в Юго-Восточной Европе характеризуется литьем в открытые формы с последующей кузнечной обработкой в предплавильных режимах (первая половина 4-го тысячелетия до н.э.). В середине—второй половине 4-го тысячелетия впервые в большом количестве появляются тяжелые орудия ударного действия, отлитые и кузнечно обработанные. В литейном производстве используются несколько разновидностей литейных форм: односторонние открытые; двусторонние открытые со вставным стержнем; двусторонние, частично открытые со стороны брюшка со вставным стержнем; двусторонние закрытые вертикальные формы со вставным стержнем; трехсторонние открытые и закрытые со вставным стержнем. Помимо глиняных форм использовались графитовые формы. Конструкция некоторых из них намного превосходила конструкцию литейных форм, применявшихся в эпоху ранней и средней бронзы.

Однако данные трасологического обследования многих медных орудий и золотых вещей из Варнинского некрополя раскрывают иную схему литейного производства. На некоторых крупных медных проушных орудиях, имеющих превосходно сохранившуюся литейную поверхность, литейные швы прослеживаются только по краям отверстий. Это свидетельствует о том, что они были отлиты в закрытых глиняных формах со вставным стержнем по индивидуально изготовленным утрачиваемым восковым моделям.

Многие золотые предметы сложной формы (астрагал, гвозди с полусферическими шляпками из погребений 1, 3, 15, крупная шарообразная полая буса, два массивных выпукло-вогнутых браслета из погребения 1) имеют частично сохранившуюся литейную поверхность, на которой отсутствуют литейные швы. Эти вещи были также отлиты по оригинальным утрачиваемым моделям. Даже такие плоские предметы, как квадратные пластины, крючкообразные изделия, фигурки бычков имеют следы механической обработки только на лицевой стороне, но на оборотной стороне у них прослеживается литейная поверхность. Они также являются отливками.

Предметы сложной формы (выпукло-вогнутые браслеты, втулки с донышком — наконечники жезлов, фаллические наконечники) раскованы до степени толстой фольги. В данном случае возможны два способа изготовления подобных изделий. Полосу металла можно свернуть в кольцо, запаять стыки и придать заготовке необходимую форму. Однако паяные вещи неизвестны ни для эпохи энсолита, ни для начального периода эпохи ранней бронзы. Либо же эти вещи можно выковать из литых заготовок. Исходя из трасологического анализа (например, наличие литейных раковин на внутренней стороне массивного колечка, оформляющего тыльный конец рукояти жезла-молоточка из погребения 36), имеются все основания утверждать, что предметы сложной формы из Варнинского некрополя были изготовлены именно таким, вторым способом.

В 4-м тысячелетии до н.э. в Юго-Восточной Европе, так же как и в Месопотамии, широко применялось литье по утрачиваемым моделям в закрытых формах. Кажущийся сложным, в действительности этот прием являлся одним из наиболее простых, так как не требует изготовления сложных форм, предназначенных для тиражирования отливок. Вопрос же об использовании в эпоху энеолита двух- и трехсоставных литейных форм может быть положительно разрешен только при наличии находок таких форм, либо же вещей, имеющих литейные швы, соответствующие конструкции этих форм.

ГЛИНЯНЫЕ «РОМБОВИДНЫЕ АМУЛЕТЫ» В ТРИПОЛЬЕ И ГУМЕЛЬНИЦЕ

Среди разнообразных подвесок трипольской культуры выделяется небольшая группа глиняных четырехугольных (ромбовидных) изделий (Берново-Малинки, Флорешты, Поливанов Яр-III и др.). Они уплощены, неорнаментированы, имеют небольшие размеры (в среднем 3×6 см) и сквозные отверстия в углах. Принято считать, что ближайшей аналогией им являются глиняные «ромбовидные амулеты» из Подунавья и балканских памятников.

«Амулеты» гумельницкого круга культур представляют собой, в отличие от трипольских, крупные (в среднем 8×10 см) плитки с 1—7 сквозными отверстиями (последние могут располагаться как в углах, так и по центру), поверхность их заглажена, часто ангобирована и покрыта углубленным орнаментом (параллельные линии, круги, «елочка» и др.). По-видимому, сквозные отверстия, тесно связанные с углубленными линиями, также можно рассматривать как элемент орнамента (Нагорное-II, Лишкотьянка-III, Драма и др.), что однако, не противоречит и утилитарному назначению отверстий. Известны и «амулеты», окрашенные красной и черной краской, а также с инкрустацией углубленных линий белой пастой. Хотя эти изделия объединяются формой, размерами и принципами оформления, очевидно, не существует двух абсолютно идентичных «амулетов». «Ромбовидные амулеты» — характерная черта памятников Стойкань-Алдень, Болград-Алдень-II, реже они встречаются на поселениях времени Караново-VI (Драма). Функция же этих изделий обычно определяется как подвески-обереги, что, как будто, подтверждается подобными изображениями на шеях антропоморфных статуэток (Сучевень, Игешть, Стойкань). В то же время на «амулетах» отсутствуют следы длительного ношения. Кроме того, практически все «ромбовидные амулеты» фрагментированы. Все это, а также крупные размеры данных изделий позволяет предположить, что они ис-

пользовались во время каких-то ритуалов, после чего разбивались.

Ромбические подвески из трипольских памятников существенно отличаются (меньшими размерами, небрежностью исполнения, самым характером сквозных отверстий, отсутствием орнаментации) от гумельницких «ромбовидных амулетов», что не дает возможности рассматривать их в качестве ближайших аналогий. Необходимо также отметить, что само употребление термина «ромбовидные амулеты» как традиционно используемого для обозначения определенной группы глиняных изделий гумельницкого круга культур (хотя, возможно, и не отражающего их действительного назначения) неприемлемо по отношению к трипольским подвескам, так как при этом различные изделия уравниваются между собой. Ромбические подвески отличаются и от других глиняных подвесок Триполья. Однако обращают на себя внимание близкие по форме поделки из других материалов (меди, камня, кости, раковин). По-видимому, ромбические подвески следует соотносить именно с данными изделиями. Хотя для Триполья хорошо известны костяные и глиняные имитации медных и золотых вещей других групп (антропоморфные статуэтки, бляхи и др.), пока нет достаточных оснований рассматривать глиняные ромбические подвески как имитации подобных изделий из меди и морских раковин. Но, учитывая малочисленность в трипольских памятниках подвесок из глины и, напротив, значительное число из других материалов, такое предположение представляется вполне допустимым.

Э.В. Овчинников
(Киев, Украина)

МОДЕЛИ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПОПЫТКА СИСТЕМАТИЗАЦИИ

К наиболее редким находкам богатой материальной культуры триполья относятся модели. Каждая новая такая находка является важным источником различных сторон жизни носителей трипольской культуры. Пока еще не разработана систематизация всех видов моделей.

Идея моделирования и первые образцы попали, вероятно, на территорию Украины из стран Древнего Востока через неолитические культуры Балканского полуострова [Dumitrescu, Бибииков]. Наиболее ранние модели открыты в Фессалии, Северо-Западной Болгарии (Перничева, Николов). Они встречаются в памятниках Чехии, Словакии, Польши, Молдовы. Самыми интересными остаются все же украинские модели, в частности модели жилищ, передающие архитектурные и бытовые детали, способствующие реконструкции домостроительства, интерьера жилищ и даже некоторых производственных моментов.

Первые модели жилищ появляются уже на раннем этапе триполья (Тимково, Лука-Врублевская, Солончены-1). Отсутствие устоявшейся формы, орнамента, малое количество находок говорят о том, что идея моделирования еще не получила своего развития и распространения.

Своеобразный всплеск в появлении моделей относится к переходу от развитого к позднему этапу триполья. Район распространения моделей жилищ достаточно обширен, но наибольшее количество находок сделано на поселении томашевско-сушковской группы. А.Г. Колесниковым была предложена классификация моделей жилищ. Он выделил два основных типа: открытый — без крыши, и закрытый — с крышей. Открытый тип подразделяется на модели с интерьером (Попудня, Сушковка, Чичиркозовка, Доброводы и др.) и без интерьера (Владимировка). Продолжая эту классификацию, можно выделить несколько групп по форме: округлые (Попудня, Чичирко-

зовка), прямоугольные (Сушковка, Доброводы), полусферические чашевидные (Черкасов Сад-II, Сушковка).

Трактовка моделей жилищ без интерьера как домов общественного назначения [Пассек] сейчас вызывает сомнение, поскольку раскопки подобных построек в Сабатиновке-II [Макаревич], Шкаровке [Цвек], Коновке [Шмаглий] свидетельствуют о наличии в них деталей интерьера и традиционной планировки. Более вероятно объяснять отсутствие внутреннего устройства особым обрядовым предназначением.

Модели с крышей встречаются реже (Ворошиловка, Росоховатка, Сушковка, Коломийщина-II, Гребени и др.). От моделей открытого типа их отличают отсутствие деталей интерьера, ярко выраженные имитации деревянного каркаса и зооморфизм. Форма крыши различна: двускатная (Ворошиловка), четырехскатная (Коломийщина-II, Гребени), сводчатая (Росоховатка) и др.

Округлая форма модели из Попудни с изображением плетневого каркаса [Гимнер], овально-прямоугольная форма модели с апсидообразными закруглениями крыши из Коломийщины-II [Пассек] и модели четырехугольной формы с изображением опорных столбов, стропил, продольных балок (Ворошиловка, Росоховатка и др.), возможно, отражают переход от округлой формы жилища к прямоугольной. Остатки округлых и овальных глинобитных построек открыты в неолитических поселениях Фессалии [Кларк], Крита [Evans], Египта [Baumgartel].

Модели жилищ украшены орнаментом, характерным для керамики поселения или группы поселений, где была сделана находка, что еще раз говорит о возможных этнических различиях у носителей трипольской культуры. Повторяющиеся элементы декора — покраска охрой и символы женского начала (Владимировка, Попудня, Сушковка и др.).

Зооморфные черты присущи большинству моделей жилищ. Это ножки, иногда с характерным утолщением (Ворошиловка), выпуклость стен отдельных моделей (Коломийщина-II Гребени), роговидные выступы (Росоховатка, Ворошиловка), стилизованные головки быков (Тимково, Гребени).

Печь моделируется в триполье в основном как деталь интерьера модели жилища (Чичиркозовка, Попудня, Сушковка, Доброводы и др.). Форма в плане различна: округлая, подковообразная, четырехугольная, с лежанкой сбоку и без таковой.

Характерные признаки: имитация дымохода с сакральным углублением, окраска охрой, роговидные выступы над устьем. Найдена отдельная модель печи подковообразной формы (Березовка).

Как деталь интерьера модели жилища моделируются алтари крестовидной формы (Попудня, Сушковка, Черкасов Сад-II). Алтарик на ножках округлой формы (Березовка), возможно, является моделью реального алтаря, открытого на поселении.

К моделям можно отнести креслица, появляющиеся уже в раннем триполье. Это — слабо углубленные лепешки со спинкой в виде рожек либо длинной уплощенной шейки, завершающейся рожками или головкой быка. Остатки подобного реального «трона» были найдены в Сабатиновке-II. В дальнейшем появляются креслица на четырех ножках.

Зооморфные сосуды с головками быков и полозьями, на концах которых проделаны отверстия, трактуются как модели саночек [Круц, Рыжов].

Модели трипольской культуры являются предметами культового значения, игравшими значительную роль в магических обрядах, направленных на повышение плодородия земли, плодovitость скота, и, возможно, в культе предков.

О.С. Калошина
(Санкт-Петербург, Россия)

ФИГУРКИ ЛОШАДЕЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА КОКЭЛЬ (ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Могильник Кокэль расположен на левом берегу р. Хемчик в Туве и является самым крупным памятником гунно-сарматского времени в Центральной Азии. Могильник содержит как одиночные захоронения, так и курганы-кладбища, всего 322 погребения. Преобладают индивидуальные захоронения (вытянуто на спине в деревянном гробу, но встречаются и деревянные рамы, колоды и др.). Глубина могильных ям от 30 см до 3 м, преобладающая ориентировка — северо-западная. Сопроводительный инвентарь представлен всеми категориями вещей: керамикой, оружием (модели луков, кинжалов, наконечники стрел и дротиков), бытовой утварью. В числе прочих вещей в 7 погребениях могильника (КЭ-26 м. 38-А; м.39; КЭ-11 м.3; 9; 27; 40-2; КЭ-37 м.29) были найдены деревянные фигурки лошадок.

Фигурки лошадок изготовлены из дерева и коры, некоторые расписаны красной краской и украшены накладками из листового золота. Размеры невелики — приблизительно от 6 до 7 см. Местоположение в погребениях разнообразно: в головах, у локтя, на крестце; в м.29 КЭ-37 фигурка была поставлена в специальное отверстие в донной доске гроба. Почти все могилы с лошадами (кроме м.39 КЭ-26) имеют значительную глубину (от 1.86 до 3 м), выделяются большим количеством оружия и наличием изделий из золота, в этих захоронениях преобладают глиняные котловидные сосуды (в 6 из 7 погребений). Археологический материал не дает возможности для интерпретации фигурок лошадей, поэтому представляется целесообразным обратиться к данным этнографии.

Принимая во внимание несомненное участие хунну в формировании якутского этноса (хуннский компонент проявляется в сходстве орнаментики, погребальных сооружений, некоторых

элементов погребального обряда и др.), наиболее ценны в данном случае материалы по этнографии якутов.

Кульٹ коня играл важную роль в мировоззрении якутов. Конь — существо небесно-солнечного происхождения, спущенное на землю Юрюнг-тойоном. Связь коня с культом солнечного божества подтверждает обряд ытык-дабатыы — обычай жертвовать лошадей в честь этого бога по принципу «быстрейшему богу — быстрейшее животное». Кроме того, ранее у якутов существовало божество в образе коня-неба — Джилга-тойон. Конь был одним из главных персонажей праздника Ысыах. Ысыах проводился в мае—июне (позднее — 2 раза в год) в честь светлых богов во главе с Юрюнг-Айыы-тойоном и был праздником возрождения природы и плодородия. Центральное место здесь занимают сосуд с кумысом (сими́р-исит) и конь с коновязью. После совершения молитв богам первый чорон кумыса подносят к губам жеребца, затем кропят его кумысом. Лишь после этого присутствующие на празднике начинают пить кумыс сами.

По данным письменных источников, известно, что у хуннов существовал близкий Ысыаху по идее праздник первой луны, когда все съезжались в ставку шаньюя, где «приносили жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам». Хуннский термин «гун» (кумыс) сходен с якутским «тунах» — «обилие молочной пищи», «брызгание кумысом во время Ысыаха».

Хотя население, оставившее могильник Кокэль, и не было собственно хуннским, оно явно принадлежало к хуннскому субстрату, поэтому можно предположить существование подобного праздника и здесь. Исходя из этого, фигурки лошадей, найденные в могильнике Кокэль, могут быть ритуальными предметами, относящимися к культу коня-неба, коня-солнца. Возможно, погребения с фигурками лошадей принадлежат людям, исполнявшим те же функции, что и шаманы у якутов, чем и объясняется их наличие в этих могилах. Не исключено, что в кокэльских погребениях находились вотивные коновязи для лошадей — фигурок «солнечных» лошадей, но подтвердить это предположение должны дальнейшие исследования.

И.В. Калинина
(Санкт-Петербург, Россия)

РИТУАЛЬНЫЙ СОСУД УДЭГЕЙЦЕВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В фондах Музея антропологии и этнографии РАН хранится неопубликованный берестяной сосуд удэгейцев (орочей?) из собрания В.К. Арсеньева. К орнаментированному цилиндрическому сосуду на кожаном ремешке с двумя петлеобразными ручками, опоясывающем сосуд, подвешены, чередуясь с бусинами красного, синего, белого и зеленого цвета, 15 косточек *os penis* медведя. По сообщению В.К. Арсеньева, *os penis* медведя мужчины «отдают на хранение женщинам как амулеты, напоминающие о происхождении орочей от медведя. Амулеты эти исцеляют женщин от бесплодия и облегчают роды».

Подобные сосуды известны не только у народов Амура. Так, у индейцев бороро женщины владеют, по словам К. Леви-Стросса, настоящими ларчиками, которые передаются от матери к дочери, с украшениями из зубов обезьяны или клыков ягуара, оправленных в дерево и закрепленных с помощью тонких перевязок. Такие трофеи они получают после охоты.

Спиральный орнамент на рассматриваемом сосуде напоминает орнаментальные мотивы из коллекции Д.К. Соловьева, собранной на р. Имане в 1910 г., опубликованные С.В. Ивановым. В музейной описи первый значится как «медвежья голова», второй назван «медвежьим орнаментом». С.В. Иванов в монографии «Орнамент народов Сибири» ссылается на В.К. Арсеньева, который отмечал в орнаменте удэгейцев стилизованные медвежьи головы. Сам С.В. Иванов придерживался иной точки зрения, полагая, что у народов Амура изображений медведя нет в женском искусстве, следовательно, их нет и в орнаментации берестяных сосудов. По его мнению, «женщине уже нельзя было изображать медведя, что, конечно, следует отнести за счет вполне развившегося отцовского рода, при котором женщина устраняется от участия в некоторых обрядах и праздниках, а вместе с тем лишается возможности исполнять и те рисунки, которые имеют отношение к этим обрядам». Что

касается интерпретации парных спиралей как стилизованных медвежьих личин, то С.В. Иванов считал, что «мы все же не располагаем никакими фактическими данными (кроме названий), подкрепляющими положение Арсеньева». Поэтому, до тех пор, пока в современном орнаменте не будут открыты реалистически трактуемые прототипы личин и «не будет показано развитие их в парные спирали, выдвинутые в связи с их происхождением, положения будут носить гипотетический характер». Однако, на наш взгляд, выводы С.В. Иванова не бесспорны. Вопрос о наличии медвежьего орнамента неоправданно увязывает их с вопросом появления в орнаменте парных спиралей, последние же могут иметь иное, более древнее происхождение. По поводу высказанного мнения о связи женского искусства с развитием отцовского рода заметим, что, согласно утверждению С.В. Иванова, «изображения медведей имеются на предметах женского искусства манси и хантов, главным образом на рукавицах, надеваемых во время медвежьего праздника, затем в орнаментике берестяных сосудов». При этом «изображения медведей имеют очень стилизованные формы». Л.С. Грибовой медвежьи личины обнаружены на женских меховых сумках тучу у коми.

Орнамент из парных спиралей требует дальнейшего изучения. Возможно, не исключена одинаковая семантика этого орнамента на удэгейском сосуде с подвесками *os renis'a* медведя и на костяных корытцах отон, используемых нанайцами во время медвежьего праздника.

Археологам сосуд с подвесками *os renis'a* медведя интересен еще в одном аспекте. В написанной в соавторстве с Е.А. Гаджиевой статье «Архаические орнаменты» поставлен вопрос о преемственности семантических функций «подвесок-оберегов», «украшений» и орудий для нанесения орнаментов: инструментов татуировки, орнаментиров. Было высказано предположение, что известные с палеолита каменные, костяные, изготовленные из раковин подвески «оберегали», «украшали» не только человека, но и докерамические сосуды. В качестве этнографических параллелей были указаны плетеные сосуды у индейских племен, украшенные перьями и подвесками из раковин. Сосуд удэгейцев расширяет круг аналогий и дает дополнительную информацию для изучения закономерностей исторической семантики.

Поскольку, как выяснилось, в качестве подвесок и орнаментов употреблялись одни и те же предметы, косточками *os penis*'а медведя были выполнены экспериментальные образцы орнаментов. Один из орнаментов удалось обнаружить на фрагментах сосуда со стоянки Скрабы-III. Сосуд относится к комплексу волосовской керамики. Таким образом, имеем дополнительный аргумент о распространении у волосовцев культа медведя.

*М. Анно
(Бордо, Франция)*

СЕКСУАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ИСКУССТВЕ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ: ВКЛАД ЭТНОИСТОРИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В искусстве аборигенов Австралии антропоморфные изображения с сексуальной символикой занимают, вероятно, большее место, чем где бы то ни было в мире. Отсюда понятен давний интерес археологов к их изучению, хотя интерпретация данного явления — дело достаточно сложное. Для истолкования некоторых изображений полезными оказываются этнографические исследования, особенно затрагивающие связь наскального искусства, мифологии и общественной значимости этих явлений в современную эпоху [Gunn, 1992, p.183].

Крайне интересно обратиться к изучению современного значения сексуализированного искусства у аборигенов, поскольку нынешние обитатели Австралии продолжают поддерживать данную традицию либо посредством регулярного подновления старых наскальных изображений, либо создавая новые рисунки, часто вдохновленные древними мотивами. Как бы ни были любопытны эти сведения, позволяющие в определенной мере заполнить пробелы в археологическом материале, они все же должны рассматриваться с осторожностью и вряд ли могут быть привлечены для непосредственной расшифровки смысла доисторических изображений.

Основываясь на данных недавно проведенного этноисторического изучения сексуальной практики у аборигенов [Appaud, 1994], мы имеем возможность связать эти обычаи с современными и древними изображениями. Исследование показало, что сексуальность в сообществе аборигенов служит в качестве одного из основных средств регуляции общественной жизни. Жизнь индивида и племени пронизана сексуальной практикой, непосредственно связанной с мифологией (так называемое «время снов»). Например, обряды инициации являются, преж-

де всего, сексуальными опытами, отмечающими переход в новый статус, то есть принадлежность к определенному полу. Девушки проходят обряд дефлорации, производимой взрослыми мужчинами, в то время как юношам производится двойная операция на половом члене (обрезание, а затем подрезание). Некоторые детали этих действий четко видны на графических изображениях аборигенов. Особенно это касается обряда подрезания. Частые изображения полового члена со следами этой операции относятся к различным эпохам. Встречаются, впрочем, и другие сексуальные или сексуализированные образы — изображения сцены совокупления или рисунки увеличенных половых органов [Lorblanchet, 1992], причем как среди современных, так и древних росписей.

Явная временная последовательность в традиции сексуальных изображений у аборигенов Австралии может быть истолкована с различных точек зрения. Можно уловить рисунки, сходство которых объясняется простым случайным совпадением или гипотетической конвергенцией образов. Однако в свете этноисторических данных в совокупности с современными этнографическими сведениями это постоянство в равной мере может быть объяснено сексуальными особенностями, свойственными обществу аборигенов, которые всегда служили средством поддержания общественных структур. Многочисленные сексуализированные изображения человека у аборигенов в реальности отражают комплекс социальных и духовных ценностей, являясь своего рода традицией [Cole, 1992, p.169]. Для мира, где сексуальность имеет силу закона, кажется уместным поставить вопрос о том, что сексуализированная иконография является обязательным культурным явлением, которое с давних пор выполняет одни и те же функции, представляя собой продукт архаичных традиционных структур.

Annaud M. Aborigènes: le sexe institué. Université de Pais-X-Nanterre // *Mém. de Maftrose*. 1994. 158 p.

Cole M. «Human» motifs in the rock paintings of Jowalbina, Laura. In *State of the Art. Rock Art Studies in Australia and Oceania* // Melbourne, 1992. P.164—173.

Gunn R.G. Bulajang — a reappraisal of the archaeology of an Aboriginal religious cult. In *State of the Art. Rock Art Studies in Australia and Oceania* // *Ibid.* P.174—194.

Lorblanchet M. The rock engravings of Gum Tree Valley and Skew Valley, dampier, Western Australia: chronology and functions of the sites. In *State of the Art. Rock Art Studies in Australia and Oceania* // *Ibid.* P.39—59.

М.М. Бронштейн
(Москва, Россия)

ДРЕВНЕЭСКИМОССКОЕ ИСКУССТВО ЧУКОТКИ (К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ)*

Древнее искусство эскимосов Чукотки, крупнейшая коллекция которого находится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (раскопки М.Г. Левина, Д.А. Сергеева, С.А. Арутюнова), является ценным источником для изучения наиболее общих закономерностей развития культуры в каменном веке. Это обусловлено многочисленностью и разнообразием находок, их широким хронологическим диапазоном, а также тем, что подавляющее большинство художественных изделий обнаружено в погребениях. Захоронения морских зверобоев древней Чукотки содержат информативные вещественные и антропологические материалы, позволяющие рассматривать историю развития древнеэскимосской художественной культуры в широком историческом контексте и экстраполировать полученные выводы на другие архаические сообщества.

Сравнительный анализ произведений древнеэскимосского искусства Северо-Восточной Азии свидетельствует о наличии в нем большого числа различных стилистических направлений. Многие из них, на мой взгляд, длительное время существовали синхронно. Поскольку особенности художественного творчества людей эпохи неолита отражали особенности их хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры, можно предположить, что на Чукотке в I-е тысячелетие до н.э.—I-е тысячелетие н.э. существовало большое количество различных субкультурных традиций. Многие из них по-видимому, были своего рода экспериментальными формами, способствовавшими, в конечном итоге, выработке древнеэскимосским этносом оптимальной стратегии жизнеобеспечения.

* Работа над данной научной темой проводится в рамках проекта, финансируемого Международным научным фондом.

Подобная ситуация была, вероятно, характерна и для других архаических сообществ. Начиная с эпохи верхнего палеолита человек стал быстро осваивать самые разнообразные в климатическом, природном и ландшафтном отношении ареалы планеты. Эта деятельность была бы невозможна, если бы люди каменного века не обладали способностью к постоянному поиску новых и новых форм приспособления к окружающей среде, если бы первобытная культура не имела в своем арсенале достаточно обширный запас экспериментальных, резервных форм.

Мне представляется, что в выработке этого своеобразного «запаса прочности» архаичных социумов важная роль принадлежала искусству. Художественное творчество не только способствовало осознанию человеком своей принадлежности к определенной этнокультурной традиции, но и непосредственно приучало к экспериментальной деятельности. Анализ древнеэскимосских художественных изделий из максимально близких по субкультурной и хронологической принадлежности погребений свидетельствует об устойчивой ориентации первобытных художников на создание произведений, наделенных отличительными, индивидуальными чертами.

Изучение древнего искусства азиатских эскимосов позволяет прийти к выводу о том, что их художественное творчество выполняло важные адаптивные функции, способствовало мобилизации духовных сил людей на борьбу за выживание в Арктике. В значительной степени это достигалось, вероятно, путем многократной «материализации» идеи превращения человека в сильного полярного зверя — белого медведя или моржа. Изображения звериных клыков неизменно помещались на древнеэскимосских головках гарпунного древка, на стабилизаторах гарпуна — «крылатых предметах», рукоятках женских ножей-уляков. Поскольку мотив превращения человека в зверя встречается в традиционных культурах практически всех народов, его можно, вероятно, рассматривать как своеобразный вектор развития механизмов психической адаптации, а возможно, и всей духовной культуры на одной из наиболее ранних стадий эволюции общества.

В неолите начинает проявлять себя и другая тенденция развития первобытной культуры: собственно человеческие качества становятся все более значимыми. В древнеэскимосском искусстве Чукотки это находит отражение в появлении антро-

поморфных изображений с тщательно проработанными чертами лица, в скульптурах, передающих реальные формы и пропорции человеческого тела. Примерами подобных произведений являются, в частности, деревянная шаманская маска из Эквенского могильника, находящаяся в МАЭ, а также обнаруженная в ходе недавних раскопок того же могильника археологической экспедицией Государственного музея искусства народов Востока ручка мотыги из моржового клыка с рельефным изображением обнаженной антропоморфной фигурки.

С.В. Гусев
(Москва, Россия)

АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ

Впервые предпринятые Берингийской археологической экспедицией раскопки поселений азиатских эскимосов (1990—1993 гг.) дали обильный материал для сопоставления с фольклорными источниками. В легендах, мифах и сказках азиатских эскимосов отражены конкретные условия жизни (географические и климатические), с присущими этой этнической группе способом производства и этническими признаками. Исследования планировки поселений, жилищ и их конструкций могут быть дополнены сведениями из фольклора. По фольклорным материалам можно составить картину о демографии поселений и их родовом составе, что позволяет соотнести археологические критерии изучения социального устройства общества осознанием носителями исследуемой культуры реалий общественных отношений.

В ходе археологических раскопок часто в проходах, ведущих в жилище, выявлялись крупные лопатки гренландского кита, служившие по фольклорным сведениям для запираания входа. Важной деталью для изучения планировки жилища является упоминание в различных сказках об использовании нескольких жирников в землянке — средний жирник, крайний жирник и т.д.

Море было неотъемлемой частью мира эскимосов, давало им основную часть продуктов питания, материалы для изготовления орудий и устройства жилищ. Хозяин моря у азиатских эскимосов выступает не в роли хозяина всего необъятного моря, а конкретно привязан к определенным поселениям. Между поселениями закреплялись участки — акватории для охоты. В наиболее широко известной сказке науканских эскимосов «Кит, женщиной рожденный» стержнем сюжета является ежегодный приход стада китов к Нунаку. Кит, рожденный и выкормленный жительницей поселения, приводил сюда стадо китов, основу пропитания и благосостояния всех жителей. Вы-

Снеговывивалка

лове, затем надрезал шею и надувал его. Большое количество найденных затычек для ран и различные их размеры свидетельствуют о широком их использовании при подготовке добытых нерп, китов, моржей для транспортировки на берег.

Технологический процесс изготовления керамики подробно описан в сказках сирениковских эскимосов и состоит из следующих этапов: заготовки глины, ее размельчения, смешания с песком, лепки, сушки, обжига на костре и обмазки.

Снеговывивалка, мясная вилка, дощечка для добывания огня считались оберегами от злых духов. Снеговывивалка из поселения Канискак снабжена ликом с инкрустированными глазами и зубами (зуб моржа) (см. рисунок). Сделана она из цельного куска дерева и, помимо очищения одежды от снега, предназначалась для отпугивания злых духов. Суровый лик хозяина дома служил тому гарантом.

В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон. Е.М. Мелетинский относят происхождение мифов и сказок о вбронне к палеоазиатским народам. Г.А. Меновщиков, не отрицая этого, говорит в то же время об очень древнем включении мифов о вбронне в сознание азиатских эскимосов. Археологические материалы не дают никаких оснований говорить о появлении мифа о вбронне у азиатских эскимосов в сколько-нибудь отдаленное время. Звери как основные источники питания и материала для изготовления орудий труда, жилищ и одежды наделялись тотемными и анималистическими свойствами. Не только на сакральных предметах, но и на орудиях охоты, собирательства и бытовых предметах часто присутствуют стилизованные изображения зверей:

явленный в 1989 г. могильник под Нунаком содержит почти исключительно инвентарь охотников на кита — массивные гарпунные древки с соответствующими головками.

Сюжет об охоте на лахтака (крупного тюленя весом до 400 кг) позволяет выявить интересную деталь о способе транспортировки убитого животного. Загарпунив лахтака, охотник подтягивал его за гарпунный ремень и добивал молотком по голове.

моржа, нерпы, кита, белого медведя, реже — песца и оленя. Единственное изображение вóрона из археологических материалов может быть отнесено не ранее как к XVII в.

Сиклюк, располагающийся на о. Иттыгран и в переводе с эскимосского означающий «мясная яма», «мясной склад», в свете фольклорных материалов имел не культовое предназначение, что ошибочно указывалось различными авторами, а хозяйственное. Здесь разделявали добытых в Сенявинских проливах китов и закладывали в мясные ямы. Прибывавшие сюда на байдарках из находившихся на материке поселений охотники имели индивидуальные сушила и ямы, строили здесь летние жилища.

Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.

Меновщиков Г.А. Язык сиренинских эскимосов. М.;Л., 1962.

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Сост., предисл. и прим. Г.А. Меновщикова. М., 1974.

Эскимосские сказки и легенды / Запись, перевод, предисл. и примеч. Г.А. Меновщикова. Магадан, 1969. 240 с., ил.

С.П. Щавелев
(Курск, Россия)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ АРХЕОЛОГА Д.Я. САМОКВАСОВА

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843—1911) — выдающийся русский ученый-историк широкого профиля, открывший и интерпретировавший множество письменных и вещественных источников. Он известен как автор капитальных исследований по истории российского государства и права; активнейший, удачливый и методичный археолог-полевик; реформатор архивного дела в России на рубеже XIX—XX в. [см. подробнее: *Щавелев С.П.* 1) Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я. Самоквасова // *Очерки истории русской и советской археологии* / Под ред. А.А. Формозова. М., 1991; 2) Д.Я. Самоквасов — историк, археолог, архивист // *Вопросы истории.* 1993. № 3; 3) Д.Я. Самоквасов — историк русского государства и права // *Государство и право,* 1993. № 2]. Подчиненное историко-археологическим проблемам, но заметное, а главное — органичное место в его научных и организационных трудах занимали вопросы этнографии. Энциклопедические способности Д.Я. Самоквасова хорошо сочетались с междисциплинарным, синтетичным характером развития гуманитарных исследований в пред- и пореформенной России. Так, Д.Я. Самоквасов вместе с коллегами-археологами, правоведами и историками плодотворно сотрудничал с отделениями этнографии нескольких академических обществ и организаций того времени — Русского Географического общества, Общества любителей естествознания при Московском университете — и многими провинциальными кружками краеведов. Конспективный перечень результатов этого сотрудничества следует начать с данного им описания реликтовой формы большой семьи (42 человека, 8 малых семей, ведших единое крестьянское хозяйство), которую он изучил на раскопках [см.: *Самоквасов Д.Я.* Семейная община в Курском уезде // *Зап. Импер. Русск. Геогр. о-ва по отд-нию этнографии.* СПб., 1878]. В своих учебниках

по древнему русскому праву Д.Я. Самоквасов интерпретировал эти и аналогичные наблюдения по аналогии с известной по письменным источникам вервью [см.: Баран Я.В. К проблеме славянской верви // Славяне и Русь в научном наследии Д.Я. Самоквасова. Чернигов, 1993. — на укр. яз.]

Далее выделим комментированную Д.Я. Самоквасовым публикацию большей части рукописной коллекции материалов реформы сибирского законодательства, попытку которой предпринял в свое время М.М. Сперанский. Соответствующий «Сборник обычного права сибирских инородцев» [Варшава, 1876], выкупленный и выпущенный в свет Д.Я. Самоквасовым, — уникальный по географической широте, этнической пестроте, исторической оригинальности и достоверности этнографический источник. По его материалам самим Д.Я. Самоквасовым, его учениками и их коллегами было выполнено немало интересных исследований на стыке истории, археологии и этнографии.

Кроме отмеченного вклада в эмпирический фонд историко-этнографических знаний, следует подчеркнуть приоритетные варианты комплексного, междисциплинарного анализа многих коренных вопросов древней истории в трудах Д.Я. Самоквасова. Перед нами один из первых отечественных исследователей, рискнувших привлечь к объяснению исторических источников и археологических находок данные этнографии, антропологии, сравнительного правоведения, филологии и других гуманитарных дисциплин. Многие гипотезы Д.Я. Самоквасова не выдержали испытания временем и новыми фактами, другие вошли в канон археологической науки, но историко-этнографически важен был сам их почин [см. его монографии: Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908; Происхождение русского народа. М., 1908 и др.]

А.М. Решетов
(Санкт-Петербург, Россия)

КОЛЛЕКЦИИ В.С. АДРИАНОВА В МАЭ

Научная деятельность Василия Степановича Адрианова по существу еще только начиналась, как 6 ноября 1936 г. он был арестован, 19 декабря судим и в тот же день расстрелян по обвинению в принадлежности к контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, совершившей убийство С.М. Кирова.

В.С. Адрианов родился 1 (14) января 1904 г. в Петербурге в семье рабочего. После окончания в 1922 г. в Стрельне средней школы поступил в университет на археологическое отделение, но через два года ушел и устроился на работу в Этнографическое отделение Русского музея. С 1924 г. ежегодно ездил в экспедиции, общался с такими выдающимися учеными, как А.А. Миллер, П.П. Ефименко, С.А. Теплоухов, С.И. Руденко. С последним в 1929 г. принимал участие в раскопках знаменитого Пазырыкского кургана. С конца 1930 г. год работал лаборантом в Центральном научно-исследовательском геолого-разведочном институте (ЦНИГРИ) в Ленинграде. В 1932—1935 гг. он трудился в ГАИМКе, где помимо всего прочего на него было возложено заведование экспедиционным инвентарем и оборудованием. За период 1924—1934 гг. он участвовал в 15 археологических и палеоэтнологических экспедициях, в том числе трех —самостоятельных. С 1929 г. в периодической печати стали появляться его научно-популярные заметки и статьи.

В феврале 1935 г. В.С. Адрианов был откомандирован в АН СССР для участия в экспедиции ЗИН на Ямал. Одновременно, с 17 февраля он на договорных началах с МАЭ обязывался провести на севере археологические раскопки. В 4 км ниже г. Салехарда (б. Обдорска), в устье р. Полуя им были произведены раскопки, в результате которых в Отдел археологии МАЭ поступило 2514 номеров (6854 предмета): орудия охоты, труда и вещи различных назначений из костей различных животных, изделия из камня, бронзы, железа, а также образцы керамики (коллекция № 5331). С октября 1935 г. по май 1936 г. автор работал над описью, составившей 383 страницы. В том же году

в районе Нового порта им были проведены сборы, давшие 15 номеров (59 предметов) эпохи железа (1-е тысячелетие до н.э.—первые века н.э.) и составившие коллекцию № 5408. Ознакомившись с привозом В.С. Адрианова, В.И. Равдоникас под свежим впечатлением в конце 1935 г. написал финскому археологу А.М. Тальгрону: «Поразительные вещи привез наш молодой сотрудник В. Адрианов... Около 7000 предметов, из них более 1500 изделий из кости совершенно исключительных художественных достоинств... Техника резьбы исключительно высокая. Стиль весьма любопытен... По художественным достоинствам эти находки не ниже Пазырыка или любого скифского кургана». В том же году в Отдел Сибири поступили 14 предметов из ненецких погребений (№ 5407) и коллекция в 112 негативов и столько же отпечатков (И-473).

В 1936 г. на Полуе под руководством В.С. Адрианова были продолжены раскопки, материалы из которых (11034 предмета, 5007 номеров) составили опись № 5455. Таким образом, благодаря усилиям молодого археолога, ставшего к тому времени научным сотрудником I разряда в МАЭ, стала известна ученому миру усть-полуйская культура эпохи раннего железа в Ямале (IV в. до н.э.—II в. н.э.). В Отдел Сибири по хантского района Салехарда поступили коллекции предметов из погребения и культов (№ 5542 и 5708), а также иллюстративные собрания по хантам и ненцам — негативы и отпечатки (И-795 и И-1098). По материалам экспедиций 1935—1936 гг. были подготовлены отчеты и статьи для печати, но появиться им уже было не суждено: вышли в свет в научных изданиях лишь 7 информационные заметки, в том числе одна — уже в 1937 г.

В.С. Адрианов был реабилитирован 27 июня 1957 г. С его археологическими коллекциями работали такие известные ученые, как В.Н. Чернецов, В.И. Мошинская, Л.А. Чиндина и другие, в разной степени использовавшие его материалы, в зависимости от обстоятельств упоминавшие или не упоминавшие его фамилию, но сколько-нибудь значительных публикаций ценнейших палеоэтнографических материалов самого В.С. Адрианова до сих пор не появилось. Они все еще ждут своего исследователя.

С.А. Кулаков
(ИИМК РАН, Санкт-Петербург)

О ВОЗМОЖНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ТЕЙЯКСКО-ЗУБЧАТОГО КРУГА ИНДУСТРИЙ В НИЖНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

С.Н. Замятнин, первый исследователь палеолита Западного Кавказа, сразу обратил внимание на технико-морфологические особенности ряда здешних нижнепалеолитических индустрий, которые, по его мнению, выразились для ашеля в единичных ручных рубилах и так называемом «клектонском» характере техники расщепления, ряд особенностей был им отмечен и для памятников мустьерской эпохи.

Вывод С.Н. Замятнина об особом характере нижнего палеолита Западного Кавказа позднее был поддержан и развит многими археологами-палеолитчиками.

Так, И.И. Коробков, опираясь на материалы местонахождения Яштух под Сухуми, предложил оригинальную концепцию развития палеолитических индустрий на данной территории. Согласно ей, заселение этого региона происходило из Ближнего Востока по берегу моря в ашельскую эпоху, но не с самых ранних ее этапов. Ашельская индустрия здешнего побережья представлена двумя комплексами, являвшимися «вариантами одной индустрии». С началом мустье здесь выделяются «две параллельно-эволюционирующие индустрии»: «тейякско-зубчатая» и «леваллуазская», имеющие корни в местном ашеле. В финальном мустье происходит сближение этих двух «индустриальных стволов», выразившееся в зубчатых индустриях пещерных стоянок Сочи-Адлерского Причерноморья.

Тогда же, в 60-х годах В.П. Любин выделил в этом районе особую мустьерскую археологическую культуру — «мустье зубчатое», названную им Хостинской. Выделение этой культуры опирается в основном на материалы шести причерноморских пещерных стоянок: Ахштырской, Ацынской, Малой Воронцовской, Навалишенской, Хостинской 1 и 2. Культура имеет два стыкующихся между собой этапа — ранний (Ахштырская пещерная стоянка) и поздний (стоянка в Малой Воронцовской

пещере). Истоки этих зубчатых индустрий В.П. Любин видит здесь же в Причерноморье, в ашеле Абхазии, на Яштухском местонахождении.

Е.А. Векилова, которая в 1961 г. возобновила (вначале с М.З. Паничкиной) исследование Ахштырской пещерной стоянки под Адлером, согласилась с выделением В.П. Любиным в Сочи-Адлерском районе особой зубчатой мустьерской культуры, предложив при этом называть ее все же Ахштырской, а не Хостинской.

Возобновление изучения автором материалов местонахождения Богос, расположенного на правом берегу р. Псоу, в 12 км от Черного моря, позволяет более определенно говорить о наличии на Западном Кавказе очага индустрий тейякско-зубчатого круга. Богоская индустрия занимает как бы промежуточное положение (и территориальное и хронологическое) между ашелем местонахождений Абхазии и мустьерскими зубчатыми индустриями пещерных стоянок Сочи—Адлера. Являясь связующим звеном, индустрия Богоса имеет много сходства с тейякскими комплексами Яштуха, с одной стороны, и выраженные аналогии в материалах мустьерских слоев Ахштырской пещеры, — с другой. Это позволяет более уверенно видеть здесь преемственность индустрий от «среднего ашеля» до «финального мустье». Особенностью индустрий этого круга является присутствие в той или иной мере в их инвентарях «сопряженной группы» изделий, состоящей из клювовидных и зубчато-выемчатых орудий, чопперов, грубо-рубящих и орудий верхнепалеолитического облика (в основном скребков и скребковидных), при ярко выраженной массивности («высокости форм») большинства изделий.

И.И. Коробков не видел на Кавказе «ничего сходного типологически с ашелем Черноморского региона». Однако это не совсем так, нельзя, как кажется, не заметить черт сходства причерноморского ашеля с «протошарантьяном» пещеры Кударо и «первого культурно-хронологического комплекса» Треугольной Пещеры (Карачаево-Черкесская Республика, Северный Кавказ). Еще ярче данное сходство прослеживается с «третьим культурно-хронологическим комплексом» этой стоянки.

О влиянии зубчатого мустье Причерноморья на мустьерские индустрии Северного Кавказа свидетельствует выделение Л.В. Головановой в слоях 3б и 4а стоянки в гроте Матузка (Лагонакское нагорье) материалов ахштырского облика.

Не менее четко демонстрирует связи между этими двумя районами присутствие выделенной «сопряженной группы» изделий в индустриях Губской мустьерской культуры (Баракаевская и Монашеская пещерные стоянки).

В этой связи находит лишний аргумент «за» оригинальная точка зрения Д.А. Чистякова, определившего индустрию стоянки в Малой Воронцовской пещере как «мустье типичное с сильными зубчатыми и скребковыми элементами». По всей видимости, действительно индустрия этой стоянки имеет довольно своеобразный облик среди других причерноморских пещер и демонстрирует пример взаимовлияния и возможно взаимопроникновения «зубчатых индустрий» Западного Кавказа и «типично мустьерских» индустрий Северного Кавказа.

РЕЗЮМЕ

С 30 ноября по 3 декабря 1994 г. в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской Академии наук состоялась Международная конференция на тему «Развитие культуры в каменном веке». Это неординарное событие было посвящено 100-летию юбилею со дня основания Отдела археологии МАЭ как самостоятельного структурного подразделения.

Всем известно, что археологическое хранилище Музея является старейшим фондом страны, истоки формирования которого связаны с учреждением Петром I первого российского государственного естественноисторического музея — Кунсткамеры (1714 г.). Вместе с тем это один из крупнейших национальных археологических фондов России. В нем сосредоточены огромные и уникальные по своей научной значимости коллекции по археологии разных эпох и культур. На сегодняшний день знаменитое археологическое собрание МАЭ насчитывает более тысячи коллекций, в которых содержится свыше 500 тыс. предметов. Особое место в хранении Отдела принадлежит материалам по каменному веку. По сосредоточению самых древних памятников материальной культуры (палеолит, мезолит, неолит) археологический фонд Кунсткамеры занимает первое место среди музеев России, стран СНГ и одно из первых мест в мире.

Материалы многих эталонных памятников фонда дали возможность создать такие разделы первобытной истории России и стран СНГ, как нижний и верхний палеолит. Для эпохи нижнего палеолита это материалы Кударо, Тешик-Таша, Сухой Мечетки и других стоянок Крыма, Кавказа и Средней Азии. Для эпохи верхнего палеолита это всемирно известные стоянки Русской равнины (Тельманская, Костенки-1, 2, 3, 4, 14, 15, Гагарино, Елисеевичи) и Сибири (Афонтова Гора, Мальта, Кокорево). Эти материалы обогатили науку первоклассными произведениями древнейшего искусства. Достаточно назвать яркую серию женских статуэток, многочисленную группу изображений животных, изготовленных из бивня мамонта и из мергеля, а также пластины из бивня мамонта и костяные изделия, украшенные геометрическим орнаментом и зооморфными изображениями. Женские фигурки из бивня мамонта и из

мергеля эпохи палеолита представлены 10 экземплярами. Это довольно крупная коллекция, если учесть, что на территории России известно около 60 подобных статуэток, а в музеях Западной Европы — не более 10.

Нельзя не упомянуть о чрезвычайно интересных памятниках эпохи мезолита и неолита. Это, прежде всего, комплексы Оленеостровского могильника на Южном Оленьем острове Онежского озера, получившие мировое признание как не имеющие аналогов по богатству и специфике инвентаря и большого числа предметов первобытного искусства среди синхронных погребальных объектов Фенноскандии. Этот перечень можно продолжить.

Вполне закономерно, что к изучению коллекций археологического фонда МАЭ постоянно обращаются специалисты-археологи России и многих зарубежных стран. На археологических материалах фонда созданы и продолжают создаваться монографии, обобщающие работы, диссертации, дипломные и курсовые работы студентов разных университетов.

Неслучайно поэтому первая в истории Отдела конференция такого уровня привлекла внимание многих исследователей. В ее работе участвовали специалисты России, стран ближнего и дальнего зарубежья: ученые Санкт-Петербурга (Институт истории материальной культуры РАН, МАЭ РАН, Государственный Эрмитаж, кафедра археологии и кафедра антропологии и этнографии исторического факультета СПбГУ), Москвы (Институт археологии РАН, МГУ, Государственный музей Востока, Институт наследия), Брянска, Самары, Екатеринбурга (Уральский государственный университет), Украины (Киев, Донецк), Чехии, Германии, Бельгии, Франции.

Концепция конференции была продиктована спецификой материалов хранения, которые прочно вошли в науку и необходимостью в их новом научном освещении. Тематический акцент был сделан на сложные и многочисленные проблемы изучения культуры в каменном веке. Вместе с тем, должное внимание было уделено вопросам исследования яркой этнокультурной общности Юго-Восточной Европы медного века — древнеземледельческой трипольской культуре. Отдел располагает эталонными материалами раннего и среднего периодов Триполья: расписная посуда, антропо-зооморфная пластика, а также комплексы кремнеобрабатывающих мастерских, что вызывает большой интерес у зарубежных коллег.

К юбилейной дате и к открытию конференции силами небольшого коллектива Отдела археологии была создана выставка «Памятники Русской равнины и граветтийская традиция», где были представлены известные во всем мире богатейшие материалы памятников второй половины верхнего палеолита (25—15 тыс. лет назад) — Костенки-I (верхний слой), Гагарино, Костенки IV (нижний и верхний слой), Елисеевичи-1, Супонево, Тимоновка-1. Демонстрировались типы костно-земляных хозяйственных и жилых сооружений, костяные изделия и каменный инвентарь, выделены произведения первобытного искусства.

Во время работы конференции было заслушано 38 оригинальных докладов общего и частного характера по различным аспектам материальной и духовной культуры древнего человека, вызвавшие оживленные дискуссии. Некоторые доклады касались исключительно материалов памятников, хранящихся в фонде. Особо отметим доклады, посвященные значению этнографических материалов в археологических реконструкциях.

Работу конференции отличали конструктивность, доброжелательность, взаимопонимание и искреннее чувство солидарности, что должно способствовать развитию знаний о каменном веке. По материалам конференции подготовлен данный сборник.

В структурном отношении он построен по хронологическому принципу: палеолит, мезолит, неолит, энеолит. В него вошли сообщения всех, кто прислал тексты. Хочется надеяться, что материалы археологического хранилища Кунсткамеры, не имеющего аналогов в мире, будут и впредь вызывать интерес специалистов, а на его проблемы обратят внимание специальные и общественные фонды поддержки.

SUMMARY

From the 30-th of November to the 3-d of December 1994 in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences the International conference «Development of culture» was dedicated to the 100th anniversary since the time of foundation of the Department of Archaeology of the MAE as an independent structural subdivision.

Everybody knows that the archaeological depository of the Museum is the oldest fund of the country, its sources of formation are connected with the establishment by Peter I the first Russian state natural-historical museum — the *Kunstkammer* (1714). At the same time this is one of the greatest national archaeological funds of Russia. The vast and unique by their scientific importance collections on the archaeology of different periods and cultures are concentrated there. Now the famous archaeological fund of the MAE has over a thousand collections, there are more than 500 thousands objects. A special place among the Department's collections belongs to the materials of the Stone Age. By the concentration of the most ancient monuments of material culture (the Paleolithic, Mesolithic, Neolithic) the archaeological fund of the *Kunstkammer* Museum occupies the first place among the museums of Russia, neighbouring countries and one of the former places among the museums of the world.

The materials of many standard monuments of the fund gave an opportunity to create such parts of the of Russia and neighbouring countries prehistory as the Lower and Upper Paleolithic. For the Lower Paleolithic these are the materials from Kudaro, Teshik-Tash, Sukhaya Mechetka, other sites of the Crimea, Caucasus, Middle Asia. For the Upper Paleolithic these are the world-wide famous sites of Russian Plain (Telmanovskaya, Kostenki-I, Gagarino, Eliseyevichi) and Siberia (Afontova Gora, Malta, Kokorevo). These materials enriched the science also with the great number of the first-class articles of ancient art. This is enough to mention a bright serie of female figurines, numerous group of zoomorphic images made of mammoth tusk and marl, also plates made of mammoth tusk and bone objects decorated with geometrical ornament and zoomorphic images. It's important, that in the fund there are 10 items of mammoth tusk and marl female figurines. This is a rather large collection, if we take into account that on the territory of Russia about 60 similar figurines are known, and in the museums of Western Europe they number is no more than 10 items.

The extremely interesting monuments of the Mesolithic and Neolithic should be also mentioned. First of all, these are the complexes of Oleneostrovsky burial place on South Oleniy island of Onega Lake obtained the world recognition because, taking into consideration the rich and special goods and objects of primitive art, it doesn't have any analogy among the synchronous sites of Fennoscandia. This list can be continued...

It's quite in order, that the specialists-archaeologists from Russia and many foreign countries constantly take up the study of collections of the MAE archaeological fund. On the basis of the fund's archaeological materials the monographs, general studies, dissertations, degree and course papers of the students of different universities were written and are created now.

That's why it's not accidental, that in the Department's history the first conference of such level attracted attention of many investigators and found comments. In its work the specialists from Russia, neighbouring and further countries took part. These are the scientists from St. Petersburg (Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, the MAE of the Russian Academy of Sciences, the Hermitage Museum, Sub-faculty of Archaeology and Sub-faculty of Anthropology and Ethnography of Historical Faculty of the St. Petersburg University), Moscow (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, the Moscow University, the Museum of East, Institute of Heritage), Bryansk, Samara, Ekaterinburg (the Ural University), the Ukraine (Kiev, Donetsk). The colleagues from Czechia, Germany, Belgium, France also took part at the conference.

The conference's conception was dictated by the specific character of the collection's materials which firmly went into the science and, on the other hand, by the necessity of the new elucidation in connection with the achievements and discoveries of the last years in the sphere of the Paleolithic, that also became the property of the conference. The subject accent was naturally put on the complex and numerous problems of study of culture during the Stone Age. At the same time the proper attention was given to the problems of investigation of the bright ethnocultural community of the South-Eastern Europe — the ancient agricultural Tripolye community. The Department disposes of the standard materials of the Early and Middle periods of Tripolye: painted pottery, anthropo- and zoomorphic figurines and also the complexes of the flint-working workshops, all them excite great interest of the foreign colleagues.

For the jubilee date and the conference's opening the exhibition «Monument of East European Plain and the Gravettian tradition» was prepared by efforts of small staff of the Department of Archaeology. On the exhibition there were the generally known rich materials from the sites of the Upper Paleolithic second part (24—15 thousand years ago) — Kostenki-I (upper layer), Gagarino, Kostenki-IV (lower and upper layers), Eliseyevichi-1, Suponevo, Ti-

monovka-1. The types of bone-ground economical and house constructions, bone objects and stone implements were demonstrated. The works of prehistorical art were separately distinguished.

During the conference 38 original reports of general and particular characters of the different aspects of material and spiritual culture of ancient people, which evoked bright discussions, were heard. Some reports touched upon exceptionally the monuments kept in the fund. We would like to mention especially the report devoted to a meaning of the ethnographical materials for archaeological reconstructions.

On the whole, the conference's work was marked by the benevolent atmosphere, mutual understanding and sincere sense of solidarity, that must make not only for the development of knowledge about the Stone Age.

The collection of article's structure answers the chronological principle: Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic. It contains the reports of all people responded to the conference, the Organization Committee thanks everybody for that as well as the participants. We would like to hope, that the materials of the Kunstkammer Museum archaeological depository having no analogue over the world will excite interest of the specialists also in future, and the special and public funds for support will pay attention to its problems.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мыльников А.С. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Уважать прошлое, думать о будущем (Вступительное слово)	4
<i>Попова Т.А. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Археологическое собрание Кунсткамеры — национальное достояние России	7
<i>Массон В.М. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Формирование системы археологических учреждений России	14
<i>Отт М. (Льеж, Бельгия)</i> Значение России для доистории	17
<i>Любин В.П. (Санкт-Петербург, Россия).</i> С.Н. Замятнин — собиратель и хранитель палеолитических древностей	21
<i>Столяр А.Д. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Археологические предвидения С.Н. Замятнина	24
<i>Тихонов И.Л. (Санкт-Петербург, Россия).</i> К истории формирования археологических коллекций МАЭ, поступивших из Санкт-Петербургского университета	27
<i>Решетов А.М. (Санкт-Петербург, Россия).</i> С.М. Широкогоров — сотрудник МАЭ	30
<i>Окладникова Е.А. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Коллекция камней с наскальными рисунками из Горного Алтая в собрании МАЭ	33
<i>Дэвлет М.А. (Москва, Россия).</i> К истории формирования коллекции эстампажей енисейских писаниц в МАЭ	38
<i>Зелеке И. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Ашельское местонахождение Консо-Гордула в Южной Эфиопии	40
<i>Кузнецова Л.В. (Самара, Россия).</i> Роль Сухой Мечетки в развитии знаний о мустьерской культуре	42
<i>Анисюткин Н.К. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Каменная индустрия грота Шайтан-Коба и вопросы локального подразделения мустье Крыма	43
<i>Голованова Л.В. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Проблемы преемственности и инноваций в палеолите Северного Кавказа	45
<i>Праслов Н.Д. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Некоторые замечания к интерпретации материалов Ильской стоянки из раскопок С.Н. Замятнина и В.А. Городцова	48
<i>Колесник А.В. (Донецк, Украина).</i> К характеристике мустьерских двусторонних орудий	51

<i>Кулаковская Л.В. (Киев, Украина).</i> Среднепалеолитические памятники лесостепной зоны Украины	53
<i>Нехорошев П.Е. (Санкт-Петербург, Россия).</i> «Белокузьминская» группа памятников в среднем палеолите Русской равнины	56
<i>Свобода И. (Брно, Чехия).</i> Современные исследования по гравьстелю Моравии	59
<i>Синицын А.А. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Инвентарь второго культурного слоя Тельманской стоянки и проблема происхождения «восточного граветта»	61
<i>Тарасов Л.М. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Стоянка Гагарино в свете новых исследований	64
<i>Беляева В.И. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Жилище Пушкарей-1 и возможности его реконструкции	67
<i>Желтова М.Н. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Морфологический и трасологический анализ листовидных острий из коллекции Костенок-4	70
<i>Абрамова З.А., Григорьева Г.В. (Санкт-Петербург, Россия), Гришин Л.И. (Брянск, Россия)</i> Музейный комплекс Юдиново	74
<i>Астахов С.Н. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Методики исследования И.Т. Савенковым палеолитической стоянки Афонтова Гора-III (Иванихин Лог)	77
<i>Синицына Г.В. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Палеолит Бирюсы в собрании МАЭ	79
<i>Матюхин А.Е. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Особенности технологического анализа каменных орудий из мастерских	82
<i>Гиря Е.Ю. (Санкт-Петербург, Россия).</i> О статистической природе выделения следов «человеческой» деятельности	84
<i>Хлопачев Г.А. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Бивень мамонта и развитие костяной индустрии верхнепалеолитических стоянок Русской равнины	87
<i>Григорьев Г.П. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Женские статуэтки граветтийского эпизода: классификация и пространственное распределение	90
<i>Демещенко С.А. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Зооморфная скульптура из верхнепалеолитических коллекций МАЭ	92
<i>Дмитриева Т.Н. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Вопросы реконструкции духовной жизни древних людей	95
<i>Васильев С.А. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Использование этнографических данных для реконструкции верхнего палеолита в современной археологии	98

<i>Файль Ш. (Ганновер, Германия).</i>	
Новая находка искусства в финальнопалеолитическом местонахождении Вайче в Северной Германии.....	101
<i>Бозинский Г. (Кельн, Германия).</i>	
Переход от мадлена к азилю как результат изменения окружающей среды (по материалам долины Рейна).....	104
<i>Копытин В.Ф. (Могилев, Беларусь).</i>	
К проблеме происхождения грэнской культуры Верхнего Поднепровья.....	110
<i>Погодин А.А. (Екатеринбург, Россия).</i>	
Новые данные по мезолиту таежной зоны Западной Сибири.....	113
<i>Коробкова Г.Ф. (Санкт-Петербург, Россия).</i>	
Еще раз о жатвенных орудиях натуфийской культуры.....	116
<i>Тимофеев В.И. (Санкт-Петербург, Россия).</i>	
Проблемы взаимодействия неолитических культур в Юго-Восточной Прибалтике.....	119
<i>Герасимов Д.В. (Санкт-Петербург, Россия).</i>	
К проблеме изучения кварцевых индустрий.....	121
<i>Чайкина Л.Г. (Санкт-Петербург, Россия).</i>	
Производственная деятельность носителей культуры Цедмар (по материалам поселения Утиное Болото-1).....	124
<i>Сидоров В.В., Эгватова А.В. (Москва, Россия).</i>	
Камни со знаками на стоянках Волго-Окского междуречья.....	127
<i>Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А. (Санкт-Петербург, Россия).</i>	
Каменные орудия труда Илгыны-депе (по результатам микроанализа).....	132
<i>Палагуца И.В. (Москва, Россия).</i>	
О выделении локально-хронологических групп памятников триполья В-1 на территории Республики Молдовы (по керамическим материалам).....	135
<i>Скаун Н.Н. (Санкт-Петербург, Россия).</i>	
Новые раскопки на трипольском поселении Бодаки.....	138
<i>Цвек Е.В. (Киев, Украина).</i>	
Некоторые аспекты домостроительства трипольской культуры.....	140
<i>Цвек Е.В., Мовчан И.И. (Киев, Украина).</i>	
Новый производственный комплекс трипольской культуры по добыче и обработке кремня.....	142
<i>Минасян Р.С. (Санкт-Петербург, Россия).</i>	
Литейное производство в Юго-Восточной Европе в эпоху энсолита.....	144
<i>Риндюк Н.В., Старкова Е.Г. (Санкт-Петербург, Россия).</i>	
Глиняные «ромбовидные амулеты» в Триполье и Гумельнице.....	146
<i>Овчинников Э.В. (Киев, Украина).</i>	
Модели трипольской культуры: попытка систематизации.....	148

<i>Калошина О.С. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Фигурки лошадей из могильника Кокэль (этнографический аспект)	151
<i>Калинина И.В. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Ритуальный сосуд удэгейцев в археологическом аспекте	153
<i>Анно М. (Бордо, Франция).</i> Сексуальные изображения в искусстве аборигенов Австралии: вклад этноистории в интерпретацию археологических данных.....	156
<i>Бронштейн М.М. (Москва, Россия).</i> Древнеэскимосское искусство Чукотки (к проблеме изучения закономерностей развития первобытной культуры).....	158
<i>Гусев С.В. (Москва, Россия).</i> Археология и фольклор азиатских эскимосов.....	161
<i>Щавелев С.П. (Курск, Россия).</i> Этнографические материалы в научном наследии археолога Д.Я. Самоквасова	164
<i>Решетов А.М. (Санкт-Петербург, Россия).</i> Коллекции В.С. Адрианова в МАЭ	166
<i>Кулаков С.А. (ИИМК РАН, Санкт-Петербург)</i> О возможности выделения тейякско-зубчатого круга индустрий в нижнем палеолите Западного Кавказа	168
Резюме	171

CONTENTS

<i>Myl'nikov A.S. (St. Petersburg, Russia).</i> Respect the past, think about the future (Introduction).....	4
<i>Popova T.A. (St. Petersburg, Russia).</i> Archaeological collections of the Kunstkammer Museum — the National property of Russia	7
<i>Masson V.M. (St. Petersburg, Russia).</i> Formation of the system of archaeological institutions of Russia	14
<i>Otte M. (Leige, Belgium).</i> Importance of Russia for the prehistory	17
<i>Lyubin V.P. (St. Petersburg, Russia).</i> S.N. Zamyatnin as a collector and curator of the Paleolithic antiquities	21
<i>Stolyar A.D. (St. Petersburg, Russia).</i> Archaeological foresight of S.N. Zamyatnin.....	24
<i>Tihonov I.L. (St. Petersburg, Russia).</i> On the history of formation of the MAE archaeological collections received from the Saint-Petersburg University	27
<i>Reshetov A.M. (St. Petersburg, Russia).</i> S.M. Shirokogorov — a collaborator of the MAE.....	30

<i>Okladnikova E.A. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Collection of the rock art from the Mountainous Altai region	33
<i>Devlet M.A. (Moscow, Russia).</i>	
On history of formation of the engraving collection of Yenisei rock art in the MAE	38
<i>Zelege Y. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Asheullian site Conso-Gordula in South Ethiopia	40
<i>Kuznetsova L.V. (Samara, Russia)</i>	
Role of Sukhaya Mechetka in development of knowledge about the Mousterian culture	42
<i>Anisyutkin N.K. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Stone industry of Shaitan-Koba grotto and problems of local subdivisions of the Mousterian period of Crimea	43
<i>Golovanova L.V. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Problems of succession and innovations in the Paleolithic of the North Caucasus	45
<i>Praslov N.D. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Some notes on the interpretation of materials from Ilkaya site from the excavations by S.N. Zamyatnin and V.A. Gorodtsov	48
<i>Kolesnik A.V. (Donetsk, Ukraine).</i>	
On the character of the Mousterian bifacial tools	51
<i>Kulakovskaya L.V. (Kiev, Ukraine).</i>	
The Middle Paleolithic sites of the steppe-forest zone of the Ukraine	53
<i>Nekhoroshev P.E. (St. Petersburg, Russia).</i>	
«Belokuzminovskaya» group of sites in the context of the Middle Paleolithic of the East European Plane	56
<i>Svoboda J. (Brno, Czechia)</i>	
Modern studies of the Gravettian period of Moravia	59
<i>Sinitsyn A.A. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Implements from the II cultural layer of Telmanovskaya site and the problem of the origin of «East Gravettian»	61
<i>Tarasov L.M. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Gagarino site in the light of new studies	64
<i>Belyaeva V.I. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Dwelling from Pushkari-I and possibilities of its reconstruction	67
<i>Zheltova M.N. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Morphological and use-wear analysis of the foliate points from Kostenki-IV collection	70
<i>Abramova Z.A., Grigoryeva G.V. (St. Petersburg, Russia).</i>	
<i>Grishin L.I. (Bryansk, Russia)</i>	
Ydinovo museum complex	74
<i>Astakhov S.N. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Methods of studying the Paleolithic site Afontova Gora III (Ivanikhin Log) by I.T. Savenkov	77
<i>Sinitsyna G.V. (St. Petersburg, Russia).</i>	
The Paleolithic of Birusa in the MAE collections	79

<i>Matyukhin A.E. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Peculiarities of the technological analysis of stone tools from the work-shops	82
<i>Girya E.Yu. (St. Petersburg, Russia).</i>	
On the statistical nature of distinguishing of the traces of «human» activity	84
<i>Khlopachev G.A. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Mammoth tusk and the development of the bone industry of the Upper Paleolithic sites of the East European Plain	87
<i>Grigoryev G.P. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Female figurines of the Gravettian Episode: Classification and spatial allocation	90
<i>Demeshchenko S.A. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Zoomorphic sculptures from the Upper Paleolithic collections of the MAE	92
<i>Dmitrieva T.N. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Problems of reconstruction of the ancient people's spiritual life	95
<i>Vasilyev S.A. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Use of ethnographical data for the reconstruction of the Upper Paleolithic in modern archaeology	98
<i>Veil St. (Hannover, Germany)</i>	
New find of art in the Final Paleolithic site Waiche in Germany	101
<i>Bozinsky G. (Cologne, Germany)</i>	
Transition from the Magdalenian to the Azilian as a result of changes in the environment (on the materials of Rhine Valley)	104
<i>Kopytin V.F. (Mogilev, Belarus)</i>	
On the problem of origin of Grenskaya culture of Upper Dnieper basin	110
<i>Pogodin A.A. (Ekaterinburg, Russia)</i>	
New data on the Mesolithic of taiga zone of the Western Siberia	113
<i>Korobkova G.F. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Again about the harvesting tools of Natufian culture	116
<i>Timofeyev V.I. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Problems of interaction of the Neolithic cultures in the South-Eastern Baltic Sea region	119
<i>Gerasimov D.V. (St. Petersburg, Russia).</i>	
On the problem of study of the quartz industries	121
<i>Chaykina L.G. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Production activity of the bearers of Cedmar culture (on the materials of Utinoye Boloto-I)	124
<i>Sidorov V.V., Engovatova A.V. (Moscow, Russia)</i>	
Stones with signs on the sites of Volga-Oka basin	127
<i>Korobkova G.F., Sharovskaya T.A. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Stone tools from Ilgynly-depe by the results of the microanalysis	132

<i>Palaguta I.V. (Moscow, Russia)</i>	
About distinguishing of the local-chronological groups of TripolyeB-I on the territory of Moldova.....	135
<i>Skakun N.N. (St. Petersburg, Russia).</i>	
New excavations on the Tripolian settlement Bodaki	138
<i>Tsvetk E.V. (Kiev, Ukraine)</i>	
Some aspects of house-building of Tripolye culture.....	140
<i>Tsvetk E.V., Movchan I.I. (Kiev, Ukraine)</i>	
New production complex of Tripolye culture for extraction and flint-working.....	142
<i>Minasyan R.S. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Casting industry in the South-Eastern Europe in the Eneolithic.....	144
<i>Rindyuk N.V., Starkova E.G. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Clay «Rhombic Amulets» in Tripolye and Gumelnitsa cultures.....	146
<i>Ovchinnikov E.V. (Kiev, Ukraine).</i>	
Models in Tripolye Culture. Attempt of systematization.....	148
<i>Kaloshina O.S. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Horse figures from Kokel cemetery (ethnographical aspect).....	151
<i>Kalinina I.V. (St. Petersburg, Russia).</i>	
Ritual vessel of the Udge in archaeological aspect	153
<i>Annaud M. (Bordeaux, France)</i>	
Sexual images in the Australian aboriginal art: Contribution of ethnohistory into interpretation of the archaeological data	156
<i>Bronshstein M.M. (Moscow, Russia).</i>	
The ancient Eskimo art of Chukot peninsula (On the problem of Study of the regularities of development of the primitive culture	158
<i>Gusev S.V. (Moscow, Russia).</i>	
Archaeology and folklore of the Asiatic Eskimos	161
<i>Shchavalev S.P. (Kursk, Russia).</i>	
Ethnographical materials in the scientific heritage of an archaeologist D.Ya. Samokvasov	164
<i>Reshetov A.M. (St. Petersburg, Russia).</i>	
V.S. Adrianov's collections in the MAE.....	166
<i>Kulakov S.A. (St. Petersburg, Russia)</i>	
To the possibility of distinguishing of the tayacian-dental circle of industries in the Low Palaeolithic of the Western Caucasus.....	168
Summary.....	171

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

*Утверждено к печати Ученым советом
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской Академии наук*

Редактор *И.Н. Ионина*
Художник *А.Ю. Харитонова*
Набор и макет *М.П. Онянова*
Перевод на английский язык *Н.В. Риндюк*